

ЖАРЬПТИЦА СЛАВЯНСК

Бал'монт, К.Д.

К. Д. БАЛЬМОНТЬ

ЖАРЪ-ПТИЦА

ІСВИРЬ СЛАВЯНИНА

МОСКВА 1907
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПОНЪ“

ЕСВ

Жарь-Птица

Свирѣль Славянина

1906 —Лѣто

*Народные поэзии—
Неполные страницы,
Разрозненные перья
От улетевшей птицы.*

*Она сюда сидела
На камне самоизгнанномъ,
И пила здѣсь такъ смѣло
О синь свое изъ засѣтнога.*

*О томъ заморскомъ краѣ,
Гдѣ Море съ Небомъ слито,
Гдѣ души, въ стъчнои Мая,
Цептами перевита.*

*Гдѣ сятое зараженіе,
Гдѣ завершеніе мраковъ,
Гдѣ видитъ умъ сплетеніе
Всего какъ этихъ знаковъ.*

*Пропѣла, улетѣла,
Предъ взоромъ лишь зарница,
Лишь видишь—здѣсь блестѣла
Вонстину Жаръ-Птица.*

ВОРОЖБА.

ЗНАКЪ : ХРИЗОЛИТЪ.

Хризолитъ, наленовато-золотистый, столь величимъ обладаетъ холодомъ, что, приложивъ его къ лицу, ухѣряютъ жаръ горячкъ. Отъ Звѣзды возущайся Сѣверныи Вѣнцомъ даръ онъ этотъ имѣть. И хорошоъ они лѣбы прогонять видѣнія.

Жазъ де за Тай де Бондаруа.

ЗАГОВОРЬ НА ПОСАЖЕНИЕ ПЧЕЛЬ ВЪ УЛЕЙ.

Пчелы роятся,
 Пчелы плодятся,
 Пчелы смирятся.
 Стану я на Востокъ,
 Сводъ небесный широкъ,
 А въ саду у меня тѣсный есть уголокъ.
 Беру я пчелу, и въ улей сажаю,
 Вольную, въ тѣснотѣ и темнотѣ, пчелу замыкаю.
 Ее, золотую, жалѣю,
 Бесѣдуя съ нею,
 Любя.
 Не я въ этотъ улей сажаю тебя,
 Бѣлые звѣзды, и мѣсяцъ двурогій,
 И Солнце, что свѣтить полянѣ отлогой,
 Сажаютъ тебя, укорачиваютъ,
 Въ улей тебя заколачиваютъ.
 Сиди же, пчела, и ронсь,
 На округъ на мой лишь садись,
 И съ бѣлыхъ, и съ красныхъ, и съ синихъ цвѣтовъ
 пыль собирать не лѣнись.
 А тебя я, пчелиная матка, замыкаю на всѣ пути,
 Чтобъ тебѣ никуда не идти,
 Запираю замкомъ,
 Разставайся со днемъ,

Ты во тьмѣ ужъ усладу себѣ улучи,
Подъ зеленый кустъ, въ Океанъ я бросаю ключи.
А въ зеленомъ кустѣ грозна Матка сидѣть,
Маткамъ старшая всѣмъ,
И сидѣть, и гудить—
Непокорную жечь! Непокорна зачѣмы!
Въ лугъ за цвѣтами, цвѣтикъ есть азъ,
Бѣлый и синій расцвѣль.
Матка гудить. Семьдесятъ семь у ней жалъ,
Для непокорныхъ пчель.
Будьте жъ послушными, пчелы,
Пусть отягчится, какъ гроздъ полновѣсный,
Межъ цвѣтовъ свѣтловольныхъ и кельею тѣсной,
Рой вашъ веселый.
Съ вами въ союзъ я вошелъ,
Слово я твердо сказалъ,
Его повторять я не стану.
За непокорище жъ тотчасъ подъ кустъ, къ Океану,
Тамъ Матка старшая сидѣть, и семьдесятъ семь у ней
жалъ,
Семьдесятъ семь у ней жалъ,
Для непокорныхъ пчель!

ЗАГОВОРЬ НА ЗЕЛЕНУЮ ДУБРОВУ.

Я по острову хожу,
 Черезъ всѣ лѣса гляжу,
 По прогалинамъ и мракамъ,
 По оврагамъ, буеракамъ,
 Дубъ, береза, липа, ель,
 Ива, жимолость, и хмѣль,
 И калина, и рябина,
 И дрожащая осина.
 Я по всѣмъ гляжу вѣтвамъ,
 По листамъ, и по цвѣтамъ,
 Я зову мою дуброву,—
 Быть бы живу мнѣ, здорову:—
 Подстучись къ ней звѣрь и гадъ,
 Чтобъ сейчасъ же шли назадъ,
 Чтобъ не шли къ намъ люди злые,
 Вѣдьмы, вихри, водяные,
 Чтобъ въ дубровѣ, подъ листвой,
 Самъ себѣ я былъ большой,
 Чтобы листья мнѣ, въ шуршанья,
 Были въ тихомъ послушанья,
 Чтобы легкій вѣтеръ къ намъ
 Шелъ, танцуя, по верхамъ.

ЗАГОВОРЪ ПРОТИВЪ ЗМѢИ.

Змѣя-Мѣдяница, старшая межъ змѣй,
 Зачѣмъ учиняешь взъяны, и жалиши, и жалиши людей?
 Ты, съ мѣднымъ горѣньемъ въ глазахъ своихъ злыхъ,
 Собери всѣхъ родныхъ и чужихъ,
 Не дѣлай злодѣйствъ, не чини оскорбления кровнаго,
 Вынь жало изъ тѣла грѣховнаго,
 Чтобы огонь отравы притихъ.
 А ежели нѣть,—я кару придумаю тебѣ роковую,
 Тучу нашлю на тебя грозовую,
 Тебя она частымъ каменѣніемъ побѣсть,
 Молнией туча пожгетъ,
 Успокоишься,
 Отъ тучи нигдѣ не укроешься,
 Ни подъ колодой, ни подъ межой,
 Ни на лугу, ни въ полѣ,
 Ни въ темномъ лѣсу, ни за травой,
 Ни въ норѣ, ни въ оврагѣ, въ подземной неволѣ.
 Чуръ меня, чуръ!
 Сниму я съ тебя, Мѣдяница, двѣнадцать шкуръ,
 Всѣ разноцвѣтныя,
 Глазу замѣтныя,
 И иные, для глазъ непримѣтныя,
 Тебя самое сожгу,
 По чистому полю развѣю!
 Слово мое не прѣдетъ, горе и смерть врагу,
 Слово мое какъ Судьба, бойся встрѣчаться съ нею!

ЗАГОВОРЬ РАТИКА.

Подъ моремъ Хвалинскимъ стоять мѣдный домъ,
 Закованъ Змѣй огненный въ домѣ томъ,
 Подъ Змѣемъ подъ огненнымъ ключь семипудовой,
 Отъ свѣтлого терема, съ богатырской броней.
 По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ,
 Плыветъ Лебедь бѣлая, по синимъ волнамъ,
 Ту Лебедь поймаю я, схватаю ее,
 Ты, Лебедь, исполни мнѣ желанье мое.
 На море Хвалинское лети поскорѣй,
 Сдѣтай такъ, чтобы заклеванъ былъ огненный Змѣй,
 Изъ-подъ Змѣя достань мнѣ ключь семипудовой,
 Лети себѣ послѣ на Волгу домой.
 — До моря Хвалинского не мнѣ долетать,
 И Змѣя, что въ пламени, не мнѣ заклевать,
 И мнѣ ль дотащить ключь семипудовой,
 Отпусти меня лучше за совѣтъ дорогой.
 На Буянѣ на островѣ — для тебя это кладъ —
 Воронъ есть, онъ всѣмъ воронамъ старшій братъ,
 Злою Вѣдьмою Кіевской онъ посаженъ, — такъ вотъ,
 Долетѣть до огнистаго, Змѣя онъ заклюетъ.—
 Какъ мнѣ Лебедь повѣдала, такъ я сдѣлалъ, пошелъ,
 И въ лѣсу съ злую Вѣдьмою я избушку нашелъ,
 Злая Вѣдьма упрамиласъ: — Что, моль, Вороны! Что въ немъ!
 Но сказала, помчался онъ, привлѣклъ въ мѣдный домъ.
 Онъ разбилъ мѣдный домъ, онъ уважилъ меня,
 Змѣя онъ заклевалъ, не страшася огня,

Онъ досталъ и принесъ мнъ ключъ семипудовой,
Отперъ теремъ я свѣтлый, и владѣю броней.
Въ этой бранной одеждѣ, все впередъ я, впередъ,
Ни стрѣла не достанеть, ни пашаль не убеть.
Симъ моимъ заговоромъ оградившись, иду.
Воронъ, Воронъ о, Воронъ, врагъ желаненъ, я жду!

ЗАГОВОРЬ ОТЪ ПОГАСШИХЪ.

Иду я въ чистомъ полѣ,
 На свѣтлой вольной волѣ,
 Навстрѣчу мнѣ бѣгутъ,
 Свались въ крученый жгутъ,
 Семь духовъ съ полудухами,
 Все черные, все злые,
 Охочіе до зла.
 Семь духовъ съ полудухами,
 Моя душа свѣтла,
 Всѣ злости — мнѣ чужія,
 Чѣдѣлать вмѣстѣ намъ?
 Идите къ старикамъ,
 Со злобными старухами,
 Со злобными,
 Надгробными,
 Бѣгите въ старость — тамъ,
 Обширная канѣ нива,
 Всегда вами есть пожива,
 Я — вѣсны длю,
 Я то люблю,
 Что юно и красиво.
 Подальше отъ меня
 Погасшихъ вы держите,
 Бѣгите же, сѣѣшите,
 Не тѣмъ быть съ свѣтомъ дня,
 Прочь, дальше отъ меня!

ЗАГОВОРЬ ХМЪЛЯ.

Хмъль я, смиющійся Хмъль,
 Пчела прожужжитъ, или шмель,
 Все цвѣтеть расцвѣтающій Хмъль.
 Хмъль я, пьяню я, и иллю,
 Снова, въ похмѣльи, хмѣлью.
 И поеть, разливаясь, саиръль.
 Все я цвѣту да гуляю,
 Самъ я себя выхваляю: —
 Нѣть меня, Хмѣля, сильней,
 Нѣть веселый и хмѣльней.
 Старъ меня знать и малъ,
 Хмѣля, какъ вешняго Леля,
 Царь не одинъ восхвалиягъ.
 Долга безъ Хмѣля недѣля.
 Меня и мудрецъ восхвалилъ,
 Пріумножилъ я мудрому силь.
 Меня славословилъ монахъ
 Въ именитыхъ своихъ погребахъ.
 Рабочій, крестьянинъ, солдатъ
 Захмѣлюютъ — ой, Хмѣлюшко, братъ! —
 А я ихъ скорѣй на постель,
 Я добрый бываю, я Хмѣль.
 Дѣвица ль со мнай, молодица, —
 Поеть имъ любовная птица,

Войду я имъ въ разумъ, пьяню,
 И губы къ губамъ я маню.
 Гдѣ Хмѣль, — тамъ сейчасъ обниматься,
 Гдѣ Хмѣль, — тамъ браниться и драться,
 А чуть кто отъ Хмѣлю проснится, —
 Мириться, и въ Хмѣль дружиться.
 Хмѣля кому же не знать, —
 Велика, велика моя рать!

Былъ только лихъ на меня
 Садовникъ, сурьезный мужикъ.
 Вотъ онъ пришелъ среди дня —
 Больно работать привыкъ —
 По саду ходить, гуляетъ,
 Борозды всюду копаетъ,
 Соломою ихъ застилаетъ.
 Тутъ-то я, Хмѣль, загадалъ,
 По тычиночкѣ вверхъ подавался,
 По тычинкѣ легко побѣжалъ,
 Надъ сурьезнымъ надъ нимъ посмѣялся, —
 Какъ ударится въ тынъ головой,
 Какъ взмахнетъ да въ грязь бородой.
 Такъ-то, братъ, эдакъ вѣришь,
 Будешь теперь похмѣльничь.
 Кто на Хмѣля возсталъ, берегись: —
 Сверху падають — такъ таки внизъ!

ЗАГОВОРЬ ЛЮБОВНЫИ.

Въ чисто поле я пойду,
 Рѣчъ съ Вѣтрами поведу:—
 Вѣты, Вихори, скорѣй,
 Дайте власть мечтѣ моей,
 Буйны Вихори, яруйте,
 По всему вы свѣту дуйте,
 Распалите, разожгите,
 Дѣву красную сведите
 Вы со мной,
 Душа съ душой,
 Тѣло съ тѣломъ,
 Онѣмѣлымъ,
 Плоть же съ плотью,
 Хоть же съ хотью,
 Поскорѣй,
 Вѣты, къ радости моей,
 Счастья ради, страсти ради,
 День въ ея зажгите взглядѣ,
 Вы въ ея мечтахъ повѣйте,
 Разогрѣйте, разомлѣйте,
 Вы въ ея застыньте слухѣ,
 Не сроните словъ присухи
 Ни на воду, ни на лѣсь,
 Ни на землю — силень Бѣсъ:—

Въ воду сроните — вода
 Вся изсохнетъ навсегда,
 Въ лѣсъ — такъ лѣсъ шумѣть не станетъ,
 Лѣсъ засохнетъ, лѣсъ повинетъ,
 А на землю — міръ сгоритъ.
 Все горя, возговорить: —
 Вѣтры, Вихори, яруйте,
 Только насть скорѣй задуйте,
 А присуху поскорѣй
 Къ милой мчите, будьте съ ней,
 Вы снесите, положите
 Этотъ пламень въ сердце ей,
 Въ тѣло бѣлое, живое,
 Въ сердце дѣва ретивое,
 Въ хоть и плоть,
 Въ хоть и плоть! —

Въ чистомъ полѣ есть криница,
 Въ чистомъ полѣ Чаровница,
 Печь горить, а на печи
 Кипъ кипитъ, прядеть лучи,
 Кипъ капитъ, перекипаетъ,
 Все горить, перегораетъ,
 Сохнетъ, сохнетъ на огнѣ, —
 Такъ бы дѣва обо мнѣ
 Ретивымъ своимъ кипѣла,
 Кровью жгучею горѣла,
 Безъ меня бы не умѣла
 Ни забыться, ни любить,
 Безъ меня ни жить, ни быть!

ЗАГОВОРЬ СЕМИ ВѢТРОВЪ.

Въ чисто поле я пошелъ,
 Въ чисто поле я пришелъ,
 На Востокъ я поглядѣлъ,
 На Востокъ камень бѣль,
 На Востокъ камень алъ,
 Семь я братьевъ повстрѣчалъ,
 Семь я братьевъ, семь Вѣтровъ
 Вопрошалъ напѣвомъ словъ:—
 Семь вы братьевъ, Вѣтровъ буйныхъ,
 Семь вы Вѣтровъ многоструйныхъ,
 Вы вблизи, и вы вдали,
 Вы теперь куда пошли?
 — Шли мы въ чистыя поля,
 Бродимъ, колось шевеля,
 Шли въ широкія раздолія,
 Шли въ лѣса, гдѣ пни и волья,
 Шли туда, гдѣ косять травы,
 Рубятъ лѣсъ, искать забавы,
 Гдѣ распахана земля,
 Гдѣ въ продольностяхъ поля.—
 — Вы подите, семь Вѣтровъ,
 Соберите съ блѣдныхъ вдовъ
 Всю ихъ жгучую тоску,
 Слезъ текучую рѣку,

За одинъ возьмите счетъ
 Всѣ тоски у всѣхъ сиротъ,
 Всѣ ихъ вбросьте вы въ нее,
 Сердце кто томитъ мое,
 Въ ней зажгитесь вдвое, втрое,
 Распалите ретивое,
 Кровь горячую пьяни,
 Чтобы возаждала меня,
 Чтобы отъ этой жгучей жажды
 Разгорѣлась не однажды,
 Чтобы ей неможно быть,
 Безъ меня ни ъсть, ни пить,
 Чтобы скучала, замѣчала,
 Что дышать ей стало мало,
 Какъ горящимъ въ часъ бѣды,
 Или рыбѣ безъ воды,
 Чтобы бѣгала, искала,
 Страха Божія не знала,
 Не боялась ничего,
 Не стыдилась никого,
 И въ уста бы цѣловала,
 И руками обнимала,
 И какъ вьется хмѣль средь дня,
 Такъ вилась бы вкругъ меня.

ЗАГОВОРЪ НА ТРИДЦАТЬ ТРИ ТОСКИ.

Тамъ на морѣ Океанѣ,
 Тамъ на островѣ Буянѣ,
 Свѣтить камень Алатырь,
 А кругомъ и даль и ширь.
 На огнѣ тамъ есть доска,
 На доскѣ лежитъ тоска,
 Не одна тоска, смотри,
 Не одна, а тридцать три.
 И мечутся тоски,
 Кидаются тоски,
 И бросаются тоски,
 Вдоль дороги, вдоль рѣки.
 Черезъ всѣ пути-дороги,
 Черезъ горы крутогоры,
 Перепутьемъ и путемъ,
 Мчатся ночью, мчатся днемъ.
 Дѣва смотрѣть вдоль рѣки,
 Вы мечитесь къ ней, тоски,
 Къ дѣвѣ киньтесь вы, тоски,
 Опрокиньтесь вы, тоски,
 Киньтесь въ очи, бросьтесь въ лицо,
 Чтобы міръ въ глазахъ поникъ,
 И въ сахарныя уста,
 Чтобы страдала красота.

Чтобы молодецъ быль ей
Свѣта бѣлаго милѣй,
Чтобы Солнце ослѣпилъ,
Чтобы Мѣсяцемъ ей быль.
Такъ, не помяя ничего,
Чтобъ плясала для него,
Чтобы тридцать три тоски
Была въ пляскѣ позвонка.
Чтобъ кидалася она,
И металася она,
И бросалася она,
И покорна, и нѣжна.

ЗАГОВОРЬ КРАСНОЙ ДЬВИЦЫ.

Съ темной зарею, съ вечерней зарею,
 Спать я ложилась, заря закатилась,
 Было темнымъ темно.
 Вставала я съ утренней красной зарю,
 Умывалась я снѣжной водой ключевою,
 Было свѣтлымъ свѣтло.
 Изъ двери во дверь, изъ воротъ воротами,
 Пошла я дорогой, сухими путями,
 До Моря, гдѣ островъ на немъ.
 Отъ Моря смотрѣла, а Море горѣло,
 На поле смотрѣла, и въ полѣ узрѣла:—
 Стоитъ Семибашенный Домъ.
 Пою я, и вижу, подъ слово напѣва:—
 Тамъ Красная Дѣва, тамъ ясная дѣва
 На креслѣ сидить золотомъ.
 Твердить заговоры, на скорби, недуги,
 И стала молить я о миломъ, о другѣ,
 Вошла въ Семибашенный Домъ.
 Сердцемъ смирилась, до ногъ поклонилась,
 Вотъ, говорю, я къ Могучей явилась,
 Ты мнѣ съ моимъ помоги.
 Чарой скрути призороки, недуги.
 Злыя шептанья, намеки, испуги,
 Все, что готовятъ враги.
 Все за двѣнадцатью спрячь ты замками,

Красная Дѣва, будь ласкова съ нами,
Въ Море ключи опусти.
Бѣлая рыбка пустъ ихъ проглотить,
Всѣ пустъ двѣнадцать ключей не воротить,
Дай намъ любить и цвѣсти.
Съ темной зарею, съ вечерней зарею,
Пусть онъ смѣется со мною одною,
Будетъ темнымъ темно.
Съ утренней мглою, съ красной зарею,
Пусть онъ подольше помедлитъ со мною,
Будетъ свѣтлымъ свѣтло.

ЗАГОВОРЬ МАТЕРИ.

Разрыдалась я во теремъ родительскомъ высокомъ,
Съ красной утренней зари
Въ чисто поле, въ тоскованыи одинокомъ,
Все смотря, смотря, какъ въ Небѣ, въ тучкахъ таютъ янтары,
Досидѣлася до поздней до вечерней я зари,
До сырой росы, въ бѣдѣ,
Стало ясно и звѣздисто, стало тихо такъ вездѣ.
Не взмѣдалось мнѣ о дитяткѣ тоской себя крушить,
Гробовую я придумала тоску заговорить.
Чашу брачную взяла я, со свѣчою обручальной,
Въ чисто поле я попла,
Я достала плать вѣничальный,
Въ студенцѣ загорномъ, чистомъ, зачерпнувъ, воды взяла,
Призорочною чертою
Очертилась я въ лѣсу,
Подъ Луну молодою
Я надъ свѣжею водою
Слово молвлю о дитяти, чтобъ сберечь его красу.

Вотъ надъ чашей этой брачной,
Надъ водой ключа прозрачной,
Предъ свѣчою обручальной,
Разстеливши плать вѣничальный,
Чисто лицико я мою,
И свѣчу своей свѣчою,

Той единою, вѣчальной,
 Чтобы не быть душѣ—печальной,
 Утираю платомъ бѣлымъ,
 Завѣщаю: Вѣкъ будь смильны,
 Будь весеннихъ дней милѣ,
 Солнца яснаго свѣтлѣ,
 Ненаглядный мой, любя,
 Отвожу я отъ тебя:—
 Духа страшнаго, сѣдого,
 Вѣтра, Вихоря ночного,
 Домовыхъ и водяныхъ,
 Одноглазыхъ лѣшникъ злы;—
 Змѣя огненнаго знаю,
 Отъ него предохраню,
 И отъ Кіевской оть злой
 Вѣдьмы, съ Муромской сестрой;—
 И отъ Ворона лихого,
 Отъ Кощея, и отъ слова
 Чернокнижника-волхва,
 Чьи захватисты слова;—
 Отъ русалки оть моргуны,
 И отъ той Яги-колдуны,
 И отъ знахаря-слѣпца
 Будь сохраненъ до конца.
 Пусть въ ночи и въ полуночи
 У тебя не меркнутъ очи,
 Пусть въ дорогѣ и пути
 Знаешь ты, куда идти.
 Будь скрытъ оть скорби страстной,
 И оть смерти оть напрасной,
 Отъ враговъ и оть бѣды,
 Отъ огня и отъ воды.
 А какъ часъ твой смертный глянетъ,
 Пусть твой разумъ воспомянеть
 Про того, въ тебѣ чья кровь,

Про мою къ тебѣ любовь.
Ты на родину вернися,
Съ кровнымъ, съ близкимъ распростишся,
И къ сырой землѣ прильни,
Непробуднымъ сномъ засни.
Слово то, что я сказала,
Живо съ самаго начала,
И сильнѣе, чѣмъ Вода,
Да пребудетъ навсегда.
Кто перечитъ мнѣ захочеть,
Кто морочить, узорочить,
Пусть узорчанье его
Возвратится на него.
Пусть въ свои владеть узоры,
И за древнія за горы
Пусть вѣдунъ напрасный тотъ
Въ Преисподнюю сойдетъ.

ЗАГОВОРЬ ОХОТНИКА.

Засвѣтло всталъ я,
 Лицо умывалъ я,
 И въ двери иду изъ дверей,
 Изъ воротъ я иду въ ворота,
 Въ чисто поле, къ дремучему лѣсу, гдѣ между вѣтвей
 Днемъ темнота.
 А изъ лѣсу дремучаго, темнаго,
 Изъ лѣсу огромнаго,
 Двадцать бѣгутъ ко мнѣ дьяволовъ, сатаналовъ, лѣсныхъ,
 И двадцать иныхъ,
 Пѣши, конные, черные, бѣлые,
 Низкіе,
 Близкіе,
 Страшны видомъ, а сами несмѣльны,
 Сатаналы, и дьяволы, стали они предо мной,
 На опушкѣ лѣсной.
 Сатаналы, и лѣши, дьяволы странные,
 Низкіе, блазкіе, темные,
 Плоско-огромные,
 И вы, безъимянные,
 Видомъ иные,
 На островъ идите,
 Звѣрей мнѣ гоните,
 Въ моя западни поставныя,

Ночные, вечерня, утрення,
И полуденные, и полуночные,
Идите, гоните,
Остановите,
Въ моихъ западнахъ примкните!

ЗАГОВОРЪ НА УТИХАНИЕ КРОВИ.

Два брата камень сѣкуть,
 Гдѣ два брата, и кровь есть тутъ.
 Двѣ сестры въ окошко глядѣть,
 Двѣ свекрови въ воротахъ стоять.
 Ты, свекоръ, воротись,
 А ты, кровь, утолись.
 Ты, сестра, отворотись,
 А ты, кровь, уймись.
 Ты, братъ, смирись,
 А ты, кровь, запрись.
 Кровь бѣжитъ, братъ дрожитъ,
 Братъ дрожитъ, братъ бѣжитъ,
 Сестра кричитъ, свекоръ ворчитъ.
 А это слово крѣпко будь,
 Чтобъ кровь идти забыла путь,
 Чтобъ кто ушелъ, пришелъ назадъ,
 Сестра къ сестрѣ, и къ брату братъ.

ЗАГОВОРЬ НА ПУТЬ-ДОРОГУ.

Бду я изъ поля въ поле, поле въ поле, и луга,
 Дологъ путь, и нѣть мнѣ друга, всюду чувствую врага.
 По вечернимъ ъду зорямъ, и по утренней зарѣ,
 Умываюся росою въ раноутренней порѣ.
 Утираюсь яснымъ солнцемъ, облекаюсь въ облака,
 Опоясался звѣздами, и свѣтла моя тоска.
 О, свѣтла тоска, какъ слезы, звѣздныи трепетомъ жива,
 Бду полемъ, въ чистомъ полѣ Одоленъ ростеть трава.
 Одоленъ-траву сорвалъ я, сей на сердцѣ быть, цвѣти,
 Сдѣлай легкой путь-дорогу, будь подмогой мнѣ въ пути.
 Одолѣй высоки горы, долы, топи, берега,
 Темны чащи, темны думы, тайну темного врага.
 Чтобы рука не поднималась, замышляющая зло,
 Чтобы въ совѣсти вспѣнной стало тахо и свѣтло,
 Чтобы зеркаломъ холодныи въ даль душа могла взглянуть,
 Чтобы съ цвѣткомъ, съ цвѣткомъ у сердца, равномѣрно мѣрить путь.

ЗАГОВОРЬ ОТЪ ЧЕРНОЙ НЕМОЧИ.

Птица летить за моря,
 Звѣрь за лѣса убѣгаеть,
 Дерево въ дерево, искра въ огонь ускользаетъ, горя,
 Желѣзо въ руду, свою мать, земля въ Мать-Землю вникаеть,—
 Такъ, Черная немочь, не мучай души,
 Не мучь и усталаго тѣла,
 Въ черную тьму, въ непроглядную Ночь поспѣши,
 Въ пропасть, гдѣ Ночь безъ предѣла.
 Оставь Человѣка, недугъ,
 Уйдите, болѣсти, хворобы,
 Уныніе, приступы злобы,
 Всѣ ворчи, которыхъ узять, кривять мірозданія кругъ.
 Да не будуть умы какъ угрюмые гробы,
 Сѣть да войдетъ въ бытіе,
 Слово велико мое,
 Въ словѣ моемъ Человѣкъ воплощаетъ желанье свое!

ЗАГОВОРЪ ГРОМОВЪ.

Громъ съ Востока означаетъ изобиліе во всемъ,
 Громъ съ Полудня—лѣто тепло, но созрѣвые яблокъ трудно,
 Громъ отъ Запада—такъ лѣто будетъ скучное дождемъ,
 Громъ съ Полуночи—такъ лѣто будетъ сѣверно и скучно.
 Громъ съ Полуночи—замкнись въ холодномъ царствія своемъ,
 Громъ отъ Запада—слюбися съ влажной тучей обоюдно,
 Громъ съ Полудня—въ честь твою мы сокъ изъ яблокъ винный
 пъемъ,
 Громъ съ Востока, Громъ съ Полудня—гряньте въ міръ много-
 чудно.

ЗАГОВОРЪ ОТЪ СГЛАЗА.

Богъ, избавь отъ глаза нась,
 Защити на слабый часъ,
 Сохрани отъ чернаго,
 Сѣро-голубого,
 Ласковаго, злого,
 Желтаго, укорнаго,
 Синяго, нѣмого,
 Отъ зеленолистнаго,
 Горько-ненавистнаго,
 Лживаго, завистнаго,
 Яснаго, лихого,
 Женскаго, мужскаго,
 И отъ полуночнаго,
 Отъ совсѣмъ бессрочнаго,
 Отъ непостижимаго,
 Намъ неощутимаго,
 Но неотвратимаго,
 Богъ, избавь отъ глаза нась,
 Въ глазѣ жизнь—и смертныи часъ.

ЗАГОВОРЪ ПРОТИВЪ СМЕРТИ.

Начертывши ножомъ
 Круговую черту,
 Углемъ ее обведя,
 И зажженной лучиной какъ глазомъ змѣйнымъ гляди,
 Въ полночасьи ночномъ,
 И зажженной лучиной, сосновой, отрѣзанный кругъ свой святы,
 Озаряя свою круговую черту,
 Я въ молчаныи узоры заклятья, узоры проклятья плету.
 Смерть заклинаю,—не бѣлую,—черную,
 Желтую, сѣрую, красную,
 Смерть я зову, отвергаю,
 Зарокъ налагаю
 На рабыню подвластную,
 Смерть, уходи,
 Въ сказку мою, въ сказку жизни узорную,
 Смерть, не гляди,
 Смерть заклинаю я красную,
 Отъ убийства, безчасную,
 Смерть заклинаю я черную,
 Отъ безчестья, позорную,
 Смерть заклинаю я желтую, Смерть пожелтѣвшую,
 Съ жизнью живущую, съ жизнью отъ лѣтъ ослабѣвшую,
 Смерть заклинаю ползучую, сѣрую,
 Мутною тучей встающую,

Чтобы закрыть, заслонить Красоту съ жизнелюбящей вѣрою,
 Сѣро-гнетущую,
 Самую тяжкую, самую въ жизняхъ обычную,
 Соки въ расцвѣтностяхъ пьющую,
 Тяжесть кошмарныхъ повторностей, тускло ростущую,
 Съ силой дневной, ежедневной, недѣльной, годичною,
 Въ плоскости все забывающей, краски стирающей,
 Счета не знающей,
 Счета не знающей,
 Незнакомой съ какой бы то ия было мѣрою,
 Смерть заклинаю я сѣрую,—
 Чтобы въ садъ мой, въ расцвѣтной различности дней,
 Когда я прослушаю пѣснь полнозвонности,
 Когда охвачу всѣ предѣлы я,—
 Въ своей непреклонности,
 Въ освѣжительной силѣ своей,
 Пришла ко мнѣ, бѣлая, бѣлая,
 Та, въ нагорной одеждѣ, что Смертью зовется, равно, межъ людей,
 Но кого я Свободой, и Новою Жизнью зову въ многострунностяхъ
 пѣсни моей.

ЗАГОВОРЪ ОТЪ МЕТАЛЛОВЪ И СТРѢЛЬ.

За горами за дольними
 Тамъ Небо беззвѣздное,
 За горами за дольними
 Есть Море жѣзное.
 Путь въ Морѣ безслѣдный,
 Есть въ Морѣ столбъ мѣдный,
 На столбѣ томъ чугунный Пастухъ,
 Отъ всѣхъ онъ живыхъ вдали,
 До Неба тотъ столбъ отъ Земли,
 На Востокъ и на Западъ чугунный Пастухъ
 Говорить, размышляя вслухъ.
 У того Пастуха убѣдителенъ видъ,
 Онъ, заповѣдуя, дѣтамъ своимъ говорить:—
 Желѣзу, булату, синому, красному,
 Мѣди и стали,
 Свинцу,
 Сѣребру, золоту, цѣниому камню прекрасному,
 Стрѣламъ и пицали,
 Борцамъ зауряднымъ, кулачнымъ, и чудо-борцу,
 Великій даетъ имъ завѣтъ:—
 Вы всѣ, увидавшие сеять,
 Желѣзо, каменья, свинецъ,
 Другіе металлы, узнайте теперь свой конецъ,
 Въ мать свою Землю сокройтесь, въ глубины Молчанья великаго,

Въ безгласную Ночь,
Отъ лица свѣтлоликаго
Прочь!
Пищалямъ, книжалу, ножу, топору—
Кровавую кончить вгру,
Пусть на лукъ застынетъ навѣкъ тетива.
Крѣпче кольчуги и тверже булата
Воля, что ската
Въ эти слова,
Я вхъ замыкаю замками, и ключъ
Бросаю подъ Камень горючъ,
На дно,
Въ желѣзное Море. Да будетъ отнынѣ рѣшенье мое свершено!

ЗЫБИ ГЛУБИННЫЯ.

ЗНАКЪ: ГОРНЫЙ ХРУСТАЛЬ.

Солнечный светъ, проходя черезъ горный
хрусталь, зажигаетъ огонь, который издревле
зовется сияющими огнемъ.

Орфей.

МЕЖДУ ОГНЕМЪ И ВОДОИ.

Море съ Землей говорило:
 Въ комъ изъ насть наибольшая сила?
 Земля отвѣчала вулканомъ: Во мнѣ.
 Но хохотъ раздался въ морской глубинѣ.
 Земля обожгла всѣ приморскія страны,
 Но въ Морѣ подводные вскрылись вулканы,
 Въ огнѣ.
 И въ Мексикѣ есть не одинъ Геркуланумъ,
 Но свель ли кто счетъ всѣмъ потопленнымъ странамъ,
 На днѣ?

Море съ Землей говорило:
 Что же, въ комъ наибольшая сила?
 Земля отвѣчала чуть слышно: Во мнѣ.
 И цвѣтость въ предвечерней расцвѣль тишинѣ.
 Море цвѣтка не достало,
 Но вѣрить въ побѣду земную не стало.
 И тучку родила морская вода,
 И въ тучѣ жемчужная свѣтила звѣзда.

ВЪ НАЧАЛЬ ВРЕМЕНЬ.

Славянское сказание.

Въ началѣ временъ
 Бездѣ было только лишь Небо да Море.
 Лишь дали мorskія, лишь дали мorskія, да свѣтлый бездонный
 вокругъ нихъ небосклонъ.
 Въ началѣ временъ
 Богъ плавалъ въ ладѣ, въ безпрѣютномъ, въ безбрежнемъ просторѣ,
 И было повсюду лишь Небо да Море.
 Ни лѣса, ни травки, ни горъ, ни полей,
 Ни блеска очей, Миръ—безъ сновъ, и ничей.
 Богъ плавалъ, и видѣть—густая великая пѣна,
 Тамъ Кто-то лежитъ.
 Тотъ Кто-то невѣдомый тайну въ себѣ сторожить,
 Названіе тайной мечты—Перемѣна,
 Не видно ся никому,
 Въ иѣмой сокровенности—дѣйственно-страшная сила,
 Но Морю и Небу значеніе пѣны въ то время невидимо было.
 Богъ видѣть Кого-то, и лодку направилъ къ нему.
 Невѣдомый смотрѣть изъ пѣны, какъ будто бы что запримѣтилъ.
 „Ты кто?“—вопрошаєтъ Господь.
 Причудливо этотъ безвестный отвѣтилъ:—
 „Есть Плоть, надлежащая Духу, и Духъ, устремившійся въ Плоть.
 Кто я, разскажу. Но начально
 Возьми меня въ лодку свою“.

Богъ молвилъ: „Иди“. И протяжно затѣмъ, и печально,
Какъ будто бы издали голосъ раздался вступившаго съ Богомъ въ
ладью:—

„Я Дьяволъ“.—И молча тѣ двое поплыли,
Въ своей изначальной столь разнствуя силѣ.
Весло, разрѣзая, дробило струю.
Тѣ двое, тѣ двое.

Кругомъ—только Небо да Море, лишь Море да Небо нѣмое.
И Дьяволъ сказалъ: „Хорошо если бъ твердая встала Земля,
Чтобъ было намъ гдѣ отдохнуть“. И весломъ шевеля,
Богъ вымолвилъ: „Будеть. На дно опустись ты морское,
Пригорю песку набери тамъ во имя мое,
Сюда принеси, это будетъ Земля, Бытие“.

Такъ сказалъ, и умолкъ въ совершенномъ покой.
А Дьяволъ спустился до дна,
И въ Морѣ глубокомъ,
Сверкающи въ низинагъ тревожнымъ возжаждавшимъ окомъ,
Двѣ горсти песку онъ собралъ, но во имя свое, Сатана.
Онъ выплылъ ликую, играя,
Взглянуль—ни песчинки въ рукѣ,
Взглянуль, подивился—сводъ Неба предъ этимъ сіяль и синѣль
вдалекѣ,

Теперь—отодвинулась вдвое и втрое надъ нимъ высота голубая.
Онъ снова къ низинамъ нырнулъ.
Впервые на Морѣ былъ бѣшеный гулъ,
И Небо содвинулось, дальше еще отступая,
Какъ будто хотѣло скрыться въ бездонностяхъ, прочь.
Приблизилась первая Ночь.

Вотъ Дьяволъ опять показался. Шумнѣй онъ дышалъ и свободней.
Въ рукѣ золотилися зерна песку,
Изъ бездны внесенные ввысь, во имя десницы Господней.
Изъ каждой песчинки—Земли создалось по куску.
И было Земли ровно столько, какъ нужно,
Чтобъ рядомъ улечься обонь имъ дружно.
Легли.

Къ Востоку одинъ, и на Западъ другой.
 Несчетныя звѣзды возникли вдали,
 Надъ бездной морской,
 Жемчужно.
 Былъ страненъ, нежданенъ во влажностяхъ гуль.
 Богъ спаль, но не Дьяволъ. Богъ крѣпко заснуль.
 И стала его Темный толкать потихоньку,
 Толкать полегоньку,
 Чтобы въ Море увалъ онъ, чтобы въ Безднѣ Господь потонулъ.
 Толкнеть—а Земля на Востокѣ все шире,
 На Западъ толкнеть—удлинилась Земля,
 На Югъ и на Сѣверъ—мельчили поля,
 Все ярче созвѣздья въ раздинутомъ Мирѣ,
 Все шире на Морѣ ночная Земля.
 Все больше, грозище. Гудятъ водопады.
 Чернѣютъ провалы разорванныхъ горъ.
 Гдѣ-жь Богъ? Онъ межъ звѣздъ, тамъ, гдѣ звѣзды миріады!

И врагъ ему Дьяволъ съ тѣхъ поръ.

ГЛУБИНАЯ КНИГА.

Восходила отъ Востока туча сильная, гремучая,
 Туча грозная, великая, какъ жизнь людская—длинная,
 Выпадала вмѣстѣ съ громомъ Книга Праотцевъ могучая,
 Книга-Исповѣдь Глубинная,
 Тучей брошенная къ намъ,
 Растигнулась, распостерлась по равнинамъ, по горамъ.
 Долинѣ та Книга будеъ—описать ее нельзѧ,
 Поперечина — помѣряй, истомить тебя стезя,
 Буквы, строки—чащи лѣса, расцвѣченные кусты,
 Эта Книга—изъ глубинной безпричинной высоты.
 Къ этой Книгѣ ко божественной,
 Въ день великий, въ часъ торжественный,
 Соходились сорокъ мудрыхъ и царей,
 Сорокъ мудрыхъ, и несчетность разномыслящихъ людей.
 Царь Всеславъ до этой Книги доступается,
 Съ ними вѣдунъ-пѣвецъ подходитъ Свѣтловзоръ,
 Передъ ними эта книга разгибается,
 И глубинное писанье расцвѣчается,
 Но не полно означается узоръ.
 Велика та Книга—взять такъ не поднять ее,
 А хотя бы и поднять—такъ не сдержать ее,
 А ходить по ней—не выходить картинную,
 А читать ее—прочесть ли тьму глубинную.
 Но вѣдунъ подходитъ къ Книгѣ, Свѣтловзоръ,

И подходит царь Всеславъ, всепобѣдительный,
Духъ у нихъ, какъ и у всѣхъ, въ тѣлесный скрытъ цветъ-
ной уборъ,
Но другимъ всѣмъ не въ примѣръ горитъ въ нихъ свѣтъ
нездѣшний, длительный.

Царь Славянскій вопрошаєтъ, отвѣчаетъ Свѣтловазоръ.

„Отчего у насть зачался бѣлый вольный свѣтъ,
Но доселѣ, въ долги годы, въ людяхъ свѣта нѣть?
Отчего у насть горитъ Солнце красное?
Мѣсяцъ свѣтель серебрить Небо ясное?
Отчего сяють ночью звѣзды дружныя,
А при звѣздахъ все жь глубоки ночи темныя?
Зори утренни, вечернія—жемчужныя?
Дробень дождикъ, вѣтры буйные—бездомныя?
Отчего у насть умъ-разумъ, помышленія?
Миръ-народъ, какъ Море, сумрачный всегда?
Отчего всей нашей жизни есть круженіе?
Наши кости, наше тѣло, кровь-руда?“

И вѣдуи со взоромъ свѣтлымъ тяжело дышаль,
Передъ Книгою Глубинной онъ отвѣтъ царю держаль.

„Бѣлый свѣтъ у насть зачался отъ хотѣнья Божества,
Отъ великаго всеміриаго Воленія.
Люди жь темны оттого, что воля свѣта въ нихъ мертвa,
Не хотять въ душѣ разслышать вѣчность пѣнія.
Солнце красное—отъ Божіаго пресвѣтлаго лица,
Мѣсяцъ свѣтель—отъ Божественнай серебряной мечты,
Звѣзды частыя—отъ ризъ его, что блещутъ безъ конца,
Ночи темныя—отъ Божихъ думъ, отъ Божіей темноты.
Зори утренни, вечернія—эти Божихъ жгучихъ глазъ,
Дробень дождикъ—отъ великихъ, отъ повторныхъ слезъ его,
Буйны вѣтры оттого, что есть у Бога вѣщій часъ,
Неизбѣжный часъ великаго скитанья для него.
Разумъ нашъ и помышленія—отъ высокихъ облаковъ,

Миръ-народъ—оть тѣни Бога, свѣтотѣнь живеть всегда,
Нѣть конца и нѣть начала—оттого нашъ кругъ вѣковъ,
Камень, Море—наши кости, наше тѣло, кровь-руды“.

И Всеславъ, желанье властовать и знать всегда томимъ,
Свѣтловозра вопрошалъ еще, была бесѣда длинная.
Книгу Бездны, въ чын листы мы каждый день и часъ глядимъ,
Онъ сполна хотѣль прочесть, забылъ, что Бездна—вѣчно-
чинная,
И на вѣчность, на одну изъ многихъ вѣчностей, предъ нимъ
Заперлась, хотя и снѣтить, Книга-Исповѣдь Глубинная.

МОРЕ ВСѢХЪ МОРЕЙ.

Къ лятургіи шелъ сильный царь Волоть,
 Все прослушалъ онъ, во дворецъ идетъ.
 Но вопросъ въ душѣ не одинъ горить.
 Говорить съ нимъ царь, мудрый царь Давидъ.
 „Ты ужъ спрашивай, сильный царь Волоть,
 На любой вопросъ умъ отвѣтъ найдеть“.
 И бесѣда шла отъ царя къ царю.
 Такъ приводить ночь для людей зарю.—
 „Гдѣ начало дней? Гдѣ всѣхъ дней конецъ?
 Городамъ какой городъ есть отецъ?
 Кое древо—мать всѣмъ древамъ земнымъ?
 Кою травамъ мать мы опредѣлимъ?
 И какой старшой камень межъ камней?
 Птица между птицъ? Звѣрь между звѣрей?
 Рыба между рыбъ? Озеро озеръ?
 Море всѣхъ морей? Всѣхъ степей просторъ?“
 Такъ-то вопрошалъ сильный царь Волоть,
 Мудрый царь Давидъ рѣчь въ отвѣтъ ведеть.—
 „Гдѣ начало дней, тамъ и дней конецъ,
 Ихъ связалъ въ одно вышній нашъ Отецъ.
 Свѣтъ идеть во тьму, тьма ведеть во свѣтъ,
 Большее понять—разума въ насъ иѣть.
 Городъ городовъ—строится въ умахъ,
 Радость въ немъ—свѣча, свѣтъ во всѣхъ домахъ,

Тамъ сады для всѣхъ, всѣ цвѣты есть въ немъ,
 Водоемы бывать, съ башней каждый домъ.
 Кипарисъ есть мать всѣмъ древамъ земнымъ,
 Кипарисъ родить благовонный дымъ,
 Въ честь, какъ духъ у насть посвященъ мольbamъ,
 Онимамъ его дышеть въ храмахъ намъ.
 А всѣмъ травамъ мать есть плакунъ-трава,
 Потому что грусть въ ней всегда жива,
 И приходить годъ, и уходить годъ,
 А въ плакунъ-травѣ все слеза цвѣтеть.
 Камень камнямъ всѣмъ—огневой рубинъ,
 Въ немъ святая кровь, въ немъ пожаръ глубинъ,
 Передъ тѣмъ какъ новь распахать для насть,
 Нужно сжечь лѣса въ самый жаркий часъ.
 Птица птицамъ всѣмъ есть морской Стратимъ,
 Взоръ его—огонь, а перо—какъ дымъ,
 Онъ крыломъ своимъ обнимаетъ міръ,
 Всѣхъ живыхъ зоветъ на всемірный ширъ.
 Звѣрь звѣрей земныхъ есть единорогъ,
 На скрещеныи онъ всѣхъ земныхъ дорогъ,
 И куда пейди, все придешь къ нему,
 И узнаешь свѣть, миновавши тьму.
 Рыба между рыбъ китъ есть исполинъ,
 Возлюбившій ночь и исподъ глубинъ,
 Двухъ сыновъ родилъ исполинскій китъ,
 И на нихъ на трехъ весь нашъ міръ стоитъ.
 Озеро—отецъ всѣхъ земныхъ озеръ—
 Есть зеркальный кругъ между снѣжныхъ горъ,
 Кто на высъ взойдетъ, глянетъ въ тотъ затонъ,
 Весь увидитъ міръ какъ единый сонъ.
 Степь степей земныхъ, Море всѣхъ морей—
 Въ помыслахъ людскихъ, въ сердцѣ у людей,
 Кто въ зеркальный кругъ заглянулъ въ мечтѣ,
 Вѣчно онъ въ степи, въ Морѣ, въ Красотѣ”.

ВИДѢНИЕ ЦАРЯ ВОЛОТА.

Былъ великъ тотъ день, и свѣтла заря,
 Какъ сошлись у насть сорокъ два царя.
 Всѣхъ могуче былъ свѣтлый царь Волотъ,
 А вторымъ за нимъ царь Давидъ идетъ.
 И сказалъ Волотъ: „Ой цари людей!
 Что вамъ видѣлось въ темнотѣ ночей?
 Вы повѣдайте, чѣмъ вашъ сонъ живетъ?“—
 Но молчать цари. И рече Волотъ:—
 „А мнѣ снился, и таковъ мой сонъ.
 Будто свѣтъ горитъ намъ со всѣхъ сторонъ,
 Отъ Востока всталъ, и зажегъ весну,
 Свѣторусскую озарилъ страну.
 И съ полуденной стороны, свѣтло,
 Древо-золото до Небесъ взошло,
 А на деревѣ кречеть-блѣль сидѣть,
 А въ ногахъ его позвонокъ звенитъ.
 Кто изъ васъ, цари, изъяснить мнѣ сонъ?“—
 И сказалъ Давидъ, былъ онъ царь учень:—
 „Государь ты нашъ, первый царь Волотъ,
 Сонъ твой сбудется, сонъ твой жизни ждеть.
 Солнца красный свѣтъ, алый лучъ весны—
 То начальный Градъ для родной страны.
 Свѣторусская возгоритъ земля,
 Кровью вскорятся всѣ луга-поля.

Какъ восточныя облака горятъ,
 Городамъ земнымъ вспыхнетъ первый Градъ,
 Свѣторусскій Градъ, гдѣ не будетъ тьмы,
 Гдѣ блеснутъ сердца, возгорятъ умы,
 Древо-золото—тѣхъ умовъ оплотъ,
 Тѣхъ сердецъ расцвѣтъ, что свѣтло цвѣтеть.
 Кречеть-бѣль на немъ—бѣлизна души,
 Позвонокъ всѣмъ намъ говорить: Спѣши,
 Поспѣшате всѣ, всѣхъ зоветъ тотъ звонъ,
 Въ насть да сбудется златоцвѣтный сонъ.—
 И задумались сорокъ два царя,
 И раскинулась широко заря,
 И свѣтло горитъ первый царь Волотъ,
 И во всѣ края жаркій свѣтъ идетъ.

ТРИ НЕБА.

Три Неба въдали праਪрадѣды мои,
Индійцы, слившіе лукавый умъ Змѣи
Съ великой кротостью въ превратномъ бытіи.

И Небо первое сияетъ бѣлизной,
Второе—синею недвижною волной,
А третье—золотомъ, безсмертьемъ, глубиной.

По Небу первому проходятъ облака,
По Небу синему въ моря идутъ вѣка,
Даль Неба вѣчнаго для слова высока.

Мы мlekомъ облачнымъ питаемъ дѣтскій глазъ,
Лазурь застывшая усталыхъ нѣжитъ насы,
А свѣтъ безсмертія цѣлууетъ въ смертный часъ.

И если золото бездонной высоты
Неописуемо въ словахъ людской мечты,
Все жь сердцу вѣдомо, что тамъ цвѣтутъ цвѣты.

Асватта-дерево, основа всѣхъ міровъ,
Ростетъ развѣсисто, не вѣдала вѣтровъ,
Кругомъ Вселенная—одинъ безмѣрный ровъ.

Съ Асватты капаетъ амрита, свѣжій медъ,
Въ зеленыхъ вѣчностяхъ цѣлебность травъ цвѣтеть,
И солица новыя здѣсь зачинаютъ ходъ.

Двѣ птицы вѣшця сидятъ вверху всегда,
Одна изъ нихъ клюетъ румяный цвѣтъ плода.
Другую разглядѣть нельзя намъ. Никогда.

ЧЕРНОБЫЛЬ.

Шелъ наймить въ степи широкой,
 Видить чудо: Стая змѣй
 Собралась, свилясь, какъ лента, какъ драконъ зеленоюкій,
 Въ кругъ сложалась океанскій переливчатыхъ огней,
 Въ средоточьи, на свирѣли, колдовалъ имъ чародѣй.
 И наймить, повѣря чуду, что свершалось воочью,
 Подошелъ къ свирѣли звонкой, къ змѣевому средоточью,
 Къ чаровавшему, въ безбрежномъ, степь и воздухъ, колдуну.
 Змѣи искрились, свивались,
 Звуки флейты раздавались,
 Цѣпи для позабывались,
 Сонъ слагался, утончая длинно-свѣтлую струну.
 И наймить, хотя быль темнымъ,
 И несвѣдущимъ въ вещахъ,
 Увидаль себя въ огромномъ
 Морѣ, Морѣ всеединомъ, слившемъ день и ночь въ волнахъ.
 И наймиту чудно стало,
 Умножались чудеса.
 Степь сияньемъ изумруднымъ говорила, гуль рождала,
 И отъ травки къ каждой травкѣ возникали голоса.
 И одна изъ травъ шептала, какъ быть вольнымъ отъ болѣсти,
 И другая говорила, какъ всегда быть молодымъ,
 Какъ любить и быть любимымъ, какъ избѣгнуть лютой мести,
 И еще, еще, и много, возникали тайновѣсти,
 И всходилъ какъ будто къ Небу изумрудно-свѣтлый дымъ.

Въ скудномъ сердцѣ у наймита
Было радостно-легко.
Океанское раздолье было счастіемъ повито,
И пѣвучій звукъ свирѣли разносился далеко.
Такъ бы вѣчно продолжалось, счастье видится воочью
Подходящимъ въ звукахъ пѣсни къ зиѣвому средоточью,
Да на-грѣхъ наймитъ склонился, вырвалъ стебель чернобыль,
Приложилъ къ губамъ тотъ стебель — и внезапно все скрылось,
И наймить лишь степь увидѣлъ — лишь въ степи предъ нимъ крутилась,
И, кружася, уносилась та же, та же, та же пыль.

НАВОЖДЕНИЕ.

Владимирское предание.

Жилъ старикъ со старухой, и былъ у нихъ сынъ,
 Но мать прокляла его въ чревѣ.
 Дьяволъ часто бываетъ надъ нашею волей сполна властелинъ,
 А женщина, сына проклявшая,
 Сиду слова не знаяша.
 Часто бывала въ слѣщащемъ сознаніе гиѣвѣ.
 Если Дьяволъ попутаъ, лишь Богъ тутъ поможетъ одинъ.
 Сынъ все же у этой безумной родился,
 Выросъ большой, и женился.
 Но онъ не былъ какъ всѣ, въ дни когда онъ былъ маль.
 Правда, шутилъ онъ, игралъ, веселился,
 Но минутами слишкомъ задумчивъ бывалъ.
 Онъ не былъ какъ всѣ, въ день когда онъ женился.
 Правда, весь свѣтлый онъ былъ подъ вѣнцомъ,
 Но что-то въ немъ есть нелюдское—мать говорила съ отцомъ.
 И точно, жену онъ любилъ, съ ней онъ спалъ,
 Ласково съ ней говорилъ,
 Да, любилъ,
 И любился,
 Только по свадьбѣ-то вскорости вдругъ онъ безъ вѣста пропалъ.
 Искали его, и молебны служили,
 Нѣть его, словно онъ въ воду упалъ.
 Дни миновали, и мѣсяцы смѣну временъ сторожили,

Мѣняли одежду лѣсовъ и долинъ.
Гдѣ онъ? Нечистой то вѣдомо силѣ.
И если Дьяволъ попуталъ, тутъ Богъ лишь поможетъ одинъ.

Въ дремучемъ лѣсу стояла сторожка.
Зашелъ ночевать туда ницій старикъ,
Чтобъ въ лачугѣ пустой отдохнуть хоть немножко,
Хоть на часъ, хоть на мигъ.
Легъ онъ на печку. Вдругъ конскій послышался топотъ.
Ближе. Вотъ кто-то слѣзаетъ съ коня.
Въ сторожку вошелъ. Помолился. И слышится жалостный шопотъ:
„Богъ суди мою матушку—прокляла до рожденья меня!“
Удаляется.
Утромъ ницій въ деревню пришелъ, къ старику со старухой на дворъ.
„Ужъ не вашъ ли сынокъ“, говорить, „объявляется?“
И старикъ собрался на дозоръ,
На развѣдку онъ въ лѣсъ отправляется.
За печкой, въ сторожкѣ, онъ спрятался, ждетъ.
Снова невѣдомый кто-то въ сторожку идетъ.
Молится. Сѣтуетъ. Молится. Шепчетъ. Дрожитъ, какъ видѣнье.
„Богъ суди мою мать, что меня прокляла до рожденья!“
Сына старикъ узнаетъ.
Выскочилъ онъ. „Ужъ теперь отъ тебя не отстану!
Насилу тебя я нашелъ. Мой сынокъ! Ахъ, сынокъ!“ говорить.
Странный у сына безмолвного видъ.
Молча глядѣть на отца. Ждетъ. „Ну, пойдемъ“. И выходять на-
встрѣчу туману,
Теплому, зимнему, первому въ замнѣй ночи предъ весной.
Сынъ говорить: „Ты пришелъ? Такъ за мной!“
Сѣгъ на коня, и поѣхалъ куда-то.
И тѣмъ же отецъ поспѣшаетъ путемъ.
Прорубь предъ ними, онъ въ прорубь съ конемъ,
Такъ и пропадъ, безъ возврата.
Тамъ, гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ.

Старикъ постоялъ-постоялъ возлъ проруби, тускло мерцающей при
мартовской желтой Лунѣ.

Домой воротился.

Говорить помертвѣвшей женѣ:

„Сына сыскаль я, да выручить трудно, нашъ сынъ подо льдомъ
очутился.

Живеть онъ въ водѣ, между льдинъ.

Что намъ подѣлать? Разъ Дьяволъ попуталъ, тутъ Богъ лишь
поможетъ одинъ“.

Ночь наступила другая.

Въ полночь, въ лѣсную сторожку старуха, вздыхая, пошла.

Выюга свистѣла въ лѣсу, не смолкая,

Выюга была и сердита и зла,

Плакалась, точно у ней—и у ней—есть на сердцѣ кручина.

Спряталась мать, поджидаетъ,—увидѣть ли сына.

Снова и снова. Сошель онъ съ коня.

Снова и снова молился съ тоскою.

„Мать, почему жь прокляла ты меня?“

Снова копыто, подковой звеня,

Мѣрино стучитъ надъ замерзшей рѣкою.

Искрятся блестки на льду.

„Такъ. Ты пришла. Такъ иди же за мною“.

„Сынъ мой, иду!“

Прорубь страшила. Конь со всадникомъ скрылся.

Мартовскій мѣсяцъ въ высотахъ свѣтился.

Мать содрогнулась надъ прорубью. Стынетъ. Горить какъ въ бреду.

„Сынъ мой, иду!“ Но какою-то силой

Словно отброшена, выюной дорогою къ дому идетъ.

Мѣсяцъ зловѣщій надъ влажной разытой могилой

Золотомъ матовыми красить студености водъ.

Призракъ! Какую-то душу когда-то съ любовью ты назвалъ здѣсь
милой!

Третья приблизилась полночь. Кто третій къ сторожкѣ идетъ?

Мать ли опять? Или, можеть, какая старуха саятая?

Старый ли снова отець?

Нѣть, наконецъ,

Это жена молодая.

Раньше пошла бы—не смыла, ждала

Старшихъ, чередъ соблюдая.

Ночь молчала, свѣтла,

Съ Мѣсяцемъ порваннымъ, словно глядящимъ,

Внизъ, къ этимъ сгѣжно-блѣющими чащамъ.

Топотъ. О, топотъ! Весь міръ пробужденъ

Этой звенящей подковой!

Онъ! Неужели же онъ!

„Милый! Желанный! Мой прежний! Мой новый!“

„— Милая, ты?“— „Я, желанный!“— „За мной!“

„— Всюду!“— „Такъ въ прорубь“.— „Конечно, родной!

Въ рай или въ адъ, но съ тобою.

О, не съ чужими людьми!“

„— Падай же въ воду, а крестъ свой сними“.

Мѣсяцъ былъ весь золотой надъ пустыней Небесъ голубою.

Въ безднѣ глубокой, въ подводномъ дворцѣ, очутились и мужъ
и жена.

Прорубь высоко-высоко сіяеть, какъ будто вѣнецъ. И душѣ поневолѣ
Жутко и сладко. На лѣяномъ престолѣ

Свѣтлый предъ ними сидѣть Сатана.

Призраки воалѣ различные свѣтятся зыбкой въ блѣдной толпою.

„Кто здѣсь съ тобою?“

— Любовь. Мой законъ“.

— Если законъ, такъ изыди съ нимъ вонъ.

Намъ нарушать невозможно закона“.

Въ это мгновеніе, въ музыкѣ звона,

Въ гулѣ весеннихъ ликующихъ силъ,

Лѣды разломились.

Мартовскій Мѣсяцъ побѣдно свѣтиль.

Милый и милая вмѣстѣ вверху очутились.

Звѣзды отдельныя въ небѣ надъ ними свѣтились,
Словно мерцанья церковныхъ кадиль.
Вѣяло теплой весною.
Звоны и всплески неслись отъ расторгнутыхъ льдинъ.
„О, наконецъ я съ тобой!“ — „Наконецъ ты со мною!“

Если попутаетъ Дьяволъ, такъ Богъ лишь поможетъ одинъ.

ТАЙНА СЫНА И МАТЕРИ.

Тайной скрыты все рожденья,
Тайной скрыта наша смерть.
Богъ, спаси отъ искушенья,
И возьми насть послѣ смерти въ голубую твердь.

Вотъ, выходить мать изъ терема, и вся она—кручинна,
Чернымъ шелкомъ обвила она дитя, родного сына,
Положила на корабликъ, и пустила на Дунай.
„Уплывай, судьба, въ безвѣстность. Горе! Дитятко, прощай“.
Чтобы страшнаго избѣгнуть, по волнамъ дитя пустила,
Обливаясь горючими слезами, говорила:—
„Ахъ, ты тихій Дунай,
Ты сыночка принимай,
Ты корабликъ этотъ новый потехоньку колыхай.
А ты, быстрая вода,
Будь ему сестрой всегда.
А ты, желтый песокъ,
Береги его, какъ золото не разъ ты уберегъ.
Вы, лѣса, вы не шумите,
Мово сына не будите“.
Плачетъ мать. И будеть плакать. Жаль ребенка своего.
Страшный рокъ ей былъ предсказанъ. Ускользнетъ ли отъ него?

Двадцать лѣтъ прошло, неполностью. До тихаго Дуная

За водой вдова изъ терема выходить молодая.
Пристаетъ корабль, на палубѣ красивый молодецъ,
Онъ рѣкой, лѣсами выхолень, зовутъ его Донецъ.
„Эй пригожая вдова, куда идешь ты?“ — „За водою“.
„Любишь ты Донца, скажи мнѣ? Обвѣничаешься со мною?“
„Я люблю Донца, красивъ онъ. Обвѣничаюсь съ Донцомъ“.
Вотъ сидять. Вино и медъ тутъ. Были, были подъ вѣнцомъ.
То, что тайно, становиться явно. Незабвенныя есть знаки.
Горекъ медъ, вино не пьяно. Боль отнемъ горитъ во мракѣ.
„Что же это? Какъ же это? Какъ же быть на свѣтѣ намъ?
Мать, поди и утопися. Я же въ лѣсъ пойду къ звѣрямъ“.

Полно, темные. Постойте, сердцу больно.
Нѣть вины на васъ, когда вина невольна.
Если страшное вамъ было суждено,
Помолитесь, канеть темное на дно.
А Дунай течеть, до Моря убѣгая,
И Дунаю мать родная — глубь морская.
Изъ морей рѣка по каплѣ собралась,
До морей идутъ всѣ рѣки въ должный часъ.

Ахъ, Дунай ты, Дунай,
Ты меня не потоптай,
Плачу я, мое ты горе потихонечку качай.
А ты, свѣтлая вода,
Будь душѣ сестрой всегда.
А ты, желтый песокъ,
Золотись въ свой должностной срокъ.
А вы, темные лѣса,
Вы шумите, говорите, ухожу я въ Небеса.
Всѣмъ они открыты намъ,
Есть скончанье всѣмъ путемъ.
Миръ, прощай.
Ахъ, Дунай ты, Дунай, тихій плещущій Дунай!

ГОРЕ.

Въ воскресенье матушка замужъ отдала,
 Въ понедѣльникъ Горе привязалось къ ней.
 „Ты скажи мнѣ, матушка, какъ избѣгнуть зла?
 Горе привязалось, помоги скорѣй.
 Я отъ Горя спрячуся въ темные лѣса,
 Тамъ поють привольные птичи голоса“.
 Горе вслѣдъ бѣжитъ за ней, Горе говорить:
 „Лѣсь срублю, тебя найду. Чу, какъ лѣсь шумитъ“.
 „—Ты скажи мнѣ, матушка, мнѣ куда идти?
 Можетъ, я въ поляхъ смогу свой уютъ найти?“
 Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говорить:
 „Всѣ поля серпомъ прижну, рожь не защитить“.
 „—Ты скажи мнѣ, матушка, гдѣ укрыться мнѣ?
 Я пойду въ зеленый лугъ, онъ цвѣтеть во снѣ“.
 Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говорить:
 „Я скрошу зеленый лугъ, лугъ измѣнить видъ“.
 „—Ты скажи мнѣ, матушка, какъ развѣять тьму?
 Въ теремъ я высокъ пойду, спрячуся въ терему“.
 Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говорить:
 „Теремъ я высокъ зажгу, теремъ твой сгоритъ“.
 „—Ты скажи мнѣ, матушка, гдѣ же скрыться мнѣ?
 Въ горы я круты пойду, скроюсь въ вышинѣ“.
 Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говорить:
 „Я червемъ совьюсь, не твердъ предъ червемъ гранитъ“.

„—Ты скажи мнѣ, матушка, гдѣ же отдыхъ мнѣ?
Въ землю я сырь пойду, скроюсь въ глубинѣ“.
Горе вслѣдъ идетъ за ней, заступомъ стучать,
Стало, разсмѣялся, роетъ, говорить:
„Дочь моя родимая, я тебѣ вѣдь мать,
Ты сумѣла, доченька, гореватъ“.

ДОБРЫНЯ И СМЕРТЬ.

Побѣхаль Добрыня въ домашнюю сторону. Закручинился. Хочеть
домой.

Попадалася Смерть на дорогѣ престрашная. Говорить, покачавъ
головой:—

„Полно юздить по свѣту, и кровь лить напрасную, кровь невинную
въ мірѣ струить“.

А Добрыня ей: „Ты-то кто? Царь ли, царевичъ ли? Иль изволишь
ты витяземъ бысть?“

Отвѣчаетъ ему: „Я не царь, не царевичъ я, и не витязь. Я страш-
ная Смерть“.

„—Ай ты страшная Смерть, какъ мечомъ я взмахну своимъ, твою
голову вскину на твердь!“

„—Эй Добрыня, послѣдъ съ бѣлымъ свѣтомъ проститися, выну пилья,
засвѣтать, звени,

Подсѣку, эти пилья—невиданно-острыя, подсѣку, упадешь ты съ
коня“.

Тутъ взмолился Добрыня: „Ой Смерть ты престрашная! Дай мнѣ
сроку на годъ и на два,

За грѣхи попрощаться, за силу убитую, и о крови промолвить
слова“.

„—Я не дамъ тебѣ воли на честь на единственный“.—„Дай же сроку
на этотъ лишь честь“.

„На минуту одну, на минуту не дамъ его“.—И минута иная
зажглась.

Подсѣкла она молодца страшными пильями, и еще, и еще под-
сѣкла.

И упала тутъ Добрыня съ коня изумленного. И душа изъ Добрыни
ушла.

СТИХЪ О ГОРѢ.

Отчего ты, Горе, зародилося?
 Зародилось Горе отъ земли сырой,
 Изъ-подъ камня сѣраго явилося,
 Подъ ракитой спало подъ сухой.
 Встало Горе, въ лапти пріобулося,
 И въ рогожку Горе пріодѣлося,
 Повязалось лыкомъ, усмѣхнулося,
 И близъ добра молодца усѣлося.
 Смотрить, видеть молодецъ: не скроешься.
 Сѣрымъ зайцемъ въ поле устремляется.
 „Стой, постой“, тутъ Горе усмѣхается,
 „Въ западнѣ моей“, моль, „успокоишься“.
 Да, не такъ легко отъ Горя скроешься.
 Онь въ рѣку уходить рыбой-щукой.
 „Будеть неводъ молодцу наукою,
 Въ частой сѣти скоро успокоишься“.
 Смотрить, видеть молодецъ: не скроешься.
 Въ лихорадку онъ, да во постелюшку.
 „Полежи, ты день лежи, недѣлюшку,
 Полежашь въ горячкѣ, успокоишься“.
 Смотрить, что жь, и въ бредѣ не укроешься?
 Застональ тутъ молодецъ въ лихой тоскѣ.
 Знать, одинъ есть отдыхъ—въ гробовой доскѣ.

Горе заступъ взяло: „Успокоиншся“.
Жизнь возникла, жизнь въ землѣ скрылася.
Тутъ и все. А Горе усмѣхается.
Изъ-подъ камня сѣраго родилося.
Снова къ камню сѣрому склоняется.

СТИХЪ ПРО ОНИКУ ВОИНА.

Это было въ оно время, по ту сторону временъ.
 Жилъ Оникъ, супротивника себѣ не вѣдалъ онъ,
 Что хотѣлъся ему, то и дѣялось,
 И всегда во всемъ душа его надѣялась.
 Такъ вотъ разъ и обсѣдалъ онъ богатырскаго коня,
 Выѣзжаетъ въ чисто поле пышноликое,
 Ужаснулся, видѣть, стрѣчу, словно сонъ средь бѣла дня,
 Не вдѣгъ—не єдетъ чудо, надвигается великое.
 Голова у чуда-дива человѣческая,
 Вся повадка, постать-стать какъ будто жреческая,
 А и тулово у чуда-то звѣринос,
 Сильны ноги, и копыто лошадиное.
 Сталь Оника бѣ чуду рѣчь держать, и чудо вопрошать:
 „Кто ты? Царь или царевичъ? Или какъ тебя назвать?“
 Колыхнулася поближе тѣнь ужасная,
 Словно туча тутъ повѣяла холодная:
 „Не царевичъ я, не царь, я Смерть прекрасная,
 Безпосульная, безстрастная, безродная.
 За тобою“.—Тутъ онъ силою булатною
 Замахнулъ, и на Смерть заносить мечъ,—
 Отлетѣлъ ударъ дорогою обратною,
 Мечъ упалъ, и силы иѣть въ размахѣ плечъ.
 „Дай мнѣ сроку на три года, Смерть прекрасная“,—
 Со слезами тутъ взмолился Войнъ къ ней.

„На три мѣсяца, три дня”—молѣба напрасная—
„Три минутки”.—Счетъ составленъ, расписанъ дней.
Больше иѣть ни хѣть, ни мѣсяцевъ, ни времени,
Ни минутки, чтобы другой нарядъ надѣть.
Будетъ. Паль Оника Воинъ съ гуломъ бремени.
Паль съ коня. Ему мы будемъ память пѣть.

ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТАЗИ НА РУСИ.

То не вѣтры въ Небѣ слеталися,
 То не тучи въ Небѣ сходилися,
 Наши витязи въ бой собиралися,
 Наши витязи съ недругомъ бились.
 Какъ со всею-то волей охотною
 Развернули размахистость рьяную,
 Потоптали дружину несчетную,
 Порубили всю силу поганую.
 Стали витязи тутъ похвалятися,
 Неразумно въ побѣдѣ смеяться,
 Что, молъ, плечи могуты все биться хотять,
 Кони добрые не уходилися,
 И мечи-то ихъ не притупилися,
 Намъ нездѣшнюю силу давай, говорять,
 И съ нездѣшнею силой мы справимся,
 Да и такъ ли мы съ ней позабавимся.
 Только слово такое промолвилъ одинъ,
 Какъ явилися двое воителей,
 Только двое, не полчище вражьихъ дружинъ,
 Но воителей, не говорителей.
 И воскликнули: „Вступимте, витязи, въ бой,
 Пусть васъ семеро, насть только двое“.
 Не узнали воителей витязи, въ этой минутѣ слѣпой,
 Разгорѣлося сердце въ груди ретивое,
 Жаждя биться—въ крови горяча.
 Налетѣль тутъ одинъ на воителей, свѣтять глаза огневые,
 Разрубилъ пополамъ ихъ, съ плеча,

Стало четверо ихъ, всѣ четыре—живые.
 Налетѣлъ тутъ другой, и испробовалъ силу меча,
 Разрубилъ пополамъ, стало восьмеро ихъ, всѣ—живые.
 Налетаетъ тутъ третій, и очи горятъ огневые,
 Разрубилъ пополамъ молодецкимъ ударомъ съ плеча,
 Стало вдвое ихъ больше, идутъ, всѣ идутъ, всѣ—живые.
 Тутъ всѣ витязи бросились эту дружину рубить,
 Размахнутся—гдѣ недруги, вдвое имъ быть,
 Надвигаются, грозно-нѣмые.
 И безвѣстная сила ростеть и ростеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.
 И не столько ужъ витязи борются тутъ,
 Какъ ихъ добрые кони боштами бьютъ.
 А безвѣстная рать все ростеть и ростеть,
 Все на бьющихся витязей съ боемъ идетъ.
 Разростаются силы, и грозны, и жутки.
 Бились витязи ровно три дня, три часа, три минутки,
 Намахалися плечи могутныя ихъ,
 Притупились мечи ихъ будатные,
 Уходили кони въ разбѣгахъ своихъ,
 Утомили удары возвратные.
 А безвѣстная рать все ростеть и ростеть,
 Все на бьющихся витязей съ боемъ идетъ.
 Испугались бойцы тутъ могучие,
 Побѣжали къ горамъ,
 Побѣжали къ пещерамъ, къ ущельямъ, гдѣ чащи дремучія,
 Подбѣжить одинъ витязь къ горѣ—и останется тамъ,
 Каменѣть,
 Подбѣгасть другой—и, какъ камень, причтется къ камнямъ,
 Третій, всѣ,—подбѣжить изумленный—нѣмѣть.
 Съ этихъ поръ на Руси уже болѣе витязей нѣть,
 Съ этихъ поръ въ сумракъ горъ углубиться не всякий по-
 смѣть,
 Страненъ глыбъ ихъ узоръ, и таинственный свѣтъ
 Надъ провалами часто бѣлѣть.

ЗАГАДКА.

Что безъ крыль летать?
 Что безъ ногъ бѣжать?
 Безъ огня горять?
 И безъ ранъ болить?
 Вѣтры буйные,
 Туча грозная,
 Солнце ясное,
 Сердце страстное.
 Вѣтры вольные,
 Тучи черныя,
 Солнце красное,
 Сердце страстное.

Что, безъ крыль летя,
 Безъ огня свѣтя,
 Всѣхъ громовъ сильнѣй,
 Всякихъ ранъ больнѣй?
 О, не буйные
 Вѣтры съ тучами,
 И не ясное
 Солнце красное.
 О, не буйные
 Вѣтры съ тучами,—
 Сердце страстное,
 Въ бурахъ властное.

ТРИ СЕСТРЫ.

Были когда-то три страстные,
 Были три вѣщихъ Сестры.
 Старшую звали Ласкавицей,
 Среднюю звали Плясавицей,
 Младшую звали Летавицей,
 Жили они для игры.
 Жили они для веселія,
 Взять, заласкать, заплясать.
 Что жь, говорять, въ самомъ дѣлѣ я
 Сердце-то буду вязать?
 Такъ говорили. И съ каждою
 То же все было одно:
 Взманять, замучаютъ жаждою,
 Бросяты на самое дно.
 Умъ заласкаеть Ласкавица,
 Пляской закружить Плясавица,
 Въ летѣ, въ полетѣ Летавица
 Души закрутить въ звено.
 Но отъ игранья беспечнаго
 Рокъ имъ вѣль отойти.
 Въ Небѣ, у самаго Млечнаго,
 Въ Вѣчность потока, Пути,
 Свѣтять три авѣзочки малыя,
 Вѣкъ имъ быть въ мѣстѣ одномъ,

Вѣчно они запоздалыя,
Возлѣ Пути, но не въ немъ.
Звѣзды дорогою Млечною
Быстро бѣгутъ и бѣгутъ,
Въ новую жизнь, безконечную,
Эти же вѣчно все тутъ.
Свѣтятся Сестры-Красавицы,
Да, но на мѣстѣ одномъ,
Въ собственной сѣти Лукавицы,
Возлѣ Пути, но не въ немъ.

ПѢЖНЫЯ ЗОРИ.

Близъ потока могучаго звѣздъ,
 Разметавшихся въ Небѣ какъ мостъ,
 Что до Вѣчности тянется въ Море,
 Возлѣ млечныхъ сіяній путы,
 Гдѣ приходится мертвымъ идти,
 Свѣтять звѣздочки—Дѣвичьи Зори.
 Эти звѣздочки свѣтить для глазъ
 Не минуту, не годъ, и не часъ,
 Нѣтъ, все время, покуда есть очи.
 И не млечный, не бѣлый въ нихъ свѣтъ,
 И не мертвымъ дорога онъ, иѣть,
 Хоть и мертвому путь съ нимъ короче.
 Изумруднымъ и алымъ огнемъ,
 Голубымъ и опаловымъ сномъ,
 Въ Мирѣ—мірѣ, эти звѣздочки въ Морѣ.
 И они никуда не ведутъ,
 Но, коль иѣженъ ты, вотъ, они тутъ,
 Эти вольныя Дѣвичьи Зори.

ЧЕТЫРЕ ИСТОЧНИКА.

Въ иѣкомъ краѣ, блестками богатомъ,
Протекаетъ шесть и шесть ключей,
Млекомъ, медомъ, серебромъ, и златомъ,
Въ вѣчномъ свѣтѣ огненныхъ лучей.
Бѣлый, желтый, и блестяще-бѣлый,
Ярко-желтый, рдяные ключи,
Въ этомъ краѣ ландышъ онѣмѣлый
Пѣть, не прячась, жаркіе лучи.
Въ этомъ краѣ, блестками богатомъ,
Лютий влажный свѣтить цѣлый годъ,
Сонмы лвій дышутъ ароматомъ,
Пышнымъ сномъ подсолнечникъ цвѣтеть.
Цѣлый день поютъ и выются пчелы,
Ночью свѣтять стаи лебедей.
Въ этотъ праздникъ, свѣтлый и веселый,
Входить тотъ, кто любить свѣтъ лучей.

РЫШЕНIE МЪСЯЦЕВЪ.

Славянская сказка.

Мать была. Двухъ дочерей имѣла,
 И одна изъ нихъ была родная,
 А другая падчерица. Горе—
 Предъ любимой—нелюбимой быть.
 Имя первой—гордое, Надмена,
 А второй—смиренное, Маруша.
 Но Маруша все жь была красивый,
 Хоть Надмена и родная дочь.
 Цѣлый день работала Маруша,
 За коровой приглядѣть ей надо,
 Комнаты прибрать подъ звуки браня,
 Шить на всѣхъ, варить, и прасть, и ткать.
 Цѣлый день работала Маруша,
 А Надмена только наряжалась,
 А Надмена только издѣвалась.
 Надъ Марушей: Ну-ка, ну еще.
 Мачиха Марушу поносила:
 Чѣмъ она красивый становилась,
 Тѣмъ Надмена все была дурнѣ,
 И рѣшили двѣ Марушу скжть.
 Сжть ее, чтобъ красоты не видѣть,
 Такъ рѣшили эти два урода,
 Мучали ее—она терпѣла,

Были—все красивъе она.
 Разъ, средь зимы, Надменѣ наглой,
 Пожелалось вдругъ имѣть фіалокъ.
 Говорить она: „Ступай, Марушка,
 Принеси пучокъ фіалокъ мнѣ.
 Я хочу заткнуть цвѣты за поясъ,
 Обонять хочу цвѣточный запахъ“.
 — „Милая сестрица“—та сказала,
 „Развѣ есть фіалки средь снѣговъ!“
 — „Тварь! Тебѣ приказано! Еще ли
 Смѣешь ты со мною спорить, жаба?
 Въ лѣсъ иди. Не принесешь фіалокъ,—
 Я тебя убью тогда. Ступай!“
 Вытолкала мачиха Марушу,
 Крѣпко заперла за нею двери.
 Горько плача, въ лѣсъ пошла Маруша,
 Снѣгъ лежалъ, слѣдовъ не оставляль.
 Долго по сугробамъ, въ лютой стужѣ,
 Дѣвушка ходила, цѣпенѣя,
 Плакала, и слезы замерзали,
 Вѣтеръ словно гналъ ее впередъ.
 Вдругъ въ дали Огонь ей показался,
 Свѣтъ его ей зовомъ быль желаннымъ,
 На гору взошла она, къ вершинѣ,
 На горѣ пылалъ большой костеръ.
 Камни вокругъ Огня, числомъ двѣнадцать,
 На камняхъ двѣнадцать свѣтлоликихъ,
 Троє—старыхъ, троє—помоложе,
 Троє—зрѣлыхъ, троє—молодыхъ.
 Всѣ они вокругъ Огня молчали,
 Тако на Огонь они смотрѣли,
 То двѣнадцать Мѣсяцевъ сидѣли,
 А Огонь имъ разно колдовалъ.
 Выше всѣхъ, на самомъ первомъ мѣстѣ
 Быль Ледень, съ сѣдою бородою,

Волосы — какъ снѣгъ подъ свѣтомъ луннымъ,
 А въ рукахъ изогнутый былъ жезль.
 Подивилась, собралася съ духомъ,
 Подошла и молвила Маруша:
 „Дайте, люди добры, обогрѣться,
 Можно ль сѣсть къ Огню? Я вся дрожу“.
 Головой серебряно-сѣдою
 Ей кинулъ Ледень: „Садись, девица.
 Какъ сюда зашла? Чего ты ищешь?“
 — „Я ишу фіалокъ“, бывъ отвѣтъ.
 Ей сказалъ Ледень: „Теперь не время.
 Снѣгъ веадъ лежить“. — „Сама я знаю.
 Мачиха послала и Надмена.
 Дай фіалокъ имъ, а то убьютъ“.
 Всталъ Ледень и отдалъ жезль другому,
 Между всѣми былъ онъ самый юный.
 „Братецъ Мартъ, садись на это мѣсто“.
 Мартъ взмахнулъ жезломъ поверхъ Огня.
 Въ тотъ же мигъ Огонь блеснулъ сильнѣе,
 Началъ таять снѣгъ кругомъ глубокий,
 Вдоль по вѣткамъ почки показались,
 Изумруды травъ, цветы, весна.
 Межъ кустами зацвѣли фіалки,
 Было ихъ кругомъ такъ много, много,
 Словно голубой коверъ постлали.
 „Рви скорѣе!“ молвила Мѣсяцъ Мартъ.
 И Маруша нарвала фіалокъ,
 Поклонилась кругу Свѣтлоликихъ,
 И пришла домой, ей дверь открыли,
 Запахъ иѣжный всюду разился.
 Но Надмена, взявъ цветы, ругнулась,
 Матери понюхать протянула,
 Не сказать сестрѣ: „И ты понюхай“.
 Ткнула ихъ за поясъ, и опять.
 „Въ лѣсъ теперь иди за земляникой!“

Тотъ же путь, и Мѣсяцы все тѣ же,
 Благосклоненъ быль Ледень къ Марушѣ,
 Съѣлъ на первомъ мѣстѣ братъ Іюнь.
 Выше всѣхъ Іюнь, красавецъ юный,
 Съѣлъ, поверхъ Огня жезломъ повѣялъ,
 Тотчасъ пламя поднялось высоко,
 Сталъ снѣгъ, одѣлось все листвой.
 По верхамъ деревья зашептали,
 Лѣсь отъ пѣния птицъ стаѣ голосистыи,
 Запестрѣли цвѣтики-цвѣточки,
 Наступило лѣто,—и въ травѣ
 Бѣленыя звѣздочки мелькнули,
 Точно кто нарочно ихъ насыпалъ,
 Быстро переходятъ въ землянику,
 Созрѣваютъ, много, много ихъ.
 Не успѣла даже оглянуться,
 Какъ Маруша видѣть гроздья ягодъ,
 Всюду словно брызги красной крови,
 Земляника всюду на лугу.
 Набрала Маруша земляники,
 Услаждались ею двѣ лѣтнійки.
 „Быть и ты“, Надмена не сказала,
 Яблокъ захотѣла, въ третій разъ.
 Тотъ же путь, и Мѣсяцы все тѣ же,
 Братъ Сентябрь возсѣлъ на первомъ мѣстѣ,
 Онъ слегка жезломъ костра коснулся,
 Ирче запылалъ онъ, снѣгъ пропалъ.
 Всѧ Природа грустно посмотрѣла,
 Листья стали падать отъ деревьевъ,
 Свѣжій вѣтеръ гналъ ихъ надъ травою,
 Надъ сухой и желтою травой.
 Не было цветовъ, была лишь яблонь.
 Съ яблоками красными. Маруша
 Потрясла—и яблоко упало,
 Потрясла—другое. Только два.

„Ну, теперь или домой скорѣе“,
 Молвилъ ей Сентябрь. Дивилась азия.
 „Гдѣ ты эти яблоки сорвала?“
 — „На горѣ. Ихъ много тамъ еще.“
 „Почему жь не принесла ты больше?
 Вѣрю все сама дорогой съѣла!“
 — „Я и не попробовала яблокъ.
 Приказали мнѣ домой идти.“
 — „Чтобъ тебя сейчасъ убило громомъ!“
 Дѣвушку Надмена проклинала.
 Съѣла красный яблокъ. — „Нѣть, постой-ка,
 Я пойду, такъ больше принесу.“
 Шубу и платокъ она надѣла,
 Сѣгъ вездѣ лежали въ лѣсу глубокій,
 Все жь наверхъ дошли, гдѣ тѣ Двѣнадцать.
 Мѣсяцы глядѣли на Огонь.
 Прямо подошла къ костру Надмена,
 Тотчасъ руки грѣть, не молвила слова.
 Строгъ Ледень, спросилъ: „Чего ты ищешь?
 — „Что еще за спрось?“ она ему.
 „Захотѣла, ну и захотѣла,
 Ишь сидитъ, какой, подумать, важный,
 Ужь куда иду, сама я знаю“.
 И Надмена повернула въ лѣсъ.
 Посмотрѣлъ Ледень — и жезль приподнялъ.
 Тотчасъ стала Огонь горѣть слабѣе,
 Небо стало изнѣкимъ и свинцовыемъ.
 Сѣгъ пошелъ, не шель онъ, а валилъ.
 Засвисталъ по вѣткамъ рѣзкій вѣтеръ,
 Ужь ии зги Надмена не видала,
 Чувствовала — члены коченѣютъ,
 Долго дома мать ее ждала.
 За ворота выбѣжать, посмотреть,
 Поджидаетъ, пѣть и пѣть Надмены,
 „Яблоки ей вѣрю приглянулись,

Дай-ка я сама туда пойду.“
Время шло, какъ снѣгъ, какъ хлопья снѣга.
Въ домъ все Маруша пріубрала,
Мачиха нейдетъ, нейдетъ Надмена.
„Гдѣ онѣ?“ Маруша сѣла прясть.
Смерклось на дворѣ. Готова пряжа.
Дѣвушка въ окно глядить отъ пряжки.
Звѣздами надъ ней сияеть Небо.
Въ свѣтломъ снѣгѣ мертвыхъ не видать.

ЖЕРНОВА.

Вертитесь, обращайтесь,
Моя жернова.

Титовская книжка.

Вертитесь, обращайтесь,
Моя жернова.
Вы, мысли, разрѣшайтесь
Въ пѣвучія слова.
Въ душѣ есть тоже зерна,
И долго и упорно
Таятся зерна тѣ
Въ душевной темнотѣ.

Но иракъ души не вѣченъ,
Восходить зеленія.
О, милый, ты отмѣченъ
Тамъ въ сердцѣ у меня.
Воть стебли зеленѣютъ,
Желтѣютъ и полниются,
Густѣеть ихъ толпа.
И мирно ждетъ серпа.

Красиво жнется нива,
Красивъ склоненный жнецъ.

О, все въ тебѣ красиво,
И мой ты наконецъ.
Лежать снопы рядами,
Блестять они предъ нами,
Наполнены воза,
Любуются глаза.

Вы, зерна, возвращайтесь,
Ужь мельница жива.
Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Безъ друга, молодая,
На мельницѣ была я,
Вдвоемъ зерно дроблю,
Люблю тебя, люблю.

КОЛОСЬ.

Рекъ Атланть: „Пшеничный колось—даръ Венеры, какъ пчела,
Съ высоты Звѣзды Вечерней власть Звѣзды ихъ привнесла.“
Даръ блестательной Венеры—пѣжный хлѣбъ и желтый медъ.
И колосья золотатся, и въ лугахъ пчела поеть.
Въ пышноцѣпѣтной Атлантидѣ, межъ садовъ и пирамидъ,
Слышу я, пшеничный колось, тамъ въ вѣкахъ, въ вѣкахъ шумитъ.
Вижу я равнины Майи, и Халдейскія поля,
Ширь предгорій Мексиканскихъ, Перу, дышетъ вся Земля.
Тамъ пшеничные колосья, тяжелѣя, смотрятъ внизъ,
Тамъ агавы змѣйно свѣтять, желтый свѣтится мансъ.
И они давы, бытъ-можеть, намъ небесной вышиной,
Но ржаной, ржаной нашъ колось—достовѣрно онъ земной.
Нашъ земной, и мой родной онъ, шелестящій въ тиши,
Между Сѣверныхъ селеній безъ ковца поюшій мнѣ.
О Славянской нашей долѣ, что не красочна въ вѣкахъ,
Но раздольна, и хрустальна въ испочатыхъ родникахъ.
О Славянской нашей думѣ, что идетъ со дна души,
И поеть, какъ этотъ колось, въ храмѣ Воздуха, въ тиши.
Въ безконечныхъ, ровныхъ, скорбныхъ предрѣшеніяхъ судебъ,
Темныхъ, да, какъ кладъ подземный, нужныхъ намъ, какъ
черный хлѣбъ.
Нужныхъ намъ, какъ шелестящій колось, колось нашъ ржаной,
Чтобы міръ не разставался съ тайной чарой, намъ родной.

ЛЕНЬ.

Странный сонъ мнѣ ночью снился: будто всюду ленъ,
Голубое всюду поле въ синевѣ временъ.

Нѣжно-малые цвѣточки, каждый живъ, одинъ,
КаждыЙ, въ малости, создатель міровыхъ глубинъ.

Всѣ цвѣтки глядять, и взоръ ихъ—въ сторонѣ одной,
И смущеніе и радость овладѣли мной.

Воть проходить зыбь морская, зыбь морского сна,
Здѣсь и тамъ свѣтло мелькаетъ въ Морѣ бѣлизна.

Что-то будто бы хоронятъ и святятъ цвѣты,
Въ посвященіи кто-то стонеть, стелются холсты.

Кто-то былъ, и измѣнился, и кого то вѣть,
Жизнь и смерть въ цвѣточкѣ каждомъ, и лазурный свѣтъ.

КаждыЙ, въ малости, создатель голубого сна,
Синей зыбью снова дышетъ, шепчетъ глубина.

И безбрежно такъ и нѣжно всюду въ мірѣ ленъ,
Голубое всюду поле въ синевѣ временъ.

ЗАРИНА.

По-санскритски Тамара—Вода,
 Массагетская ливо-царица Томирись есть Дочь Океана,
 А владычица Сакскихъ степей есть Зарина, Заря,
 Что всегда
 Достовѣрна надъ зыбью тумана,
 Достовѣрною волей тверда,
 Хоть и иѣжно сіяеть, горя,
 Какъ сіяютъ снѣга на вершинахъ, цвѣты, и каменья, и пѣна,
 Какъ сіяла, сіяеть, и будетъ сіять,
 Лунный камень, Елена,
 Лунный Эллинскій сонъ, и Троянскій, и нашъ, до скончанія дней,
 Роковая печать
 Тѣхъ, кто въ счастье влюбленъ,
 Тѣхъ, въ комъ Агни, Огонь, созиданье, свѣтящійся, красочный
 сонъ,
 Тѣхъ, чьи мысли—безбрежность морей,
 Роковая печать
 Для поющей, для огневной, плещущей, думы предвѣчной моей.

ЖИВАЯ ВОДА.

ЗН КЪ: КРАСНЫЙ РУБИНЪ.

Карбункуль, иначе красный рубинъ, иначе
лики или цветъ огня, отъ Солнца изъять даръ
свѣтить въ темнотѣ, и быть надлежашимъ
оружіемъ противъ отравы.

Жанъ де ля Тай де Бондаруа.

ВОЛХЪ.

Мы Славяне—дѣти Волха, а отецъ его—Словенъ,
Мы всегда какъ будто тѣ же, но познали смыслъ измѣнъ.

Прадѣдъ нашъ, Словенъ могучій, побѣдительный былъ змѣй,
Змѣйно стелется ковыль нашъ въ неоглядности степей.

Волхъ Всеславичъ, многоликий, оборачиваться могъ,
Волхомъ рыскаль, былъ онъ соколь, туръ былъ красный, златорогъ.

Солнцепеликій, змѣегибкій, бѣсомудрый, чародѣй,
Онъ отъ женщины красивой нась родилъ, крылатыхъ змѣй.

Самъ отъ женщины красивой и отъ змѣя былъ рожденъ,
Такъ гласить объ этомъ голось отдалившимъ временъ.

Молода княжна гуляла, расцвѣталь весенний садъ,
Съ камня змѣй скочилъ незапно, изумрудный свѣтить взглядъ.

Выется лентой переливицой, прикоснулся бѣлыхъ ногъ,
Льнетъ къ чулочику шелкову, бѣстъ сафьяновый башмачокъ.

Бѣлизну ноги ласкаеть, затуманивъ, опьянивъ.
И содвинулись недѣли, Волхъ рожденъ прекрасной былъ.

Сине Море сколебалось, пошатнулась глубина,
Съ Солнцемъ краснымъ въ Небѣ вмѣстѣ закраснѣлася Луна.

И отъ рыбъ по Морю тучи серебристыя пошли,
И летѣли птицы въ Небѣ, словно дымъ стоять вдали.

Скрылись туры и олени за громадой синихъ горъ,
Зайцы, волки, и медвѣди все тревожатся съ тѣхъ поръ.

И протяжно на озерахъ кличетъ стая лебедей,
Ибо Волхъ родился въ мірѣ, соколь, волкъ онъ, туръ, и змѣй.

Оттого въ степи и въ чащахъ звѣрь намъ радость, не бѣда,
И змѣю наша пѣсня длится, тянется всегда.

Оттого и вѣцій Волховъ именать среди стихій,
Чародѣемъ онъ зовется, вѣковой рѣчной нашъ змѣй.

И по сушѣ, и по Морю, всюду въ мірѣ, далеко,
Прозвучитъ въ столѣтьяхъ пѣсня про богатаго Садко.

СВѢТОГОРЬ И МУРОМЕЦЬ.

Былъ древле Свѣтогоръ, и Муромецъ могучій,
Два наши, яркіе въ вѣкахъ, богатыря.
Столѣтія прошли, и растянулись тучей,
Но память ихъ живеть, но память ихъ—заря.
Забылся Свѣтогоръ. А Муромецъ бродячій,
Наѣхавъ, увидалъ красивую жену.
Смущенъ былъ богатырь. А тотъ, въ мечтѣ лежачей,—
Умно ли,—предалъ умъ, оглядку волка, сну.
Красивая жена, лебедка Свѣтогора,
Смилила Муромца къ восторгамъ огневымъ,
И тотъ не избѣжалъ обмана и позора,
Губами жадными прильнулъ къ губамъ слѣпымъ.
Проснувшись, Свѣтогоръ узналъ о вещи тайной,
Онъ разорвалъ жену, и разметаль въ поляхъ.
А дерзкій Муромецъ сталъ и обратимъ случайный,
И дружно съ тѣмъ другимъ онъ сѣяль въ мірѣ страхъ.
Плыниться сумракомъ,—не диво намъ. Однако
Что было, да уйдетъ съ разливною водой.
Сразивши полчища возлюбленниковъ ирака,
Пріѣхали они къ гробницѣ золотой.
Легъ Свѣтогоръ въ нее, была гробница впору.
„Братъ названный,“ сказалъ, „покрой мея.“ Покрылъ.
Примѣрилъ доски онъ къ гробнице Свѣтогору,
И доски приросли. А тотъ проговорилъ: —

„Братъ названный, отрой.“ Но тайны есть въ могилахъ,
 Какихъ не разгадать. И проподнять досокъ
 Безсмертный Муромецъ, могучий, былъ не въ силахъ.
 И доски сталъ рубить, но разрубить не могъ.
 Лишь онъ взмахнетъ мечомъ,— и обручъ есть желѣзный.
 Лишь онъ взмахнетъ мечомъ—и обручъ есть другой.
 О, богатырь Земли, еще есть міръ надзвѣздный,
 Подземный приговоръ, и тайна тьмы морской!
 Въ гробницѣ снова зовъ: „Братъ названный, скорѣе.
 Бери мой вѣщій мечъ, мечъ-кладенецъ возьми.“
 Но силенъ богатырь, а мечъ еще сильнѣе,
 Не можетъ онъ поднять, сравнялся онъ съ людьми.
 „Братъ названный, поди, тебѣ придамъ я силы.“
 И дунула Свѣтогоръ всѣмъ духомъ на Илью.
 Мечъ-кладенецъ подъялъ. Но цѣлка всѣ могилы.
 Напрасно, Муромецъ, ты тратаешь мощь свою.
 Ударить—обручъ вновь, ударить—обручъ твердый.
 „Братъ названный, приди, еще я силы дамъ.“
 Но Муромецъ сказалъ: „Довольно силы гордой.
 Не понесетъ Земля. Довольно силы намъ.“
 „Когда бы ты припалъ“, былъ голосъ изъ гробницы,
 Я мертвымъ духомъ бы повѣялъ на тебя.
 Ты легъ бы подлѣ снать.—Щебечутъ въ мірѣ птицы.
 О, птицы, эту былъ пропойте про себя!

СВѢТОГОРЪ.

Поѣхалъ Свѣтогоръ путемъ-дорогой длинной,
 Весь міръ кругомъ сверкаль загадкою картиною,
 И сила гордая была въ его конѣ.
 Подумалъ богатырь: „Что въ мірѣ равно мнѣ?“
 Тутъ на пути его встрѣчается прохожій.
 Идетъ по-одаль онъ. И смотритъ Свѣтогоръ:—
 Прохожій-то простой, и съ виду непригожій,
 Да на-ногу онъ скорѣй, и конь предъ нимъ не спорѣ.
 Поѣдетъ богатырь скорѣй—не догоняетъ,
 Потомъ єдетъ онъ—все такъ же тотъ идетъ.
 Дивится Свѣтогоръ, и какъ понять, не знаетъ,
 Но видѣть—не догнать, хоть єхать цѣлый годъ.
 И богатырь зоветъ: „Эй дивный человѣче,
 Попридержи себя: на добромъ я конѣ,
 Но не догнать тебя.“ Не возбраняя встрѣчѣ,
 Прохожій подождалъ—гдѣ былъ онъ, въ сторонѣ.
 Съ плечъ снягъ свою суму, кладеть на камень сицій,
 На придорожную зеленую плиту.
 И молвилъ богатырь, съ обычною гордыней,
 Съ усмѣшкой поглядѣвъ на эту нищету:—
 „Что у тебя въ сумѣ? Не камни ль самоцвѣтны?“
 „—А подыми съ земли, тогда увидишь самъ.“
 Сума на взглядъ мала, видѣть сверху неправѣтный,
 Коснулся богатырь—и воли нѣть рукамъ.

Не можетъ шевельнуть. Обѣими руками,
Всей силой ухватить, и въ землю онъ угрязъ.
Вдоль по лицу его не потъ, а кровь струями,
Предъ тѣмъ невѣдомымъ прохожимъ, полилась.
„Что у тебя въ сумѣ? Сильна моя отвага,
Не занимать мнѣ стать, суму же не поднять.“
И просто тотъ сказалъ: „Въ сумѣ—земная тяга.“
„Какимъ же именемъ, скажи, тебя назвать?“
„Микула Селянинъ.“—„Повѣдай мнѣ, Микула.
Судьбину Божію какъ я смогу открыть?“
—Дорога прямикомъ, а гдѣ ока свернула
Налѣво, тамъ коня во всю пускай ты прыть.
Отъ розстани свернешь—тамъ Сѣверныя Горы,
Подъ Древнимъ Деревомъ тамъ кузница стоить.
Тамъ спросишь кузнеца. Онъ знаетъ приговоры.“
„Прощай.“—„Прощай.“ И врозь. И новый путь лежитъ.

Поѣхаль Свѣтогоръ прямымъ путемъ, и влѣво
На розстани свернуль, во весь опоръ тутъ конь
Пустился къ Сѣвернымъ Горамъ, вотъ Чудо-Древо,
Вотъ кузница, кузнецъ, поеть цвѣтной огонь.
Два тонкихъ волоса куеть кузнецъ предъ горномъ.
„Ты что куешь, кузнецъ?“—„Судьбину я кую.
Кому быть въ жизни съ кѣмъ. Какимъ быть въ мірѣ зернамъ.“
„На комъ жениться мнѣ? Скажи судьбу мою.“
„Твоя невѣста есть, она въ Поморскомъ царствѣ,
Въ престольномъ городѣ, во гноищѣ лежитъ.“
Услышавъ о своемъ предсказанномъ мытарствѣ,
Смутился Свѣтогоръ. И новый путь бѣжитъ.

„Поѣду я туда. Убью свою невѣstu.“
Подумалъ. Сдѣлалъ такъ. Ужъ далеко гора.
Увидѣлъ онъ избу, когда прїѣхалъ къ мѣсту.
Тамъ дѣвка въ гноищѣ, все тѣло—какъ кора.
Онъ яхонть положилъ на столъ. Взялъ мечъ свой вострый.

Въ грудь бѣлую ее мечомъ тѣмъ вострымъ бѣсть.
И быстро ъдеть прочь. Весь міръ—какъ праздникъ пестрый.
Прочь, струпья страшные. Къ иному путь ведеть.

Проснулась спавшая. Разбита злая чара.
Ниспала въ гноище еловая кора.
И смотрить дѣвушка. Прадъ ней, свѣтлый пожара,
Алѣеть яхонта цвѣтистая игра.
Принесъ тотъ камень ей богатства неисчетны,
И множество у ней червленыхъ кораблей.
Кузнецъ межъ тѣнь куетъ. Пути безповоротны.
Чаруетъ красота. И слухъ идетъ о ней.

Пришелъ и Свѣтогоръ красавицу увидѣть.
И полюбилъ ее. Сталъ сватать за себя.
Женились. Кто бъ сказалъ, что можно ненавидѣть—
И черезъ ненависть блаженнымъ стать, любя.
Какъ спать они легли, онъ видѣть рубчикъ бѣлый.
Онъ спрашивалъ, узнать, откуда тотъ рубецъ.
О, Свѣтогоръ, когда бъ не тотъ порывъ твой смѣлый,
Кто знаетъ, былъ ли бы такъ счастливъ твой конецъ!

ВОЛЬГА.

Закатилось красно Солнце, за морами спать легло,
 Закатилося, а въ мірѣ было вольно и свѣтло.
 Разсадились часты звѣзды въ свѣтломъ Небѣ, какъ цвѣты,
 Не пустили Ночь на Землю, не дозволя темноты.
 Звѣзды, звѣзды за звѣздами, и лучистъ у каждой ликъ.
 Ужь и кто это на Небѣ возростилъ такой цвѣтникъ?
 Златоцвѣтность, звѣздоцвѣтность, что ни хочешь—все проси.
 Въ эту ночь Вольга родился на святой Руси.
 Тихо росъ Вольга пресвѣтлый до пяти годковъ.
 Дома больше быть не想要, манить ширь луговъ.
 Воть пошель, и Мать-Земля восколебалася,
 Со витовъ своихъ какъ будто содвигалася,
 Разбѣжалися всѣ звѣри во лѣсахъ,
 Разлеталися всѣ птицы въ небесахъ,
 Всѣ серебряныя рыбы разметалися,
 Въ синемъ Морѣ трепетали и плескалися.
 А Вольга себѣ идеть все да идеть,
 Въ чужедальную сторонку путь ведеть.
 Хочеть хитростямъ онъ всякимъ обучаться,
 Хочеть въ разныхъ языкахъ учрѣпляться.
 На семь лѣтъ Вольга задался посмотретьъ широкій свѣтъ,
 А завлекся—на чужбинѣ прожилъ всѣ двѣнадцать лѣтъ.
 Обучался, обучался. Что красиво? Жить въ борьбѣ.
 Онъ хоробрую дружину собиралъ себѣ.

Тридцать сильныхъ собрали онъ беъ единаго, а самъ
 Сталъ тридцатымъ, быль и первымъ, и пустились по лѣсамъ.
 „Ой дружина, вы послушайте, что скажетъ атаманъ.
 Вейте петли вы шелковыя, намъ звѣрь въ забаву данъ,
 Становите вы веревочки въ лѣсу среди вѣтвей,
 И ловите вы кунницъ, лисицъ, и черныхъ соболей.“
 Какъ указано, такъ сдѣлано, веревочки стоять,
 Только звѣри чуть завидѣть ихъ, чуть тронутъ — и назадъ.
 По три дня и по три ночи ждали сильные звѣрей,
 Ничего не наловили, жди не жди среди вѣтвей.
 Тутъ Вольга оборотился, и косматымъ сталъ онъ львомъ,
 Соболей, кунницъ, лисицъ онъ заворачивалъ кругомъ,
 Зайцевъ бѣлыхъ поскакучихъ, горностаевъ нагонялъ,
 Въ петли шелковы скружилаи ихъ, гуль въ лѣсу и ревъ стоять.
 И опять Вольга промолвилъ: „Что теперь скажу я вамъ:—
 Вы силки постановите въ темномъ лѣсѣ по верхамъ.
 Лебедей, гусей ловите, заманите сверху ницъ,
 Ясныхъ соколовъ словите, да и малыхъ пташечъ-птицъ.“
 Какъ онъ молвилъ, такъ и было, слово слушали его,
 За три дня и за три ночи не словили ничего.
 Тутъ Вольга оборотился, и въ вѣтрахъ, въ рѣкѣ ихъ струй,
 Онъ въ подоблачи помчался, птица вольная Науй.
 Заворачивалъ гусей онъ, лебедей, и соколовъ,
 Малыхъ пташечъ, всѣхъ запуталь по верхамъ среди силковъ.
 И опять Вольга промолвилъ, возжелавъ иной игры:—
 „Дроворубные возьмите-ка теперь вы топоры,
 Вы суденышко дубовое постройте поскорѣй,
 Вы шелковыя путевья навяжите похитрѣй,
 Выѣзжайте въ сине Море, наловите рыбы мнѣ,
 Много щукъ, бѣлугъ, и всякихъ, много рыбы въ глубинѣ.“
 Какъ онъ молвилъ, такъ и было, застучаль о дубъ топоръ,
 И въ путевьяхъ во шелковыхъ возникаль мудренъ узоръ.
 Выѣзжали въ сине Море, много рыбъ во тьмѣ его,
 За три дня и за три ночи не словили ничего.
 Тутъ Вольга оборотился, щукой сталъ, зубастый ротъ,

Быстрымъ ходомъ ихъ обходить, въ вѣрный уголъ иль ведеть.
 Заворачивалъ бѣлугу, дорогое осетра,
 Рыбъ плотицъ, и рыбу семгу. Будеть, ладно, вверхъ пора.
 Тутъ-то въ Киевѣ веселомъ пировалъ свѣтло Вольга,
 Пировала съ нимъ дружина, говорили про врага.
 Говорилъ Вольга пресвѣтлый: „Широки у насть поля.
 Хлѣбъ ростеть. Да замышляеть противъ насть Турецъ-земля.
 Какъ бы намъ про то провѣдать, что задумаль-загадаль
 Нашъ лихой давнишній ворогъ, этотъ царь Турецъ-Санталь?
 Если старого послать къ нимъ, долго ждать, а сиѣщенъ часть,
 А середняго послать къ нимъ, запоять виномъ какъ разъ,
 Если жь малаго послать къ нимъ, заиграется онъ тамъ,
 Только дѣвушекъ увидить, не дождаться вѣсти намъ.
 Видно, надобно намъ будеть, чтобы пошелъ къ нимъ самъ Вольга,
 Посмотрѣлъ бы да послушалъ да почувствовалъ врага“.
 Тутъ Вольга оборотился, малой шашкой полетѣлъ,
 Противъ самаго оконца, предъ царемъ Турецкимъ сѣлъ.
 Рѣчи тайныя онъ слышать. Говорить съ царицей царь:—
 „Ай царица, на Руси-то не ростеть трава какъ встарь,
 И цветы-то на Руси ужь не попрежнему цветуть.
 Нѣть въ живыхъ Вольги, должно быть“.—Говорить царица тутъ:
 „Ай ты царь, Турецъ-Санталь мой, все какъ есть цвѣтуть цветъ-
 теть.“

На Руси трава густая все попрежнему ростеть.
 А спалось мнѣ ночью, снилось, что съ Восточной стороны
 Пташка малая несется, звонко кличетъ съ вышины.
 А отъ Запада навстрѣчу черный воронъ къ ней летить,
 Вотъ сметѣлись, вотъ столкнулись, вѣтеръ въ крылья имъ свистѣть.
 Въ чистомъ полѣ бой зачался, пташка—малая на взглядъ,
 Да побитъ ей черный воронъ, перья по-вѣтру летятъ“.
 Царь Турецъ-Санталь подумалъ, и бесѣдуетъ съ женой:—
 „Такъ я думаю, что скоро я на Русь пойду войной.
 На святой Руси возьму я ровно девять городовъ,
 Шубку выберу тебѣ я, погощу, и былъ таковъ“.
 А Турецкая царица говорить царю въ отвѣтъ:—

„Городовъ не покоришь ты, не найдешь мнѣ шубки, иѣть“.
 Вспинулъ очи, осердился, забранился царь Санталь.
 „Ахъ, сновидица-волдунья!“ И учить царицу сталъ.
 „Вотъ тебѣ! А на Руси мнѣ ровно девять городовъ.
 Вотъ тебѣ! А шубка будетъ. Погощу, и быть таковъ“.
 Тутъ Вольга оборотился, примѣчай не примиѣчай,
 Только въ горницу ружейну впрыгнулъ малый горностай,
 Всѣ луки переломалъ онъ, зубомъ острымъ проточилъ,
 Тетивы всѣ перервалъ онъ, прочь изъ горницы скочилъ.
 Сѣрымъ волкомъ обернулся, на конюшій прыгнулъ дворъ,
 Перервалъ конямъ онъ глотки, прыгъ назадъ—и чрезъ заборъ.
 Обернулся малой пташкой, вотъ въ подоблачи летить,
 Свиснулъ,—дома. Свѣтель Киевъ, онъ съ дружиною сидать.
 „Ой дружина, собирайся!“ И дрожитъ Турецъ-земля.
 На Руси чуть дышетъ вѣтеръ, тихо колось шевеля.
 И склонилися предъ силой молодецкою
 Царь-Санталь съ своей царицею Турецкою.
 Проблисталъ и упали сабли вострыя,
 Развернулись чудо-шали ярко-шестрыя,
 И ковры передъ дружиною узорные,
 Растирая предъ пташкой вороны перья черныя.
 И гуляетъ, и смеется вольный, свѣтлый нашъ Вольга,
 Онъ ужъ знаетъ, какъ коснуться, какъ почувствовать врага.

ПОТОКЪ.

Засвѣтились цвѣты въ серебристой росѣ,
 Тамъ въ глухи, воалъ заводей, въ древнихъ лѣсахъ.
 Замечтался Потокъ о беавѣстной красѣ,
 На пиру онъ застылъ въ непонятныхъ мечтахъ.
 Ласковъ Князь говорить: „Службу мнѣ сослужи“.
 Вопрошаешь Потокъ: „Что исполнить? Скажи“.
 „—Къ Морю синему ты поѣзжай поскорѣй,
 И на тихія заводи, къ даліямъ озеръ,
 Настрѣляй мнѣ побольше гусей, лебедей“.
 Шуть бѣжитъ. Лѣсь поетъ. Гулъ вершинный—какъ хоръ.
 Бѣлый конь проскакалъ, было вольно кругомъ,
 Въ чистомъ полѣ пронесся лишь дымъ столбомъ.
 И у синаго Моря, далеко, Потокъ.
 И у заводей онъ. Миръ богатъ. Миръ широкъ.
 Слышитъ витязь волну, шелестъ, вздохъ камышей.
 Настрѣлялъ онъ довольно гусей, лебедей.
 Вдругъ на заводи онъ увидалъ
 Лебедь Бѣлую, словно видѣніе сна,
 Чрезъ перо вся была золотая она,
 На головушкѣ жемчугъ блесталъ.
 Вотъ Потокъ натянулъ свой упругій лукъ,
 И завыли рога, и запѣль этотъ звукъ,
 И ужъ вотъ полетитъ безъ ошибки стрѣла,—
 Лебедь Бѣлая иѣжною рѣчью рекла:

„Ты помедли, Потокъ. Ты меня не стрѣлай.
 Я тебѣ пригожусь. Примѣчай“.
 Выходила она на крутей бережокъ,
 Видѣть свѣтлую красную Дѣву Потокъ.
 И въ великой тиши, слыша сердце свое,
 Во сырью онъ землю втыкаетъ конѣ,
 И за остро конѣ привязавши коня,
 Онъ цѣлуетъ дѣвицу, исполненъ огня.
 „Ахъ, Алена душа, Лиховидьевна свѣтль,
 Этихъ усть что малъ? Ничего краше нѣть“.
 Тутъ Алена была для Потока жена,
 И ужъ больно его улещала она:—
 „Хоть на мівъ ты и женишься нынче, Потокъ,
 Пусть такой мы на насть налагаемъ зарокъ,
 Чтобы кто изъ насть прежде другого умреть,
 Тотъ второй—въ гробъ—живой вмѣстъ съ мертвымъ пойдетъ“.
 Обѣщался Потокъ, и сказалъ: „Ввечеру
 Будь во Кіевѣ, въ церковь тебя я беру.
 Обвѣчиваюсь съ тобой“. Поскакалъ на конѣ.
 И не видѣлъ, какъ быстро надъ нимъ, въ вышинѣ,
 Крылья бѣлыя, даль разсѣяла, горятъ,
 Лебедь Бѣлая быстро летить въ Кіевъ градъ.
 Витавъ въ городѣ. Улицей свѣтлой идетъ.
 У оконшка Алена любимаго ждеть.
 Лиховидьевна—тутъ. И дивится Потокъ.
 Какъ его упредила, ему невдомекъ.
 Поженились. Любились. Годъ минулъ, безъ зла.
 Захворала Алена—и вдругъ умерла.
 Это хитрости Лебедь искала надъ нимъ,
 Это мудрости хочетъ надъ мужемъ своимъ.
 Смерть пришла—такъ, какъ падаетъ вечеромъ тѣнь.
 И копали могилу, по сорокъ сажень
 Глубиной, шириной. И собрались попы,
 И Потокъ, предъ лицомъ многолюдной толпы,
 Въ ту гробницу сошелъ, на конѣ и въ бровѣ,

Какъ на бой онъ пошелъ, и исчезъ въ глубинѣ.
 Закопали могилу глубокую ту,
 И дубовый, сплотившись, возсталъ потолокъ,
 Рудожелтый песокъ затянуль красоту,
 Подъ крестомъ, на конѣ, въ темной безднѣ Потокъ.
 И лишь было тамъ мѣсто веревкѣ одной,
 Привязали за колоколь главный се.
 Отъ полуночи до полночи въ ямѣ ночной
 Ждалъ и думалъ Потокъ, слушалъ сердце свое.
 Чтобы страху души ярымъ воскомъ помочь,
 Зажигаль онъ свѣчу, какъ приблизилась ночь,
 Собрались къ нему гады змѣиной толпой,
 Змѣй великий пришелъ, огнедышацій Змѣй,
 И палилъ его, жегъ, огневой, голубой,
 И касался ужалами острыхъ огней.
 Но Потокъ, не сробѣвъ, вынулъ вѣрный свой мечъ,
 Змѣю, взмахомъ однимъ, смогъ главу онъ отсѣчь.
 И Аллену онъ кровью змѣиной омылъ,
 И возсталъ она въ возрожденности силь.
 За веревку тутъ дернуль всей силой Потокъ.
 Голосъ мѣди бытъ глухъ и протяжно-глубокъ.
 И Потокъ закричалъ. И сбѣжался народъ.
 Раскопали засыпанныхъ. Жизнь возстаетъ.
 Выступаетъ Потокъ изъ ночной глубины,
 И сіяеть краса той крылатой жены.
 И во тымъ побывавъ, жили долго потомъ,
 Эти двое, что такъ разставались со днемъ.
 И молва говорить, что, какъ умеръ Потокъ,
 Закопали Аллену красивую съ нимъ.
 Но въ тотъ день сводъ Небесъ бытъ особо высокъ,
 И воздушныя тучки летѣли какъ дымъ,
 И съ Земли уносясь, въ голубыхъ Небесахъ,
 Лебединыя крылья блѣли въ лучахъ.

СОЛОВЕИ БУДИМОРОВИЧЬ.

Высота ли, высота поднебесная,
 Красота ли, красота безълесная,
 Глубина ли, глубина Океанъ морской,
 Широко раздолье наше всей Земли людской.

Изъ-за Моря, Моря синяго, что плещеть безъ конца,
 Изъ того ли глухоморья изумрудного,
 И отъ славного отъ города, отъ града Леденца,
 Отъ заморского Царя, въ рѣшеньяхъ чудного,
 Выбѣгали, выгребали ровно тридцать кораблей,
 Всѣхъ красивый тотъ, въ которомъ гость богатый Соловей,
 Будиміровичъ красивый, кѣмъ гордится вся земля,
 Изукрашено судно, и Соколъ имя корабля.
 Въ немъ по яхонту по цѣнному горить взамѣнъ очей,
 Въ немъ по соболю чернѣется взамѣнъ густыхъ бровей,
 Вмѣсто уса было воткнуто два острые ножа,
 Уши—копья Мурзавецки, встали, вѣтеръ сторожа,
 Вмѣсто гризы двѣ лисицы двѣ бурнастныя,
 А взамѣнъ хвоста медвѣди головастые,
 Нось, норма его взираетъ по-туриному,
 Ваведены бока крутые по-звѣриному.
 Въ Кіевъ мчится этотъ Соколъ ночь и день, чрезъ свѣтъ и мракъ,
 Въ кораблѣ узорномъ этомъ есть муравленый чердакъ,
 Въ чердакѣ была бесѣда—рыбѣй зубъ съ игрой огней,

Тамъ, на бархатѣ, въ бесѣдѣ, гость богатый Соловей.
 Говорилъ онъ корабельщикамъ, искусствникамъ своимъ:
 „Въ городъ Киевъ какъ пріѣдемъ, чѣмъ мы Князя подаримъ?“
 Корабельщики сказали: „Славный гость ты Соловей,
 Золота казна богата, много черныхъ соболей,
 Соколь ихъ везеть по Морю ровно сорокъ сороковъ,
 И лисицъ вторые сорокъ, сколь пущиста тьма хвостовъ,
 И камка есть дорогая, изъ Царь-Града свѣтъ-узоръ,
 Дорогая то не очень, да узоръ весьма хитеръ“.
 Прибѣжали корабли подъ тотъ ли славный Киевъ градъ,
 Въ Диѣпъ рѣку метали якорь, сходни стали, всѣ глядятъ.
 Вотъ во свѣтлую во гридню смыло входить Соловей,
 Ласковъ Князь его встрѣчаетъ со дружиною своей.
 Князю онъ дарить съ Княгиней соболей, лисицъ, камку,
 Ничего взамѣнъ не想要—мѣсто въ садѣ, въ уголку.
 „Дай загонъ земли“, онъ просить, „чтобы дворъ построить мнѣ,
 Тамъ, гдѣ вишенье бѣгаетъ, вишни будутъ скѣть Княжнѣ“.
 Соловью въ саду Забавы отмежевана земля,
 Онъ зоветъ людей работныхъ со червлены корабля.
 „Вы берите-ка топорики булатные скорѣй,
 Снарядите дворъ въ саду мнѣ, межъ узорчатыхъ вѣтвей,
 Гдѣ Забава спить и грезить, въ часъ какъ Ночь въ звѣздахъ
 идетъ,
 Въ часъ какъ цвѣтомъ, бѣлымъ цвѣтомъ, часто вишене цвѣтеть“.
 Съ поздня вечера дружина съ топорами, ровень звукъ,
 Словно дятлы по деревьямъ, щелкъ да щелкъ, и стукъ да стукъ.
 Хорошо идетъ, къ полуночи и даоръ поспѣлъ, гляди,
 Златоверхіе три терема, и сѣни впереди,
 Трои сѣни, всѣ рѣшетчаты, и тонки сѣни тѣ,
 Въ теремахъ все изукрашено, какъ въ звѣздной высотѣ.
 Небо съ Солнцемъ, теремъ съ солнцемъ, въ небѣ Мѣсяцъ, мѣ-
 сяцъ здѣсь,
 Въ Небѣ звѣзды, въ Небѣ зори, въ зоряхъ звѣздныхъ теремъ
 весъ.
 Вотъ къ заутрени звонили, пробуждается Княжна,

Ото сна встаетъ Забава, смотритъ все ли спить она?
Изъ косящата окошка въ свой зеленый смотритъ садъ,
Златоверхіе три терема какъ будто тамъ стоять.

„Ой вы мамушки и папушки, идите поскорѣй,
Красны дѣвушки, глядите, что въ саду среди вѣтвей.
Это чудо ль показалось мнѣ средь вишенья въ цвету?
Наиву ли увидала я такую красоту?“

Отвѣчаютъ красны дѣвушки и папушки Княжнѣ:
„Счастье съ цветомъ въ домъ пришло къ тебѣ, и въ яви,
не во сне.“

Вотъ идетъ Забава въ садъ свой, межъ цветовъ идетъ Княжна,
Теремъ первый, въ немъ все тако, золотая тамъ казна,
Ко второму, за стѣнами потихоньку говорять,
Помаленьку говорять въ немъ, все молитву тамъ творять,
Подошла она ко третьему, стоять Княжна, глядѣть,
Въ третьемъ теремѣ, тамъ музыка, тамъ музыка гремитъ.
Входить въ сѣни, дверь открыла, испугалася Княжна,
Рѣзы ноги подломились, видѣть дванадцати она:
Небо съ Солнцемъ, теремъ съ солнцемъ, въ Небѣ Мѣсяцъ, мѣсяцъ
здесь,

Въ Небѣ звѣзды, въ Небѣ зори, въ звѣздныхъ зоряхъ теремъ
весь.

Подломились рѣзы ножки, Соловей догадливъ быль,
Гусли звончаты онъ бросилъ, красну дѣву подхватилъ,
Подхватилъ за бѣлы ручки тутъ Забаву Соловей,
Клацъ ее онъ на кривати изъ слоновыхъ костей,
На пуховые перины, въ обомѣвные, положилъ:—
„Что жь, Забава, испугалася?“ — Тутъ имъ день поворожилъ.
Солнце съ солнцемъ золотилось, Мѣсяцъ съ мѣсяцемъ горѣлъ,
Зори звѣздныя свѣтились, въ сердцѣ жаръ быль юнь и смѣль.
Сердце съ сердцемъ, очи въ очи, о, какъ сладко и свѣтло,
Бѣлыи цветомъ, всякимъ цветомъ, нѣжно вишенье цветло.

САДКО.

Былъ Садко молодецъ, молодой Гусляръ,
 Какъ начнетъ играть, пляшетъ младъ и старъ.
 Какъ начнутъ у него гусли звончаты пѣть,
 Тутъ выкладывать мѣдь, серебромъ гремѣть.
 Такъ Садко ходилъ, молодой Гусляръ,
 И богатъ бывалъ отъ пѣвучихъ чаръ.
 И любимъ бывалъ за напѣвы струнъ,
 Такъ Садко гулялъ, и Садко былъ юнъ.
 Загрустилъ онъ разъ: „Больно бѣденъ я,
 Пропадеть вотъ такъ вся и жизнь моя“.
 Закручинился онъ, къ Ильменю пришелъ,
 Гусли звончаты взялъ, зазвенѣлъ лѣсь и долъ.
 Заходила волна, загорѣлась волна,
 Всколыхнулась со дна вся вода-глубина.
 Онъ такъ разъ проигралъ, проигралъ онъ и два,
 А на третій мелькнула предъ нимъ голова.
 Водный Царь передъ нимъ, словно бѣлый пожаръ,
 Разметался, встаетъ, смотрить юный Гусляръ.
 „Все, что хочешь, проси“.—„Дай мнѣ рыбъ золотыхъ“.
 —„Опускай невода, много вытащишь ихъ“.
 Трижды бросалъ въ Ильмень онъ свои невода,
 Рыбой бѣлой и красной дарила вода,
 И пока доївалъ онъ напѣвчатый стихъ,
 Даль Ильмень ему въ неводъ и рыбъ золотыхъ.

Положилъ онъ всю рыбу на полныхъ возахъ,
 Онъ въ глубокихъ ее хоронилъ погребахъ.
 Черезъ день онъ пришелъ и открылъ погреба,—
 Эхъ Садко молодецъ, вотъ судьба такъ судьба:
 Тамъ, гдѣ красная рыба—несчетная мѣдь,
 Тамъ, гдѣ бѣлая—срѣбра полная клѣть,
 А куда положилъ онъ тѣхъ рыбъ золотыхъ,
 Все червонцы лежать, сколько ихъ, сколько ихъ!
 Тутъ Гусляръ молодой сталъ богатый Купецъ,
 Гость Богатый Садко. Ну Гусляръ молодецъ!

Онъ по Новгороду ходить и глядитъ.
 „Гдѣ товары тутъ у васъ?“ онъ говорить.
 „Я ихъ выкуплю, товары всѣ до-тла“.
 Вѣчно молодость хвастливою была.
 „Я сто тысячей казны вамъ заплачу.
 Гдѣ товары? Всѣ товары взять хочу“.
 Онъ поинъ Новогородскихъ мужиковъ,
 Во-хмѣлю-то напоить онъ всѣхъ готовъ.
 Выставляли тутъ товаровъ безъ конца,
 Да не считана казна у молодца.
 Все купилъ онъ, все, что было, онъ скучилъ,
 Онъ, сто тысячей отдавъ, богатымъ быль.
 Теремъ выстроилъ, въ высокомъ терему
 Камни ночью самоцвѣтятся во тьму.
 Онъ Можайскаго Николу сорудилъ,
 Онъ всѣ маковицы ярко золотилъ.
 Изукрашивалъ иконы по стѣнамъ,
 Чистымъ жемчугомъ убралъ иконы камъ.
 Вызолачивалъ онъ царскія врата,
 Предъ жемчужной—золотая красота.
 А какъ въ Новгородѣ снова онъ пошелъ,
 Онъ товаровъ на полушику не нашелъ,
 И зашелъ тогда Садко во темный рядъ,
 Черепки, горшки тамъ битые стоять.

Усмѣхнулся онъ, кашель и тѣ горшки:
 „Пригодятся“, говорить, „и черепки“,
 „Дѣти малые“, моль, „будутъ въ нихъ играть,
 Будутъ въ играхъ про Садко воспоминать.
 Я Садко Богатый Гость, Садко Гусляръ,
 Я люблю, чтобы плясалъ и младъ и старъ.
 Гусли звончаты недаромъ говорять:
 Я Садко Богатый Гость, весенний садъ!“

Вотъ по Морю, Морю синему, средь пѣнистыхъ зыбей,
 Выбѣгаютъ, вытребають тридцать быстрыхъ кораблей.
 Походили, погуляли, торговали далеко,
 А на Соколѣ на свѣтомъ ёдетъ самъ купецъ Садко.
 Корабли бѣгутъ проворно, Соколь лишь стоитъ одинъ,
 Видно чара тутъ какая, есть рѣшеніе глубинъ.
 И промолвилъ Гость Богатый, говорить Садко Купецъ:
 „Будемъ жеребья метать мы, на кого пришелъ конецъ“.
 Всѣ тутъ жеребья метали, написавши имена,—
 Всѣ плывутъ, перо Садково поглотила глубина.
 Дважды, трижды повторили,—валъ взметнется, какъ гора,
 Ничего тогдѣ валъ не топить, лишь хмѣлева иѣть пера.
 Говорить тутъ Гость Богатый, говорить своимъ Садко:
 „Видно часъ мой подступаетъ, быть мнѣ въ Морѣ глубоко,
 Я двѣнадцать лѣтъ по Морю, Морю синему ходилъ,
 Дани-пошлины я Морю, возгордившись, не платилъ.
 Говорилъ я: Что мнѣ море? Я плачу кому хочу.
 Я гуляю на просторѣ, мигъ забавъ озолочу.
 А ужъ кланяться зачѣмъ же! Кто такой, какъ я, другой?
 Видно, Море осерчало. Жертвы想要 Царь Морской“.
 Говорилъ такъ Гость Богатый, но, безстрашный, гусли взяли,
 Въ валъ спустился—тотчасъ Соколь прочь отъ мѣста побѣжалъ.
 Далеко ушелъ. Надъ Моремъ воцарилась тишина.
 А Садко спустился въ бездну, онъ живой дошелъ до дна.

Видѣть онъ великую тамъ на днѣ избу,
 Тутъ Садко дивуется, узнаетъ судьбу.

Раковины свѣтятся, мѣсяцы дугой,
 На рѣзныхъ палатахъ самъ тамъ Царь Морской.
 Самоцѣнны камни съ потолка висятъ,
 Жемчуга такие—не насытишь взглядъ.
 Лампы изъ коралла, изумрудъ—вода,
 Такъ бы и осталась тамъ душа всегда.
 „Здравствуй“, Царь Морской промолвилъ Гусляру,
 „Ждалъ тебя долгонико, помню я игру.
 Что жь, разбогатѣлъ ты—гусли позабылъ?
 Ну-ка, пограй мнѣ, звонко, что есть силь“.
 Сталъ Садко тутъ тѣшить Водного Царя,
 Заняграли гусли, звономъ говоря,
 Заняграли гусли звончаты его,
 Царь Морской—плясать, не помнить ничего.
 Голова Морского словно сѣна стогъ,
 Пляшетъ, размахался, бѣть ногой въ порогъ,
 Шубою зеленою бѣть онъ по стѣнамъ,
 А вверху — тамъ Море съ ревомъ льнетъ въ скаламъ.
 Море разгулялось, тонуть корабли,
 И когда бы сверху посмотрѣть могли,
 Видѣли бѣ, что нѣть сильнѣе ничего,
 Чѣмъ Садко и гусли звончаты его.
 Наплюсалось ноги. Царь Морской усталъ.
 Гостя угожаетъ, Гость тутъ пьянымъ сталъ.
 Развалялся въ Морѣ, на цвѣтистомъ днѣ,
 И Морскія Дѣвы встали какъ во снѣ.
 Царь Морской смеется: „Выбирай жену.
 Ту бери, что хочешь. Лишь бери одну“.
 Тридцать красовалось передъ нимъ дѣвицъ
 Бѣлизною груди, красотою лицъ.
 А Садко·причудникъ: ту, что всѣхъ скромнѣй,
 Выбралъ онъ, Чернава было имя ей.
 Спать легли, и странно въ глубинѣ морской
 Раковины рдѣли, мѣсяцы дугой.
 Рыбы проходили въ изумрудахъ водъ,
 Видѣло мечтанье, какъ тамъ китъ живеть,

Сколько травъ нездѣшнихъ смотрѣть къ вышинѣ,
Сколько тайнъ скрыто на глубокомъ днѣ.
И Садко забылся въ красотѣ морской,
И жену онъ обиялъ лѣвою ногой.
Что-то колыхнулось въ сердцѣ у него,
Вспомнилъ, испугался, что ли, онъ чего.
Только вдругъ проснулся. Смотрѣть—чудеса:
Новгородъ онъ видѣть, свѣтять Небеса,
Вонъ, тамъ храмъ Николы, то его приходъ,
Съ колокольни звонъ къ заутрени зоветъ.
Видѣть—онъ лежитъ надъ утренней рѣкой,
Онъ въ рѣкѣ Чернавѣ лѣвою ногой.
Корабли на Волхѣ свѣтять далеко.
„Здравствуй, Гость Богатый! Здравствуй, нашъ Садко!“

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЪ.

Какъ во стольномъ томъ во городѣ во Киевѣ былъ парь,
 Какъ у масковаго Князя пиръ идеть на цѣлый міръ.
 Пированье, столованіе, почестный столь,
 Словно день затѣмъ пришелъ, чтобъ этотъ пиръ такъ шель.
 И ужъ будеть день въ подовинѣ дня,
 И ужъ будеть столь во полу-столѣ,
 А все гусли поютъ, про веселье звена,
 И не знаетъ душа, и не помнить о злѣ.
 Какъ приходитъ тутъ къ Князю сто молодцовъ,
 А за ними другое и третіе сто.
 Съ кушаками они веругъ разбитыхъ головъ,
 На охотѣ ихъ всѣхъ изобидѣли. Кто?
 А какіе-то молодцы, сабли булатныя,
 И кафтаны на нихъ все камчатные,
 Жеребцы-то подъ ними Латинскіе,
 Кони бѣшены тѣ исполинскіе.
 Половили они соболей и куницъ,
 Пострѣляли всѣхъ туровъ, оленей, лисицъ,
 Обездолили лѣсь, и надѣлали бѣдъ,
 И добычи для Князя съ Княгинею нѣть.
 И не кончали эти, другое идутъ,
 Въ кушакахъ, какъ и тѣ, кушаки-то не тутъ,
 Гдѣ имъ надобно быть: рыболовы пришли,
 Вместо рыбы они челобатье несли.

Всю-де выловили бѣлорыбицу тамъ,
 Каравей нѣть, ни щукъ, и обида есть намъ.
 И не кончили эти, какъ треты идуть,
 Въ кушакахъ, какъ и тѣ, и челомъ они бываютъ:
 То сокольники, нѣть соколовъ въ ихъ рукахъ,
 Что не надо, такъ есть, много есть въ кушакахъ,
 Изобидѣли ихъ сто чужихъ молодцовъ.
 „Чья дружина?“ — „Чурилы“. — „А кто онъ таковъ?“
 Тутъ Бермята Васильевичъ старый встаетъ:
 „Мнѣ Чурило извѣстенъ, не здѣсь онъ живеть.
 Онъ подъ Кіевцемъ Малымъ живеть на горахъ,
 Дворъ богатый его, на семи онъ верстахъ.
 Онъ привольно живеть, самъ себѣ господинъ,
 Вкругъ двора у него тамъ желѣзный есть тынъ,
 И на каждой тынинкѣ по маковкѣ есть,
 По жемчужинкѣ есть, тѣхъ жемчужинъ не счесть.
 Середи-то двора тамъ свѣтлицы стоять,
 Бѣлодубовы всѣ, гордо гридни глядять,
 Эти градни покрыты сѣдымъ бобромъ,
 Потолокъ — соболями, а полъ — серебромъ,
 А пробои-крюки все злаченый булатъ,
 Предъ свѣтлицами трои ворота стоять,
 Какъ одни-то рѣзныя, вальящаты тамъ,
 А другие хрустальны, на радость глазамъ,
 А прѣль тѣмъ какъ пройти чрезъ стеклянныя,
 Еще треты стоять, оловянныя“.

Вотъ собрался Князь съ Княгинею, къ Чурилѣ ѣдетъ онъ,
 Старый Пленъ идеть навстрѣчу, имъ почеть и имъ поклонъ.
 Посадилъ во свѣтлыхъ гридняхъ ихъ за убранны столы,
 Будутъ пить лягы медвяны до вечерней поздней мглы.
 Только Князь въ оконце глянуль, закручинился: „Бѣда!
 Я изъ Кіева въ отлучкѣ, а сюда идеть орда.
 Изъ орды идеть не Царь ли, или грозный то посолъ?“

Пленъ смытъся: „То Чурило, сынъ мой, Пленковичъ пришелъ“.
 Воть глядять они, а день ужъ вечеряется,
 Красно Солнышко къ покою закатается,
 Собирается толпа, ихъ за пять сотъ,
 Молодцовъ-то и до тысячи идетъ.
 Самъ Чурило на могучемъ на конѣ
 Впереди, его дружина—въ сторонѣ,
 Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ-цвѣтокъ,
 Чтобы жаръ ему лица пожечь не могъ.
 Первъ-на-перво бѣжать тутъ скороходъ,
 А за нимъ и всѣ, кто ёдетъ, кто идетъ.
 Князь зоветъ Чурилу въ Киевъ, тотъ не прочь:
 Свѣтель день тамъ, да свѣтла въ любви и ночь.

Воть во Киевѣ у Князя снова пиръ,
 Какъ у ласковаго пиръ на цѣлый міръ.
 Ликованіе, свирѣльный слышень гласъ,
 И Чурило препожалуетъ сейчасъ.
 Задержался онъ, неладно, да идетъ,
 Въ первый разъ вина пусть будетъ невзачетъ.
 Старъ Бермята, да жена его душа
 Катеринушка ужъ больно хороша.
 Позамѣштался маленько, да идетъ,
 Онъ ногой муравки-травки не помнеть,
 Пятки гладки, сапожки—зеленъ сафьянъ,
 Руки бѣлы, свѣтлы очи, стройный станъ.
 Вся одежда—драгоцѣнная на немъ,
 Краснымъ золотомъ прошита съ серебромъ.
 Въ каждой пуговкѣ по молодцу глядить,
 Въ каждой петелькѣ по девицѣ сидить,
 Застегнется, и милуются они,
 Раастегнется, и цѣлуются они.
 Заглядѣлись на Чурилу, всѣ глядять,
 Тамъ гдѣ девушки—заборы тамъ трещать,
 Гдѣ молодушки—тамъ звонъ, оконца бьють,

Тамъ гдѣ старыя—платки на шеѣ рвутъ.
 Какъ вошелъ на пиръ, тутъ Князева жена
 Лебедь рушила, обрѣзала она,
 Со стыда ли руку свѣсила подъ столъ,
 Какъ Чурилушки тотъ Пленковичъ прошелъ.
 А Чурило только смѣло поглядѣлъ,
 А свирѣпый гласъ куда какъ сладко пѣлъ.

Пировали такъ, окончили, и прочь,
 А пороша выпадала въ эту ночь.
 Всѣ къ заутренни вдуть, чуть бѣлый свѣтъ,
 Запримѣтили на снѣгѣ свѣжій слѣдъ.
 И дивуются: смотри да примѣчай,
 Это зайка либо бѣлый горностай.
 Усмѣхаются иные, говорять:
 „Горностай ли былъ? Тутъ зайка ль былъ? Наврядъ.
 А Чурило тутъ навѣрно проходилъ,
 Красоту онъ Катерину навѣстилъ“.

Говорили мнѣ, что будто молодецъ
 На Бермяту натолкнулся наконецъ,
 Что Бермятой былъ онъ будто бы убить,—
 Кто повѣдалъ такъ, неправду говорить.
 Ужъ Бермятѣ ль одному искать въ крови
 Чести, мести, какъ захочешь, такъ зови.
 Не убешь того, чего убить нельзя,
 Горностаева уклончива стезя.
 Тотъ, кто любить,—какъ ни любить, любить онъ,
 И кровавою рукой не схватишь сонъ.
 Сонъ пришель, и сонъ ушель, лови его.
 Чуръ меня! Хотѣніе сердца не мертвое.
 Знаю я, Чурило Пленковичъ красивъ,
 Съ нимъ цѣлуются, цѣлуются, онъ живъ.
 И сейчасъ онъ улыбаяся идетъ,
 Предъ лицомъ своимъ подсолнечникъ несетъ.
 Расцвѣтается подсолнечникъ-цвѣтокъ,
 Чтобы жаръ лицо красивое не скжегъ.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

Ай же ты, Микула Селяниновичъ, Мужикъ,
 Ты за сколько тысячъ лѣтъ къ землѣ своей привыкъ?
 Сколько долгихъ тысячъ лѣтъ ты водилъ сокой?
 Вѣкъ придетъ, и вѣкъ уйдетъ, вѣченъ образъ твой.
 Лошадь у тебя была, некрасна на видъ,
 А взметнется да заржетъ, облако греметь.
 Ходить, ходить, съ бороздой борозда дружна.
 Свѣтель Кіевъ,—что мнѣ онъ? Пашня мнѣ нужна.
 Сколько долгихъ тысячъ лѣтъ строятъ города,
 Строять, нѣть ихъ,—а вдѣть въ полѣ бороада.
 И Микула новь святить, съ пашней говорить,
 Ель онъ вывернуль, сосну, въ борозду валить.
 Бхалъ тутъ какой-то князь, витязь что-ли онъ,
 Подивился, посмотрѣль,—гуль въ землѣ и стонъ.
 „Кто ты будешь?“ говорить. „Въ толкъ я не возьму.
 Какъ тебя, скажи, назвать?“ говорить ему.
 А Микулушка взглянуль, лошадь подхлестнуль,
 Крикнулъ весело,—въ лѣсу стоить пошелъ и гудъ.
 На наряднаго того поглядѣль слегка,
 На такихъ онъ чрезъ вѣка смотрѣть свысока.
 „Вотъ какъ ржи я напахаль, къ дому выволочу,
 Къ дому выволочу, дома вымолочу.
 Наварю гостямъ я пива, кликнуть гости въ торжество:
 Вѣкъ крестьянствовать Микулъ, міръ—его, земля—его!“

ИСПОЛИНЬ ПАШНИ.

Исполинъ безмѣрной пашни,
Какъ тебя я назову?
—Что ты, блѣдный? Что, вчерашній?
Ты во сне, иль наяву?

Исполинъ безмѣрной нивы,
Отчего надменный ты?
—Не надменный, не спѣсивый,
Только любящій цвѣты.

Исполинъ безмѣрной риги,
Цвѣть и колось любъ и мнѣ.
—Полно, тѣнь прочтеної книги,
Отойди-ка къ сторонѣ.

ДВЪ РѢКИ.

Я видѣлъ всю Волгу во время разлива,
 Отъ самыхъ истоковъ
 До Каспія гордаго, чей хорошъ изумрудъ.
 О, Волга повсюду красива,
 Въ самомъ имени свѣтлой царицы такъ много намековъ,
 И ея заливные луга, расцвѣтая, побѣдно цвѣтуть.
 Это—гордость Славянъ, это—знаменье воли для вольныхъ,
 Для раздольныхъ умовъ, тѣснотой недовольныхъ.
 Волга, Волга, воспѣтая тысячи разъ,
 Ты качала, въ столѣтьяхъ, мятежниковъ, насть.
 Ты, царица всѣхъ рѣкъ, полновластно красива,
 Какъ красива, ставшій звучною былью, разбой,
 Какъ красива гроза въ высотѣ голубой.
 Но желанный мнѣ кротко-шуршаща желтая нива
 Надъ родною Владимірской тихой рѣкою Окой.
 И да памятно будетъ,
 Что надъ этой рѣкою рожденъ былъ любимецъ вѣковъ,
 Кто въ былинныхъ сердцахъ—и еще—много пѣсенъ пробудить,
 Сильный, силы не рабъ, исполнинъ смиренникъ лѣсовъ.
 Тотъ прекрасный межь витязей всѣхъ, богатырь справедливый,
 Кто одинъ не кичился могучею силой своей,
 И на подвиги вскормленный скудною нивой,
 Быть за тѣкъ, чья судьба—ждать и ждать хлѣбоносныхъ стеблей.
 Какъ заманчивъ онъ былъ, когда съ сильнымъ и наглымъ схватился,

И, его не убивъ, наглеца лишь взметнулъ въ вышину,
И упавшаго самъ подхватилъ, чтобы тотъ не убился,
Но впередъ научился не силу лишь вѣдать одну.
Какъ заманчивъ онъ былъ и другой, Соловья побѣдитель,
Разметавши надменныхъ съ ихъ Киевской гряднею той,
Кроткій, могъ онъ возстать, какъ разгнѣванный мечущій истрітель,
Могъ быть тихой рѣкой, и разливной рѣкою Окою.
И заманчивъ онъ былъ, какъ, прощаясь съ родною рѣкою,
Корку чернаго хлѣба пустилъ онъ по водамъ ея,
И вскочилъ на коня, въ три прыжка былъ онъ съ жизнью иною,
Но въ нарядностяхъ дней не забылъ назначенье свое.

ХВАЛА ИЛЬЮ МУРОМЦУ.

Славший тридцать лѣтъ Илья,
 Вставшій въ мигъ одинъ,
 Тайновидецъ бытія,
 Русскій исполинъ.
 Геній долгихъ вѣщахъ сновъ,
 Потерявшихъ счетъ,
 Нашихъ Муромскихъ лѣсовъ,
 Топей и болотъ.
 Геній пашни, что мертвa
 Въ долгой цѣли дней,
 Но по слову вдругъ жива
 Отъ любви лучей.
 Геній сѣрой нищеты,
 Что безгласно ждетъ,
 До назначенной черты,
 Рвущей твердый ледъ.
 Геній таинства души,
 Что мертвa на взглядъ,
 Но въ таинственной тиши
 Схоронила кладъ.

Славшій тридцать лѣтъ Илья
 Былъ безъ рукъ, безъ ногъ,
 Шевельнувшись, какъ змѣя,
 Вдругъ быть сильнымъ могъ.
 Ницій нищаго будилъ,
 Мужика мужикъ,
 Чарой слабому дать силъ,
 Развязалъ языкъ.
 Былъ раздвинутъ мощный кругъ
 Предъ лицомъ калѣкъ,
 Великая проснулся вдругъ,
 Гордый человѣкъ.
 Если бы къ небу отъ земли
 Столбъ съ кольцомъ воткнуть,
 Эти руки бы могли
 Миръ перевернуть.
 Будь отъ неба до земли
 Столбъ съ златымъ кольцомъ,
 По иному бы цвѣли
 Здѣсь цвѣты кругомъ.

Славшій тридцать лѣтъ Илья,
 Ты ионынѣ живъ,
 Это молодость твоя
 Въ шелестѣнныи нивъ.
 Это Муромскій твой умъ,
 Въ часъ когда въ лѣсахъ
 Будятъ бури долгій шумъ,
 Говорять въ громахъ.
 Между всѣми ты одинъ
 Не склонилъ лица,
 Полновольный исполинъ,
 Смѣлыи до конца.

До конца ли? Безъ конца.
Ибо ты—всегда.
Отъ прекраснаго лица
Вотъ и здѣсь звѣзда.
Вознесенный глубиной,
И вознесшій—лицъ,
Мой Владимірецъ родной,
Муромскій мужикъ.

ОТПЕСТЬЕ МУРОМЦА.

Муромецъ Русскую землю прошелъ,
 Вѣтеръ идеть такъ смаргдами бора,
 Видѣлъ безчисленность градовъ и сель,
 Обнялъ ихъ ласкою взора.
 Жизнь онъ прошелъ изъ предѣла въ предѣль,
 Видѣлъ могучихъ, и видѣлъ бессильныхъ,
 Много безвестнаго онъ подглядѣлъ,
 Въ мірѣ, на торжашахъ пыльныхъ.
 Муромецъ силу свою развернулъ,
 Попалъ довольно съ хмѣльною онъ голю,
 Въ думахъ притихшихъ разслышалъ онъ гуль,
 Тѣсныхъ бросаль онъ къ раздолю.
 Всѣхъ онъ сермяжныхъ въ пути защитилъ,
 Важныхъ смириться онъ властно заставилъ,
 Дикую схватку враждующихъ силь
 Онъ къ равновѣсью направилъ.
 Духъ свой предавши Полярной Звѣздѣ,
 Той, что въ сказаньяхъ зовется Судбою,
 Былъ предрѣшенно онъ вѣрнымъ вездѣ,
 Брахъ недоступность безъ бою.
 Муромецъ полюсь и полюсь узналъ.
 Будетъ. Пришелъ къ Океану морскому.
 Соколь - корабль колыхался тамъ, аль, —
 Смѣлый промолвилъ: „Къ другому“.

Сълъ на червленый корабль, и ушель
Прочь отъ пройденной земли, не жалъя.
Гнался за Соколомъ Сизый-Орелъ,
 Соколь Орла быль быстрѣе.
Гдѣ онъ? Донынѣ лъ въ неузнанномъ Тамъ?
Синею бедной, какъ въ люлькѣ, качаемъ?
Снова лъ придетъ неожиданно къ намъ?
 Иѣсня гадаетъ. Не знаемъ.

ЦВЕЛЕБНАЯ КРИНИЦА.

Конь Ильи копытомъ звонкимъ бьетъ, рождается криница,
Ключъ лѣсной освободился изъ подземнаго жерла.
Самъ Илья въ тотъ мигъ стремился, улеталъ въ просторъ
какъ птица,
А цвѣлебная криница до сихъ поръ въ лѣсахъ свѣтла.

Онъ летѣлъ, не размыслия о заждительности бѣга,
Безъ мышленья сердцемъ зная, какъ Свобода хороша.
И донынѣ среброводна освѣжительная нѣга,
И поеть хрустальность въ чащахъ: Приходи испить, душа.

КАПЛЯ КРОВИ.

Красавица склонилась,
 Шумить веретено.
 Въщанье совершилось,
 Ужь Ночь глядить въ окно.
 Свѣтлянка укололась,
 И приговоръ свершень.
 Красивъ застывшій волосъ,
 Красивъ глубокій сонъ.
 Отъ одного укола,
 Какъ будто навсегда,
 Кругомъ заснули села,
 Притихли города.
 Притихли и застыли,
 И все слилось въ одно.
 Вездѣ, въ безгласной быти,
 Глядится Ночь въ окно.
 Всѣмъ міромъ овладѣла
 Ночная тишина.
 И какъ нѣмое тѣло,
 Глядить на мірь Луна.
 Красавица склонилась,
 Молчить веретено.
 Рѣшенье совершилось,
 Такъ было суждено.

Но капля въ ранѣ малой,
 Сверкнувъ огнемъ во мглу,
 Какъ цвѣтъ упала алый,
 И свѣтить на полу.

И вѣжный свѣтъ не таетъ,
 Алѣеть все сильнѣй.
 Шиповникъ расцвѣтаетъ,
 Весь въ призракахъ огней.
 Какъ кустъ онъ всталъ вокругъ злого
 Того веретена.
 Въ молчаны сна ночного
 Разросся до окна.
 Сия алымъ цвѣтомъ,
 Ростетъ онъ какъ пожаръ.
 И въ мірѣ, мглой одѣтомъ,
 Слабѣютъ ковы чаръ.
 Сперва цвѣты проснулись,
 Пошелъ въ деревьяхъ гуль.
 И дѣти улыбнулись,
 Святой старикъ вздохнулъ.
 И лебеди запѣли
 На зеркалѣ озеръ.
 Всемирной колыбели
 Вдругъ ожиль весь просторъ.
 И вотъ, на счастье наше,
 Глядится День въ окно.
 Еще Свѣтлянка краше,
 Шумитъ веретено.

ПЕРЕДЪ ЦВѢТНЫМЪ ОКОНЦЕМЪ.

На морѣ Океанѣ есть островъ Красота,
Сидѣть въ рѣзной избушкѣ три дочери Христа.
Передъ цвѣтнымъ оконцемъ шыуть молча три сестры.
Гора тамъ есть, и оstry уступы у горы.
И если кто восхочеть къ заманчивой чертѣ,
Онъ больно рѣжетъ ноги въ той вольной высотѣ.
Не смотрять—видѣть сестры, и старшая сестра
Береть иглу булатну, и говорить: „Пора“.
Береть иглу булатну, нить шолкову притомъ,
И вышиваетъ гору на Морѣ голубомъ.
Потомъ сестрѣ сердней передаетъ тотъ плать,
Встаетъ на немъ дорога: пойдешь—нельзя назадъ.
И плать береть узорный тутъ младшая сестра,
И алымъ расцвѣтаетъ узоромъ вся гора.
Въ тѣ самые минутки какъ расцвѣтаетъ плать,
У путника на высяхъ свѣтло глаза горятъ.
Отъ ранъ ему не больно, не льется больше кровь,
А брызнетъ, такъ немедля въ цветкахъ зажжется вновь.
И годъ идеть за годомъ, и ропщетъ Океанъ,
Но островъ тотъ не гибнетъ, съ богатствомъ горныхъ странъ.
И съ самаго разсвѣта до поздней до поры,
Передъ цвѣтнымъ оконцемъ шыуть молча три сестры.

ОГНЕНОЙ РЬКОЮ.

Изъ Арабскихъ дальнихъ странъ
Еъ намъ приде въ своеи скитаны,
Руссовъ древнихъ Ибнъ-Фоцланъ
Вопрошалъ о сожиганы.

Почему, когда просторъ
Здѣшней жизни Руссомъ смирянъ,
Трупъ кладутъ они въ костеръ,
Въ огнь, что силой достовѣренъ?

Потому, гласилъ отвѣтъ,
Что, вступивши въ яркій пламень,
Возрожденъ, какъ цвѣтъ и свѣтъ,
Мракъ желѣза, мертвый камень.

Потому, отвѣтъ гласилъ,
Что земному подобаетъ
Побывать въ жару горниль,
Тамъ, где все перекипаетъ.

Да земныя тѣлеса
Аки Солнце просвѣтятся,
Передъ тѣмъ какъ въ Небеса
Въ царство Солнца возвратятся.

Искушенные огнемъ,
Разлученные съ тоскою,
Поплынутъ въ свой Отчій Домъ,
Ярко-огненой рѣкою.

САЛАМАНДРА.

Межь бреговъ есть брегъ Скамандра,
 Что живеть въ умахъ вѣка.
 Межь звѣрей есть саламандра,
 Что къ безсмертію близка.
 Дивной свой муснайской
 Вброшенъ въ жизнь который годъ,
 Этотъ звѣрь въ странѣ Индійской
 Яркимъ пламенемъ живеть.
 Разожги костеръ златистый,
 Саламандру брось въ него, —
 Меркнетъ вдругъ восторгъ огнистый,
 Звѣрь живеть, въ кострѣ — мертвъ.
 Такъ и ты, колѣ Дьяволъ черный
 Въ блескъ любви введеть свой ликъ,
 Вспыхнешь весь во лжи узорной,
 А любовь — погаснетъ вмигъ.

ТРАВА-КОСТЕРЬ.

Есть трава—ростетъ
 Во здѣ тихихъ рѣкъ.
 И не каждый годъ
 Та трава цвѣтеть,
 А когда придетъ
 Человѣкъ.

Ростъ ея—стрѣла,
 И красивъ узоръ.
 Та трава была
 Много разъ свѣтла,
 Снова расцвѣла,
 Какъ костеръ.

И горитъ огонь
 Во здѣ тихихъ рѣкъ.
 Мчится красный конь,
 Ржетъ, поетъ: Не тронь,
 Не хватай огонь,
 Человѣкъ.

Съ ржаньемъ конь скакалъ,
 Убѣжалъ въ просторъ.

Ярко промелькаль.
Былъ расцвѣтно-алъ,
Возлѣ рѣкъ сверкаль
Цвѣтъ-костеръ.

И свѣтла была
Влага тихахъ рѣкъ.
Въ мірѣ вѣсть прошла,
Что трава цвѣла: —
Былъ здѣсь, въ мірѣ зла,
Человѣкъ.

БЛѢДНЫЕ ЛЮДИ.

Я людей повстрѣчалъ на степи неоглядной,
Въ безпредѣльномъ скитаны своеи,
У костра, въ чась Луны предразсвѣтно-прохладной,
Нисходившой небеснымъ путемъ.

Трепетанья костра горячо расцѣчали
Блѣднолицыхъ печальныхъ людей,
И рыданія флейть, въ ихъ напѣвой печали,
Разносилась по шире степей.

Я спросилъ ихъ, о чмъ эти звонкіе стоны,
И отвѣтилъ одинъ мнѣ изъ нихъ:
„Въ нашихъ пѣсняхъ поютъ и скорбятъ миллионы,
Миллионы существъ намъ родныхъ“.

Какъ лунатикъ влекомъ междузвѣзднымъ пространствомъ,
Я ушелъ, гдѣ промчался, какъ сонъ,
Я ходилъ, и повторныхъ шаговъ постоянствомъ
Снова былъ къ ихъ костру приведенъ.

Въ чась ночной, блѣднолицые люди смотрѣли
На рубинъ, возникавшій съ огнемъ,
И, какъ прежде, рыдали и пѣли свирѣли,
Ночь тревожа подъ Млечнымъ путемъ.

Начинала свирель, повторяла другая,
Третья, сотая, тысячный бредъ,
Точно пыла и плакала бездна морская.
Я спросилъ—и услышалъ отвѣтъ.

„Вы всегда ли въ степи? И всегда ли вы въ горѣ?“
И какъ будто бы хрустнула цѣнь:—
„—Мы Славяне, мы вѣчно тоскуемъ о Морѣ,
Потому такъ и любимъ мы степь“.

Какъ безумный, опять я ушелъ на разстанья,
Какъ лунатикъ, закрывши глаза.
Вновь пришелъ. Вновь костеръ. Вновь пѣвучесть рыданья.
Вечерь. Молния. Алость. Гроза.

Степь и небо въ огнѣ. Миръ въ раскатахъ и въ гулѣ.
„Смерть иль жизнь?“ я шепнуль, какъ во снѣ.
На меня блѣднолицые только взглянули,—
Лишь свирель отвѣтила мнѣ!

ВАНДА.

Ванда, Ванда, Дъва Польши, ужь сведенъ съ минувшимъ счетъ,
Свѣтлый призракъ въ глубь принявши, Висла медленно течеть.

Твой отецъ, о, Паниа Влаги, былъ властитель Польши, Кракъ,
Онъ убилъ смолою Змія. Подвигъ тотъ случился такъ.

Змій Вавель, въ горѣ пещерной, извиваясь былъ въ гнѣздѣ,
Истреблять людей и ивы, изводить стада вездѣ.

Мудрый Кракъ, чтобы искушенъ былъ Змій Вавель, хитатель
злой,
Начинилъ бычачы шкуры липко-черною смолой.

Близъ пещеры, гдѣ черквла та зміиная нора,
Встали чудища бычачы, началась въ горахъ игра.

Змій Вавель бычачы шкуры пастью жадно пожралъ,
И внутри воспламенился, и, безумствуя, сгоралъ.

И сгорѣль, пробивъ ущелье. Спась свою отчизну Кракъ.
Городъ Krakowъ именитый есть лишь дней минувшихъ знакъ.

Дочь такого-то героя Ванда стройная была.
Какъ была она надменна, какъ была она свѣтла!

Много витязей хотѣло Дѣву Польскую плѣнить,
Мысль ничья сї не сумѣла золотую вытаить нить.

Ванда, въ день когда раскрылся красоты ея цветокъ,
На себя взглянула утромъ въ протекающей потокъ.

И сказала: „Развѣ можетъ рядомъ съ золотомъ быть мѣдь?
Нѣть достойного мужчины—Польской Панною владѣть“.

И молва о свѣтлоглазой прогремѣла тамъ вдали,
Въ край ея, изъ странъ далекихъ, Алеманы подошли.

Алеманскій повелитель, пышнокудрый Ритогаръ,
Красотою Ванды взятый, плѣнникъ былъ всевластныхъ чаръ.

И отправились къ ней дважды, трижды къ ней послы пришли,
Но привѣта Ритогару въ сердцѣ Дѣвы не нашли.

Бранный кличъ тогда раздался,—нѣть добра, будь геній зла,
Вся дружина Алемановъ копья длинныя взяла.

Но, хоть длинны, не достали, но, хоть остры, нѣть копья,
Ты была сполна красива,—Ванда, власть сполна твоя.

Вся дружина Алемановъ, Ванду видя предъ собой,
Пораженная какъ Солнцемъ, отступила, конченъ бой.

Кликнулъ вождь: „Да будетъ Ванда на землѣ и въ скѣ морскомъ!
„Ванда въ воздухѣ!“ воскликнувъ, поразилъ себя мечомъ.

И свершилось чарованье, отошла звѣзда къ звѣздѣ,
Ванда всюду, звѣздность всюду, на землѣ и на водѣ.

Устремившись въ воды Вислы, Ванда тамъ—въ текучемъ снѣ,
Свѣтлый взоръ ея колдуетъ Польскимъ судьбамъ въ глубинѣ.

Пѣсня въ воздухѣ надъ Вислой да не молкнетъ никогда,
Какъ побѣдный образъ Ванды живъ, пока течетъ вода.

ЕЛЕНА·КРАСА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, за тридевять земель,
 Въ тридесятомъ государствѣ—Ой звучи, моя свирѣль!—
 Въ очень-очень старомъ царствѣ жилъ могучій сильный Царь,
 Было это въ оно время, было это вовсе встарь.
 У Царя, въ томъ старомъ царствѣ, былъ Стрѣлець-молодецъ,
 У Стрѣльца у молодого былъ проворный конь,
 Какъ пойдетъ, такъ міръ пройдетъ онъ изъ конца въ конецъ,
 Погонись за нимъ, уйдетъ онъ отъ любыхъ погонь.
 Разъ Стрѣлецъ поѣхалъ въ лѣсъ, чтобы потѣшить ретивое,
 Ёдетъ, видить онъ перо изъ Жаръ-Птицы золотое,
 На дорогѣ ярко рдѣеть, золотой горить огонь,
 Хочеть взять перо—вѣщаетъ богатырскій конь:
 „Не бери перо златое, а возьмешь—узнаешь горе“.
 Призадумался Стрѣлецъ,
 Размышляеть молодецъ,
 Взять—не взять, ужь больно ярко, будеть яхонтомъ въ уборѣ,
 Будеть камнемъ самоцвѣтнымъ. Не послушался коня.
 Взялъ перо. Царю приносить свѣтоносный знакъ Огня.
 „Ну, спасибо,“ Царь промолвилъ, „ты досталь перо Жаръ-Птицы,
 Такъ достань мнѣ и невѣstu по указу Птицы той,
 Отъ Жаръ-Птицы ты развѣдай имя царственной дѣвицы,
 Чтобъ была вступить достойна въ царскій теремъ золотой!
 Не достанешь—вотъ мой мечъ,
 Голова скатится съ плечъ“.

Закручинился Стрѣлецъ, пошагъ къ коню, темно во взорѣ.
 „Что, хозяинъ?“ — „Такъ и такъ“, моль. — „Видишь, правду я оказалъ:
 Не бери перо златое, а возьмешь — узнаешь горе.
 Ну, да что-жъ, пойдемъ къ ираю, гдѣ всегда сводъ Неба аль.
 Тамъ увидимъ мы Жарь-Птицу, путь туда тебѣ скажу.
 Такъ и быть ужъ, эту службу молодому сослужу“.

Вотъ они пріѣхали къ садамъ неземнымъ,
 Небо тамъ сливается съ Моремъ голубымъ,
 Небо тамъ алѣеть невѣнущимъ огнемъ,
 Полночь ослѣпительна, въ полночь тамъ какъ днемъ.
 Въ долину минутку, гдѣ вѣчный цвѣтъ цвѣтеть,
 Конь заржалъ у Древа, копытомъ звонкимъ бѣсть,
 Съ яблоками Древо алостью горитъ,
 Море запумѣло, Кто-то къ немъ летить.
 Кто-то опустился, жаръ еще сильнѣй,
 Вся игра зардѣлась всѣхъ живыхъ камней.
 У Стрѣльца закрылись очи отъ Огня,
 И раздался голосъ, музыкой звеня.
 Гдѣ пропѣла пѣсна? Въ сердцѣ иль въ саду?
 Ой свирѣль, не знаю! Дальше рѣчь веду.

Та пѣсня проѣла: „Есть путь для мечты.
 Скитанья мечты хороши.
 Кто хочетъ невѣсты для свѣтлой души,
 Тотъ въ мірѣ ищи Красоты“.
 Жарь-Птица пропѣла: „Есть путь для мечты.
 Гдѣ Солице восходитъ, — горитъ полоса,
 Тамъ Елена-Краса золотая коса.
 Та Царевна живеть тамъ, гдѣ Солице встаетъ,
 Тамъ гдѣ вѣчной Веснѣ сине Море поетъ“.

Тутъ окончился звукъ, прошумѣла гроза,
 И Стрѣлецъ могъ раскрыть съ облегченiemъ глаза: —
 Никого передъ нимъ, ни надъ нимъ,

Лишь бескрайность Воды, бирюза, бирюза,
И рубиновый пламень над сномъ голубымъ.

Въ путь, Стрѣлецъ. Кто Жарь-Птицу услышалъ хоть разъ,
Тотъ ужь темныи не будеть въ пути ни на часъ,
И найдеть, какъ находятся клады въ лѣсу,
Ту царевну Елену-Красу.

Воть поѣхалъ Стрѣлецъ, гладить граву коня,
Прѣѣзжаетъ онъ къ вѣчно-зеленымъ лугамъ,
Онъ глядить на рожденіе вѣчнаго дна,
И раскинулъ шатерь-златомаковку тамъ.

Онъ разставилъ тамъ яства и вина, и ждетъ.
Воть по синему Морю Царевна плыветъ,
На серебряной лодкѣ, въ пути голубомъ,
Золотыи она править весломъ.

Увидала она златоверхій шатерь,
Златомаковкой иѣжный плѣняется взоръ,
Подпрыла, и какъ Солнце стоитъ предъ Стрѣльцомъ,
Обольщается тотъ несказаннымъ лицомъ.
Стали ёсть, стали пить, стали пить, и она
Отъ заморскаго вдругъ опьянѣла вина,
Усмѣхнулась, заснула—и тотчасъ Стрѣлецъ
На коня, ёдетъ съ ней молодецъ.

Воть прїѣхалъ къ Царю. Конь легѣль какъ стрѣла,
А Елена-Краса все спала да спала.

И во весь-то ихъ путь, золотою косой
Озарялась Земля, какъ грозой.
Пробудилась Краса, далеко отъ луговъ,
Гдѣ всегда изумрудъ расцвѣтать былъ готовъ,
Измѣнилась въ лицѣ, ну ридать, тосковать,
Уговариваль Царь, невозможно унять.

Царь задумалъ вѣничаться съ Еленой-Красой,
Съ той Еленой-Красой золотою косой.
Но не хочетъ она, говорить среди слезъ,

Чтобы тотъ, кто ее такъ далеко завезъ,
 Къ синю Морю поѣхалъ, гдѣ Камень большой,
 Подвѣнчный нарядъ тамъ ея золотой.
 Подвѣнчный уборъ пусть достанетъ сперва,
 Послѣ, можетъ быть, будуть другія слова.
 Царь сейчасъ за Стрѣльцомъ, говорить: „Поѣзжай,
 Подвѣнчный нарядъ Красоты мнѣ давай,
 Отыщи этотъ край—а иначе, вотъ мечъ,
 Коротка моя рѣчъ, голова твоя съ плечъ“
 Ужъ не вовсе ль Стрѣльцу огорчаться пора?
 Вспомнилъ онъ: „Не бери золотого пера“.
 Снова выручилъ конь: передъ бездной морской
 Наступилъ на великаго рака ногой,
 Тотъ сказалъ: „Не губи“. Конь сказалъ: „Пошажу.
 Ты зато послужи“.—„Честью я послужу“.
 Диво-Ракъ закричалъ на просторъ весь морской,
 И такія же дива сползлися гурьбой,
 Въ глубинѣ голубой изъ-подъ Камня они
 Чудо-платье исторгли, блеснули огни.
 И Стрѣлецъ-молодецъ подвѣнчный уборъ
 Предъ Красой положилъ, но великий упоръ
 Тутъ явила она, и велить наконецъ,
 Чтобъ въ горячей водѣ искупался Стрѣлецъ.
 Закипаетъ котель. Вотъ бѣда такъ бѣда.
 Брызги бьютъ. Говорить, закипая, вода.
 Коль добра ты искалъ, вотъ настало добро.
 Ты бери—не бери золотое перо.
 Испугался Стрѣлецъ, прибѣгаешь къ коню,
 Добрый конь-чародѣй заклиниваетъ огню
 Не губить молодца, молодого Стрѣльца,
 Лишь его обновить красотою лица.
 Вотъ въ горячей водѣ искупался Стрѣлецъ,
 Вышелъ онъ невредимъ, вдвое сталъ молодецъ,
 Что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.
 Тутъ и Царь, чтобы старость свою развязать,

Прямо въ жаркій котель. Ты желай своего,
Не чужого. Погибъ. Вся тутъ рѣчъ про него.
А Елена-Краса золотая коса—
Ужъ такая нашла на нее полоса—
Захотѣла Стрѣльца, обвѣничалась съ Стрѣльцомъ,
Мы о ней и о немъ на свирѣли поемъ.

СЪВЕРНЫЕ.

Мы поемъ о Скандинавахъ. Точно, смыны Скандинавы.
 Много грабили, все къ Югу шли они оть бѣлыхъ льдовъ.
 И на Западѣ далекомъ свѣтъ нашли широкой славы,
 Предвосхитили Колумба за четыреста годовъ.

Межъ такихъ предѣловъ разныхъ, какъ глухое Заонежье
 И Атлантика съ Винландомъ, свѣтлый Кіевъ и Царьградъ,
 Чайки Норги пролетѣли лабиринты побережья,
 И о викингахъ донынѣ волны моря говорять.

Даже въ эту современность, Скальдъ сѣдой и величавый
 Опрокинула всѣ оплоты мелкомыслящихъ людей,
 Показалъ, припомнивъ древность, что не меркнутъ Скандинавы,
 Башня Сольнеса надменна, Майя—въ заревѣ страстей.

Гордыни воронамъ—хваленье. Скандинавамъ память наша
 Вознесеть охотно пѣсню, свѣтель Одинъ, мощенъ Торъ.
 Но да всиѣятся разгульно и еще другая чаша,
 Въ честь Славянъ, и въ честь Перуна, знавшихъ, знающихъ просторъ.

Разметать чужія риги, растоптать чужія гумны
 Люди Сѣвера умѣли, какъ и мы, пьянясь бѣдой.
 Но предъ ними ль будуть падать—Тайнovidецъ нашъ безумный,
 И кудесникъ Русской рѣчи, Пѣснопѣвецъ нашъ златой!

Прикоснувшись къ Преступлению, мы развили границы,
Перебросивъ дерзновенье до истоковъ Божества.
Мы въ степяхъ бѣжимъ какъ кони, мы въ степяхъ летимъ какъ
птицы,
Посагнувши, посагаемъ, знаемъ вѣція слова.

И любиться, цѣловаться кто умѣеть, какъ Ярило?
Въ благородствѣ и въ размахѣ превзошелъ ли кто Илью?
Честь и слава Скандинавамъ! Да шумить въ моряхъ вѣтрило!
Честь Славянамъ! Пью за Сѣверъ, пью за Родину мою!

ЖИВАЯ ВОДА.

Богатыри родные,
Въ васъ свѣтять небеса,
Въ васъ водные, степные,
Лѣсные голоса.

Вы дѣтство укачали,
Какъ зимняя мятель
Качаетъ въ сиѣжной дали
Загрезившую ель.

Вы въ отрочествѣ жили
Какъ отсвѣтъ вѣчныкъ силъ,
Какъ стебель давней были,
Который тьму пробилъ.

Вы юность обвѣнчали
Съ нарядною мечтой,
Съ глубинностью печали,
Съ улыбкой золотой.

Когда мечта хотѣла
Быть въ яркой зыби дней,
Вы поглядѣли смѣло,
Жарь-Птицу дали ей.

Когда въ затонъ мечтанья
 Вошла, какъ тѣнь, печаль,
 Вы сдѣлали страданье
 Прозрачныи, какъ хрусталь.

Мгновенъя потонули,
 Но, жезлъ подъявши свой,
 Вы молодость вернули,
 И смѣхъ, съ водой живой.

И гдѣ сошлисъ дороги,
 Вашъ образъ—какъ звѣзда.
 Богатыри, вы боги,
 Вамъ жить и жить всегда.

ТѢНИ БОГОВЪ СВѢТЛОГЛАЗЫХЪ.

ЗНАКЪ: ИЗУМРУДЪ.

Если сквозь глянцы из изумрудъ, смотреть у
ней глаза.
Разоль, врачъ Арабскій.

ЧЕТВЕРОКРАТНОСТЬ.

Зорко глядить Свѣтовить,
 Изъ Арконы взираеть онъ вдаль,
 Въ драгоцѣнныхъ камняхъ. Чаровническимъ свѣтомъ горить
 Изумрудъ, хризолитъ, и карбункулъ, и горный хрусталь.
 На четыре конца міровыхъ
 Зеленѣй, жизнь людей,
 Хризолитной мечтой во влюблениахъ искрись людскихъ,
 И рубиновыми, алыми, червлеными огнемъ, разгорайся, любись,
 Золотись,
 А печалиться становишь, такъ пусть и печаль,
 Въ глуби вольной твоей,
 Въ глубинѣ, загадавшихъ о многомъ, Славянскихъ очей,
 Будетъ свѣтлой, какъ горный хрусталь.

СЛАВЯНСКОЕ ДРЕВО.

Корнями гнѣздится глубоко,
 Вершиной восходить высоко,
 Зеленая вѣтви уводить въ лазурно-широкую даль.
 Корнями гнѣздится глубоко въ землѣ,
 Вершиной восходить къ высокой скалѣ,
 Зеленая вѣтви уводить широко въ безмѣрию синюю даль.
 Корнями гнѣздится глубоко въ землѣ, и въ бессмертномъ подзем-
 номъ огнѣ,
 Вершиной восходить высоко-высоко, теряясь свѣтло въ вышинѣ,
 Изумрудная вѣтви въ расцвѣтѣ уводить въ бирюзовую вольную
 даль.
 И знать веселье,
 И знать печаль.
 И оть Моря до Моря раскинувъ свои ожерелья,
 Колыбельно поеть надъ умомъ, и уводить мечтаніе въ даль.

Дѣвически вспыхнетъ красивой калиной,
 На кладбищѣ горькой зажжется рябиной,
 Взнесется упорно какъ дубъ вѣковой.
 Качаясь и радуясь свисту мятели,
 Растинается лапчатой зеленью ели,
 Сосной перемолвится съ желтой соловой.
 Осиною тонкой какъ духъ затрепещетъ,
 Березой засвѣтить, березой заблещетъ,

Серебряной ивой заплачеть листвой.
 Какъ тополь, какъ факель пахучій, возстанетъ,
 Какъ липа іюльская умъ затуманитъ,
 Шепнетъ звѣдоцвѣтно въ ночахъ какъ сиренъ.
 И яблоню цвѣть свой разсыплетъ по саду,
 И вишненемъ ластится къ дѣтскому взгляду,
 Черемухой нѣжитъ душистую тѣнь.
 Раскинетъ рѣзьбу изумруднаго клена,
 И долгою пѣсней зеленаго звона
 Чаруетъ дремотную лѣнь.

Въ вешней рощѣ, вдоль дорожки,
 Ходить легкій вѣтерокъ.
 На березѣ есть сережки,
 На бѣлянѣ сладкій сокъ.

На березѣ бѣлоствольной
 Быются липкие листки.
 Надъ рѣкой весенней, вольной
 Зыбко пляшутъ огоньки.

Надъ рѣкою, въ часть разлива,
 Духъ узычивый бѣжитъ.
 Ива, ива такъ красива,
 Тонкимъ кружевомъ дрожитъ.

Слышенъ голосъ ивы гибкой,
 Какъ русалочій напѣвъ,
 Какъ протяжность сказки зыбкой,
 Какъ улыбка водныхъ дѣвъ:—

Срѣжь одну изъ вѣтокъ стройныхъ,
 Освяти мечтой Апрѣль,
 И, какъ Лель, для беспокойныхъ,
 Занграй, запой въ саирѣль.

Не забудь, что возлѣ Древа
 Есть кусты и есть цветки,
 Въ зыбь свирѣльного налѣва
 Всѣ запутай огоньки,

Всѣ запутай, перепутай,
 Нашъ Славянскій цветъ восной,
 Будь пѣвучею минутой,
 Будь веснянкой голубой.

И все ростетъ зеленый звонъ,
 И сонъ въ душѣ поеть:—
 У насъ въ поляхъ есть нѣжный ленъ,
 И любъ-трава цвететъ.
 У насъ есть папороть-цвѣтокъ,
 И перелетъ-трава.
 Небесно-радостный намекъ,
 У насъ есть синій василекъ,
 Вся нива имъ жива.
 Есть подорожникъ, есть дрема,
 Есть ландышъ, первоцвѣть.
 И нѣть цвѣтовъ, гдѣ злость въ тьма,
 И мандрагоры нѣть.
 Нѣть тяжкихъ кактусовъ, агавъ,
 Цвѣтовъ, глядящихъ какъ удавъ,
 Кошмаровъ естества.
 Но есть ромашекъ нѣжный свѣтъ,
 И сладкихъ кашекъ есть расцвѣть,
 И есть плакунъ-трава.

А нашъ плѣнительникъ долинъ,
 Свѣтицій нѣжный нашъ жасминъ,
 Не это ль красота?
 А сну подобные цветы,
 Что безъимяны какъ мечты,
 И странны какъ мечта?

А нашихъ лилій водяныхъ,
 Какой восторгъ замѣнить имъ?
 Не нужно ничего.
 И самыхъ пышныхъ орхидей
 Я не возьму за сѣть стеблей
 Близъ древа моего.

Не все еще вымолвилъ голость свирѣли,
 Но лишь не забудемъ, что круглый намъ годъ,
 Отъ ивы къ березѣ, отъ вишни къ ели,
 Зеленое Древо цвѣтеть.

И туча протянется, съ молніей, съ громомъ,
 Какъ дьявольскій омутъ, какъ вѣдьмовскій слазъ,
 Но Древо есть теремъ, и этимъ хоромамъ
 Нѣтъ гибели, вѣченъ ихъ часть.

Свѣжительны бури, рожденье въ нихъ чуда,
 Кододецъ, криница, коверъ-самолетъ.
 И вѣчно намъ, вѣчно, какъ сонъ изумруда.
 Славянское Древо цвѣтеть.

СВАРОГЪ.

Небо, носящее имя Сварога,
 Небо, верховная степь голубая,
 Небо, родившее Солнце, Дажьбога,
 Какъ хорошо ты въ ночахъ, засыпая.

Искрятся звѣзды, судебъ нашихъ свѣчи,
 Камни горятъ, что всегда самоцвѣты,
 Съ душами ждутъ свѣтозарности встрѣчи,
 Съ душами могутъ ли быть безответны.

Небо, носящее имя Сварога,
 Бездна верховная, глубь голубая,
 Каждую ночь мы стоимъ у порога,
 Въ часъ какъ уходить Дажьбогъ, засыпая.

День въ голубая отходить пустыни,
 День нашъ со свитой несчетныхъ явлений,
 Свѣчи судебъ засвѣтились и нынѣ,
 Будемъ въ безгласности ждать откровеній.

Небо, носящее имя Сварога,
 Звѣзды раскинулись къ краю отъ краю,
 Сердце, какъ радостно чувствовать Бога,
 Сердце, ты мысль не обманешь, я знаю.

РУЕВИТЬ.

У Руевита семь мечей
 Всасть, въ запасъ, въ ножнахъ.
 У Руевита семь мечей,
 Восьмой въ его рукахъ.

У Руевита семь есть лицъ,
 Что зrimы надъ землей.
 А для боговъ, пѣвцовъ, и птацъ
 Еще есть лицъ восьмой.

У Руевита семь есть дней,
 Чтобъ праздновать распѣть.
 А день восьмой есть день огней,
 Есть день рѣзни и бѣдъ.

У Руевита семь ночей
 Для игрищъ и любви.
 У Руевита семь мечей,
 Чтобъ ихъ омыть въ крови.

ЯРИЛО.

Въ вѣнѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ,
 Цвѣты полевыхъ,
 Озѣянъ вѣшаньями прошлихъ вѣковъ,
 Въ одеждахъ волнистыхъ, красиво-живыхъ,
 На бѣломъ конѣ,
 Троюю своей,
 Я ъду, Ярило, среди Бѣлорусскихъ полей,
 И звѣздныя росы сілють на мнѣ,
 Погаснуть, и снова зажгутся свѣтлѣй,
 Подъ рокотъ громовъ,
 Въ вѣнѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ,
 Цвѣты полевыхъ.

По селамъ, за мной, хороводами, дѣвы,
 „Ярило“, поютъ, „озари на мъ напѣвы“,
 Яриль слагаютъ свой стихъ,
 Играютъ мнѣ пѣсни, на игрицахъ пляшутъ,
 Сердца расцвѣтаютъ въ мигъ пляски мірской,
 Тамъ гдѣ-то работаютъ, гдѣ-то тамъ пашутъ,
 А игрища—въ уровень съ бѣлой сохой.
 Горсть желтыхъ колосьевъ, колосья ржаные,
 Я лѣвой рукою держу,
 И маки горятъ, васильки голубые
 Роняю я въ рожь, расцвѣчаю межу.

По селамъ, въ ихъ избахъ, и тѣсныхъ, и узкихъ,
Въ поляхъ безпредѣльныхъ, по имени—Русскагъ,
Являюсь я взору, и грезѣ во снѣ,
Я между живыхъ—какъ дающій забвенье,
Для нихъ—я видѣніе
На бѣломъ конѣ,
Мигъ страсти, богъ счастья, богъ отдыковъ пльзныхъ,
И вновь пробужденій и играцъ живыхъ,
Въ вѣнкѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ, не надменныхъ,
Но вѣчно-желанныхъ цвѣтовъ полевыхъ.

БОГИНЯ-ГРОМОВНИЦА.

Дѣвица волшебная, богиня Громовница,
 Моя полюбовница
 Лежала въ гробу.
 И вѣтры весенниѣ плакали жалостно,
 И съ воплями, яростно,
 Играли на флейтахъ, и дули въ трубу.

Покойница юная—о, съ косами русыми,
 И съ рдяными бусами
 На шеѣ своей—
 Бѣлѣла застылая, словно дремотная
 Купава болотная,
 Что еле раскрылась среди камышей.

Дѣвица волшебная, богиня Громовница,
 Душа-полюбовница,
 Ты крѣпко ли спишь?
 Ужель ты вновь не исполнишься силою
 Предъ богомъ Ярилою,
 Не вспрянешь со смѣхомъ, разрушивши ташь?

Проснулась, проснулась ты! Я молниями рдяными
 Взмахнуль надъ туманами,
 О, слава мечу!
 Какая ты свѣтлая съ этими маками,
 Ты ичишься надъ мраками,
 Ворчать твои громы, рычать они. Чу!

РАДУГА.

Радуга—лукъ,
 Изъ котораго Индра пускаетъ свои громоносныя стрѣлы.
 Кто въ мірѣ едінъ развѣдаетъ звукъ,
 Тотъ услышитъ и все семизвучье, раздвинетъ душой звуковые
 и предѣлы,
 Онъ войдетъ въ восьмизвучье, и вступитъ въ цвѣтностъ, гдѣ
 есть фиолетовый полюсъ и бѣлый,
 Онъ услышитъ всезвучность напѣвовъ, рыданій, восторговъ,
 моленій, и муки.

Радуга—огненный лукъ,
 Это—оружье Перуна,
 Бога, который весь міръ оживляетъ стрѣлой,
 Гулко поющеї надъ майской, проснувшейся, жадной Землей,
 Лукъ огневого Перуна,
 Бога, въ которомъ желаніе жизни, желаніе юности вѣчно и юно.
 Радуга—мостъ, что въ выси изогнулся дугой,
 Мостъ, что въ разбѣгѣ, надъ бурею влажной и жаркой,
 Свѣжей при молніяхъ, выгнулся праздничной аркой,
 Словно павлинъ,
 Исполинъ,
 Въ радости яркой,
 Вдругъ распустилъ въ Небесахъ расцвѣченный свой хвостъ,
 Словно Жаръ-Птица надъ міромъ раскрыла кометный свой хвостъ,
 Въ радости яркой

Отъ саѣжей игры самоцвѣтныхъ дождей.
Радуга—мостъ,
Радуга—Змѣй,
Поясь цвѣтиой изъ играющихъ звѣздъ,
Царскій уборъ изъ небесныхъ лучей,
Божій престолъ,
Божій алтарь для возженія неузнанныхъ душъ,
Праздникъ весеннаго Агни надъ мирнотью пашень и сель,
Радуга—звукъ,
Претворившійся въ свѣтъ,
Радуга—Ветхій Завѣтъ,
Въ Новомъ несозданномъ Храмѣ живущій какъ знакъ избавленія
отъ временныхъ мукъ,
Слово, въ которомъ несчетность значеній, число, для котораго
имени нѣть,
Радуга—звукъ,
Воплотившійся въ пламенныи цвѣтъ.

СТРИБОГОВЫ ВНУКИ.

Вѣтры, Стрибоговы внуки,
 Проносясь по безмѣрнымъ степямъ,
 Разметали захватисто, пѣкія, межь травъ шелестящія,
 Кому-то грозящія,
 Блѣдныя руки,
 Стонуть, хоочутъ, свистать шелестять, шепчутъ соблазны
 Громамъ.

„Гдѣ же вы, громы?
 Судьбы намъ разны.
 Гдѣ вы тамъ громы? Вамъ незнакомы
 Вольныя шири степей.
 Слава вдеть, что вы будто гремите, —
 Гдѣ ужъ вамъ! Спите!
 Это лишь вѣтры, лишь мы шелестимъ, уѣгая по волѣ
 скорѣй и скорѣй.
 Степь пробѣжимъ мы, всю степь мы измѣримъ,
 Съ хохотомъ, топотомъ, вторгнемся въ лѣсъ,
 Сосны разметаны, травы всѣ спутаны. Что жъ, не хотите
 спуститься съ Небесъ?
 Гдѣ ужъ вамъ! Чтѣ ужъ вамъ! Мы только носимся,
 Въ Небо влетимъ, никого тамъ не спросимся,
 Рухнемъ на Море, поднимемъ волну,
 Свиснемъ, — въ другую страну.

Въ ночь колдовскую загадкой глядимъ,
 Сиѣгъ поднимаемъ, и носимся съ нимъ.
 Пляшемъ подъ крышей съ соломой сухой.
 Въ душу бросаемъ и хохотъ и вой.
 Нѣжною флейтою душу пьянимъ,
 Бѣшеной кошкою вдругъ завизжимъ.
 Вѣдмы смѣются, услышавши нась,
 Знаютъ, что вотъ онъ, отгадчивый часъ.
 Вмигъ мы приносимся, вмигъ мы уносимся,
 Входимъ гдѣ нужно, не молимъ, не просимся.
 Снова по прихоти мчимся своей,
 Эй вы, просторы степей,
 Вѣтры мы, вѣтры, Стрибоговы внуки,
 Дайте намъ пѣть и плясать веселый,
 Мы вѣдь не сѣрою тучей влекомы,
 Нѣтъ,
 Мы вѣдь не громы,
 Наши всѣ земли и нашъ небосводъ,
 Мраки и свѣтъ,
 Прямо летимъ мы—и вдругъ поворотъ,
 Мы вѣдь не громы.
 Небо? Да мы не считаемся съ нимъ,
 Если чего мы хотимъ, такъ хотимъ!“

Вдругъ въ Небесахъ разорвались хоромы,
 Башнями, храмами взнесшихся, тучъ,
 Это за громы обиженъ, гремучъ,
 Въ бѣгѣ блистательнъ,
 Въ гиѣвѣ пѣвучъ,
 Въ краскахъ цвѣтистъ, въ торжествѣ обаятелень,
 Молнией дымный чертогъ свой порвавъ
 Съ тьмой, съ тучевыми его водоемами,
 Молния бросивъ на землю изломами,
 Ярый Перунъ, не сдержавши свой вразъ,
 Выпустилъ гиѣвности: „Вотъ вамъ дорога,

Громы, задѣли вѣсъ внуки Стрибога,
 Воть же имъ факелы травъ!
 Малые, юные, дерзкіе, злые,
 Вѣтры степные,
 Есть и небесныиъ усада забавъ!
 Мы не впервые
 Рушимъ созданья небесныхъ зыбей.
 Любъ ли пожаръ вамъ, горѣчье степей?
 Любы ли вамъ громогудные звуки?
 Громы гремятъ!“

Но Стрибоговы внуки,
 Выманивъ тайну, вметнувъ ее въ быль,
 Рдяный качая горящій ковыль,
 Съ свистомъ, съ шипѣньемъ, змѣинымъ, хохочущимъ,
 Струйно - рокочущимъ,
 Дальше уносятся, дальше уносятся, слѣдомъ клубится
 лишь пыль.

СТИХЪ О ВЕЛИЧЕСТВѢ СОЛНЦА.

Величество Солнца великія поприща въ Небесахъ пробѣгаеть легко,
Но малымъ намъ кажется, ибо въ далекости отъ Земли отстоитъ
высоко.

Одежда у Солнца съ короною—царскія, много тысячъ есть Ангеловъ
съ нимъ,
По вся дни хождаху съ нимъ, егда же зайдеть оно, есть и отдыхъ
одеждамъ златымъ.

Тѣ Ангелы Божіи съ него совлекаютъ ихъ, на Господень кладутъ
ихъ престолъ,
И на ночь три Ангела у Солнца останутся, чтобъ въ чертогъ его—
врагъ не вошелъ.

И только что къ Западу сойдетъ оно, красное, это чашь есть для
огненныхъ птицъ,
Нарисованныхъ финикии и ксалазы горючіе, упадають, летучіе,
ницъ.

Предъ Солнцемъ летать они, и блестящія крылія въ обѣянствѣ
макаютъ водѣ,
И кроплять ими Солнце, да жаромъ пылающимъ не спалить подне-
бенность нигдѣ.

И егда отъ огня обгораетъ ихъ перо, въ окъанъ упадаютъ они,
Въ окъанъ купаются, и въ водѣ обновляются, снова свѣтлы на
новые дни.

И едва въ полуночь отъ престола Господняго движнеть Ангель
покровъ и вѣнецъ,
Пѣтель тутъ пробуждается, гласть его возглашается, изъ конца
поднебесной въ конецъ.

И до свѣта свершается эта пѣснь предразсвѣтная, отъ жилищъ
до безлюдныхъ пустынь.
Богъ-Творецъ величается, радость въ мірѣ возвѣщается, радость
темнымъ и свѣтлымъ. Аминь.

СВАДЬБА МѢСЯЦА.

Какъ женился Свѣтлый Мѣсяцъ на Вечерней на Звѣздѣ,
Свѣтель праздникъ былъ на Небѣ, свѣтель праздникъ на Водѣ.

Страны облачны простерли серебристое руно,
Океанъ восколебался, перстень съ Неба падъ на дно.

До Земли лучи танулись, и качалася трава,
Въ горныхъ высяхъ собирались всѣ святыхъ божества.

Молнія дары дѣлила: тучи взяль себѣ Перунъ;
Лель-Любовь съ Красою-Ладой взяли звоны свѣтлыхъ струнъ.

Богъ Стрибогъ себѣ взяль вѣтры, имъ приказывалъ играть,
И подъ рокотъ Океана разыгралась эта рать.

Свѣтовить, хоть и дневной онъ, посаженнымъ былъ отдомъ,
Новобрачныхъ онъ украсилъ золотымъ своимъ кольцомъ.

Синеокая Услада получила тихій часъ,
Свѣтлый часъ самозабвенья, съ нѣгой влажныхъ синихъ глазъ.

Океанскаы безкрайность ткала зыбь въ морскихъ звѣздахъ,
Чудо Моря, Диво-Рыба колыхалась на волнахъ.

И Русалки разметались въ бѣлыхъ пляскахъ по водѣ,
И въ лѣсахъ шептались травы, лунный праздникъ былъ вездѣ.

Въ тотъ всемірный звѣздный праздникъ возвѣщала высота,
Что съ Вечернею Звѣздою будетъ вѣкъ дружить мечта.

Тотъ всемірный луно-звѣздный свѣтлый праздникъ возвѣщалъ,
Что на вѣки въ новолуные будетъ въ Морѣ пьянымъ валъ.

ПЕРУНЪ.

У Перуна ростъ могучій,
 Ликъ пріятный, усъ златой,
 Онъ владѣетъ влажной тучей,
 Словно дѣвой молодой.

У Перуна мысли быстры,
 Что замочеть — такъ сейчасъ,
 Сыплеть искры, мечеть искры
 Изъ зрачковъ сверкнувшихъ глазъ.

У Перуна знайны страсти,
 Но, достигнувъ своего,
 Что любилъ онъ — рвать на части,
 Тучу сжегъ — и нѣть его.

ПРОБУЖДЕНИЕ ПЕРУНА.

При началѣ весны пробужденный Перунъ
 Вылетаетъ на пламени синемъ,
 И подъ громы своихъ вулканическихъ струнъ
 Онъ несется по вышинямъ пустынамъ.

Онъ безумно летить въ ураганѣ огней,
 И хохочетъ, ликуя безъ мѣры,
 Вылетая изъ склѣпа оконченныхъ дней
 Семимѣсячной зимней пещеры.

Передъ нимъ Океанъ, и, его бороздя,
 И громами овѣявъ стремленье,
 Ослѣпительный богъ, въ ожерельяхъ дождя,
 Самоцвѣтные сѣть каменя.

Разрываются стѣны сомкнувшихся горъ,
 Что зовутся межъ смертными тучи,
 И уносится онъ, возлюбившій просторъ,
 Огневзорный, веселый, пѣвучій.

Вотъ ужъ онъ обогнулъ весь размахъ высоты,
 И пропалъ, утонулъ, какъ мечтанье,—
 Только тамъ, гдѣ онъ былъ, засвѣтились цвѣты,
 Да разбитое молией аданье.

ГУСЛИ-САМОГУДЫ.

Тамъ, гдѣ горъ сложились груды,
Въ крѣпость-домъ Громовника,
Диво-гусли-самогуды
Въ замкѣ спрятаны вѣка.

Много сильныхъ восходило
До скалистой высоты,
Но всегда слабѣла сила
Ровно-ровно у черты.

Много избранныхъ хотѣло
Самогуды-гусли взять,
Ровно-ровно у предѣла
Стыла ихъ живая рать.

Превращаясь въ изваянья,
Ихъ застывшія тѣла
Увеличивали зданье,
Домъ, гдѣ музыка была.

Такъ узорно каменѣли
Ровно-ровно у черты.
И ростуть изъ камня ели,
Въ царствѣ гордой высоты.

Рѣзкимъ возгласомъ промчится
Въ свистѣ бури крикъ орла,
Стонуть гусли, пѣсня длится,
Сказка музыки свѣтла.

Много тѣль сложилось въ груды,
Грозенъ домъ Громовника,
Входятъ души въ самогуды,
Пѣсня воздуха звонка.

ТРИГЛАВЪ.

Триглавъ, царящій троекратно,
Надъ Небомъ, Бездной, и Землей,
Зачѣмъ глядишь ты такъ возвратно
Тройной козацкой головой?

Ужели въ Небѣ тѣ же мысли,
Что въ Безднѣ безднѣ, и на Землѣ?
Бездѣль желанія повисли,
Какъ гроздья звѣздъ въ полночной мглѣ?

И свѣтлоглазый взглядъ хотѣны
Ужели всюду повторенъ?
И то же-ль въ тѣни горѣнья,
Что трижды въ вѣчностяхъ законъ?

Бездѣ ли тѣ же есть узоры,
И тѣ-же для всплесковъ берега?
И тѣ же пламенные взоры,
И тѣ же острые рога?

И тотъ же, трижды взятый съ бою,
Чтобъ снова жалить насъ, удавъ?
Надъ троекратною судьбою
Неукоснительный Триглавъ!

БЪЛБОГЪ И ЧЕРНОБОГЪ.

1.

Бълбогъ и Чернобогъ
Бесѣду-споръ вели.
И громъ возникъ, и вздохъ,
Вблизи, и тамъ вдали.

Въ пучинѣ звуковой,
И въ царствѣ тишины,
Въ пустынѣ міровой,
Звучали двѣ струны.

Мъняясь безъ конца,
Вблизи, какъ и вдали,
Сиотворца и Творца
Два дѣйства дружно шли.

Сиотворецъ возвѣщалъ,
Что сонъ—богатство душъ,
Но день рождался аль,
Творецъ вился, какъ ужъ.

Творецъ вился, какъ змѣй,
Рождался изумрудъ,
Отъ солнечныхъ лучей
Вездѣ цвѣты цвѣтуть.

Все видно, все светло,
Рукой все можно взять.
Меняется стекло,
Дрожит морская гладь.

Рубины на поляхъ
Горятъ какъ свѣжій маѣтъ,
Но въ страстныхъ лепесткахъ
Есть кровь и боль и мракъ.

Но въ огненныхъ цвѣткахъ
Танцится тяжкій сонъ.
И въ странныхъ облакахъ
Вечерній небосклонъ.

Темиѣть глубь морей,
Темный вверху сафиръ,
Въ лѣсахъ, среди вѣтвей,
Иной мерцаєтъ міръ.

Какъ хаосъ—міръ лѣсной,
Ужь поздно для лучей,
Ужь Воронъ тьмы ночной
Прокаркаль часть ночей.

И желтая Луна
Безъ блеска въ небесахъ,
И бродить тѣни сна,
И бродить Сонъ и Страхъ.

И тонкая струна
Дрожитъ, нѣжнѣй, чѣмъ вздохъ.
Но чья, по чья она,
Бѣлбогъ и Чернобогъ?

2.

Бѣлбогъ съ Чернобогомъ былъ въ спорѣ,
 Кто въ чаражѣ красивѣй сильнѣй.
 Раскинулось темное Море,
 Помчались потоки лучей.

И Солнце, во имя Бѣлбога,
 Пронзило огнемъ глубину,
 И въ высяхъ ночного чертога
 Зажгло золотую Луну.

Но хитростью Бога Ночного
 Несчетности яркихъ лучей
 Зажглись—какъ безмолвное слово
 Во влажностяхъ темныхъ очей.

И ежель Небо красиво,
 Ночной оно чарой зажглось,
 Какъ блескъ синевого отлива,
 На пышности черныхъ волосъ.

Такъ спорили долго и много
 Два Бога, и міръ былъ смущенъ,
 И День полюбилъ Чернобога,
 И Сумракъ въ Бѣлбога влюбленъ.

ЦАРЬ ОГНЕННЫЙ ЩИТЬ.

Царь Огненный Щитъ, на конѣ восьминогомъ,
Надъ міромъ поставленный богомъ Бѣлбогомъ,
Съ Востока на Западъ проходитъ свой путь.
И конь его—бѣлый, и конь его—смѣлый,
Едва только, въ знойностяхъ, міръ онѣмѣлый
Коня запримѣтить—и можетъ вздохнуть.

Царь Огненный Щитъ выпиваетъ всѣ росы,
И сушитъ дорога, и жжетъ онъ откосы,
И влага восходитъ къ нему изъ морей.
Но конь его, съ каждою каплею влаги,
Все больше въ себѣ ощущаетъ отваги,
Ростеть восьминогой громадой своей.

Ростеть, подвигаясь по Небу съ Востока,
Мгновенными вспыхнетъ огромное око,
И огненный бросить надъ міромъ изломъ.
Ростеть, надвигаясь, и странно темнѣеть,
Мѣняется въ цвѣтѣ, густѣеть, чернѣеть,
И чу, подъ копытами рушился громъ.

Царь Огненный Щитъ, вознесясь до зенита,
Замедлилъ, подумалъ, и глянулъ сердито,
Онъ поднялъ коня на дыбы, и глядѣть.
Вотъ дернула за поводь, и гранули громы,
Для жаждущихъ—внизъ сорвались водоемы,
И вдвое свѣтлѣе Царь Огненный Щитъ.

ОБЛАЧНЫЯ ДѢВЫ.

Въ тучахъ есть лѣса, есть пашни и посѣвы,
Стройные, ростуть, восходятъ терема,
У лятарныхъ оконъ Облачныя Дѣвы
Ткуть, прядутъ, въ ихъ тканяхъ—свѣтъ, въ ихъ пряжѣ — тьма.

Безъ конца прядутъ и ткуть поперемѣнио,
Любо Дѣвамъ выткать самоцвѣтный лугъ,
Море изъ опала, ширь, гдѣ влажность панна,
Сѣть сребристой грэзы, золотистый кругъ.

Изъ воздушной влаги облачныя горы,
Стебли изъ дождя, что анизъ, не вверхъ ростуть.
Облачныя Дѣвы ткуть всегда узоры,
Имъ въ отвѣтъ Земля рождаетъ изумрудъ.*

ВЕЛЕСЬ.

Волосъ, Велесь, богъ пышныхъ стадъ,
Богъ изумрудностей въ Апрѣлѣ,
Прими — не грозовой раскатъ,
Текучесть льющихся руладъ
Моей пастушеской свирѣли.

Богъ мирныхъ дней, Велесь, Волосъ,
Ужь въ нашихъ долахъ отшумѣли
Играяя первыхъ громкихъ грозъ,
И стебли свѣтлые овесь
Поить росой подъ звукъ свирѣли.

Богъ иѣжныхъ травъ, Волосъ, Велесь,
Ты кроткій другъ забавъ при дѣлѣ,
Ты пращуръ мой, ты духъ чудесь.
Ты дѣдъ Баяна. Чу, какъ лѣсь
Поеть подъ звукъ моей свирѣли.

Богъ сочныхъ травъ, Велесь, Волосъ,
Твои луга не оскудѣли,
Звенить и свѣтить сѣнокость,
Чу, сколько пѣсенъ понеслось
Въ отвѣтъ на зовъ моей свирѣли.

Богъ тучныхъ нивъ, Волосъ, Велесь,
 Въ честь бога—жатвы подоспѣли,
 И межъ снопами, въ честь Небесь,
 Кустъ ржи завитый не исчезъ,
 Закрутъ воскресъ, подъ звукъ свирѣли.

Чу, колокольчики звенять,
 Нѣжнѣй, чѣмъ гомонъ птицъ въ Апрѣлѣ,
 Стада идуть съ возами въ рядъ,
 Волосъ, Велесь, богъ пышныхъ стадъ,
 Годъ спѣть. Домой, подъ зовъ свирѣли.

КОЛОСЬ ВЕЛЕСА.

Закрученный колось, въ честь бога Велеса,
 Висить украшеньемъ въ избѣ, надъ окномъ.
 На небѣ осенинемъ густѣеть завѣса,
 И Ночь въ двоечасы длинѣеть предъ Днемъ.

Въ томъ суточномъ нощно-дennомъ двоевластыи
 На убыль пошли чарованія Дня.
 И въ Небѣ Велесь, въ этомъ зримомъ ненастыи,
 Стада облаковъ умножаетъ, гоня.

Но колось закрученъ. Круженіе года
 Уводить Велеса. Онъ въ Небо ушелъ.
 Онь скрутить тамъ тучи. Яснѣеть погода.
 Вотъ, предки дохнули надъ мирнотью сель.

Ужъ ледъ на рѣкахъ не вползъ достовѣренъ,
 Снѣга покрываются настомъ въ ночныхъ.
 Ходъ Ночи и Дня въ полнотѣ равномѣренъ,
 Вновь сдвинуть, — у Дня больше свѣта въ очахъ.

Тотъ свѣть отразится въ подснѣжникѣ скоро,
 Закрученный колось раскрутится вновь.
 Богъ новаго хочетъ земного убора,
 На выгонъ, къ Велесу, земная любовь!

ПРАЗДНИКЪ ЗЕЛЕНОЙ НЕДѢЛИ.

Лѣтницы, праздникъ Зеленої Недѣли.
 Идите, идите, стада,
 Въ просторъ изумруда, подъ звуки свирѣли,
 Такими веселыми будьте всегда.
 Мы хлѣбомъ и медомъ стада угощаемъ,
 Вѣничаемъ нарядными лентами ихъ,
 Цвѣтами, что греазить Алрѣлемъ и Маемъ,
 Зелеными вѣтками ихъ украшаемъ,
 Велесу свирѣльный слагаемъ мы стихъ.
 Ливни веселые въ Небѣ созрѣли,
 Стебли дождя отъ Небесъ до Земли.
 Тучамъ — раскатности, намъ же — свирѣли,
 Нѣжное — близко, и грозность — вдали.
 Травы, цвѣтите, поють вамъ свирѣли,
 Медомъ вамъ будетъ живая вода.
 На выгонъ, на праздникъ Зеленої Недѣли,
 Идите, идите, стада.

ПРАЗДНИКЪ ЛАДЫ.

Какъ различны мельканья красы
 Въ вѣковомъ, намъ шумящемъ, бурунѣ!
 У Литовцевъ былъ Праздникъ Росы,
 Въ изумрудномъ Іюнѣ.

У Поляковъ, у свѣтлыхъ Славянъ,
 Такъ понявшихъ красивость измѣны,
 Крикъ кукушки мечтой былъ сляни
 Съ чарой венчей Живены.

Праздникъ Лады есть праздникъ любви,
 А въ Апрѣль веселки поются,
 Все, что хочешь, мечтой назови,
 Отголоски найдутся.

Праздникъ первыхъ въ лѣсу лепестковъ,
 Праздникъ мартовскій смерти Мораны,
 Праздникъ выпавшихъ за ночь снѣговъ,
 Разны мысли и страны.

Есть въ праздникъ танцующихъ ногъ,
 Есть въ праздникъ влюбленнаго взгляда.
 Какъ мелькаетъ онъ, твой башмачокъ,
 Какъ смеется намъ Лада!

ПРАЗДНИКЪ ВЕСНЫ.

Зима отъѣхала отъ насъ,
 Телѣга скрылась вдалекѣ.
 Весна подходитъ. Въ добрый часъ.
 Весна всегда ласкаетъ насъ.
 И Лѣто ъдетъ въ членокѣ.
 Прощайте, снѣжности Зимы,
 Бурлить и пѣнится разливъ.
 Изъ тѣста жаворонковъ мы
 Печемъ, имъ клювъ позолотивъ,
 И крылья золотомъ покривъ.
 Чтобы клювъ по-солнечному быль,
 И къ намъ Весну поторопилъ,
 Сусальными золотомъ крыло
 Скорѣй Весну сюда влекло.
 Еще мы круглый хлѣбъ печемъ,
 Съ хлѣбъ-солью выйдемъ предъ Тепломъ.
 И стелемъ новый холстъ въ полихъ,
 Кладемъ пирогъ на тѣхъ холстахъ.
 И обратившись на Востокъ,
 Поемъ обрядовый намекъ:—
 „Весна красна, Весна красна,
 Приди къ намъ поскорѣй!
 Гори, Любовь, приди, Весна,
 Къ намъ съ милостью своей!”

Будь Ладой къ снамъ, усладой намъ,
Побольше дай цвѣтовъ!“
Весна идетъ, и намъ поетъ:
„Ужь лугъ цвѣсти готовъ!“
„— Весна красна, Весна красна,
Березка намъ нужна!“
Весна идетъ, и намъ поетъ:
„— Ужь липкій сокъ течеть!“
„— Весна красна, Весна красна,
Красивы глазки льна!“
„— Я дамъ вамъ ленъ и коноплю,“
Весна поетъ: „Люблю!“

МОРСКОЕ ЧУДО.

Отправился Витязь къ безвѣстностямъ странъ,
По синему Морю, чрезъ влажный туманъ.
Плыть, развернулась предъ нимъ бирюза,
Морская Пучина — кругомъ вся Глаза.

То Чудо струило дрожанье лучей,
И все состояло изъ усть и очей.
Глубинная бездна окружно зажглась,
Глядѣла несчетностью пляшущихъ глазъ.

Глядѣла на Витязя зыбко - свѣтло,
Въ рукѣ у него задрожало весло.
Шептала устами, какъ Вѣчность, ему.
„Ужь ъѣхать ли?“ Витязь подумалъ. „Къ чему?“

У Чуда Морского, куда ни взгляни,
Все очи, все очи, во взорахъ огни.
У Чуда Морского, въ дрожаніи струй,
Все губы, все губы, вездѣ поцѣлуй.

И Витязю стало такъ странно-свѣтло,
И влага, скользнувші, умчала весло.
И дрогнули очи, и влажности губъ
Такъ долго ласкали безжизненный трупъ.

МОРСКАЯ ПАНИ.

Царевичъ Горошекъ, съ глазами лукавыми,
 Подшоисанный тонкими свѣтлыми травами,
 Маль, но силенъ, не спустить врагу.
 Если хочетъ гремѣть, такъ ужь вѣрно прославится,
 А когда онъ задумаетъ чѣмъ позабавиться,
 Самъ себѣ говорить: Все могу.
 Звѣздокудрый — Горошекъ, и знать онъ чары,
 Воть однажды принесъ онъ цвѣтные товары,
 Разложилъ на морскомъ берегу.
 Много всякаго: книжка Цвѣтная Стравички,
 Изъ жемчужины рыбки, изъ золота птички,
 И зеленые въ томъ же числѣ черевички,
 Все горитъ и играетъ огнемъ,
 Засвѣтилось въ морскомъ пѣннотканомъ тумажѣ,
 Башмачками Морская прельстилася Пани,
 Изловилъ ее, спряталъ въ свой домъ.

Онъ въ угоду красавицы бездны глубинной
 Создалъ между утесовъ дворецъ паутинный,
 И досталъ ей изъ Моря, со дна,
 Все, чѣмъ бездна морская сильна:—
 Жемчуга, драгоценные камни, кораллы,
 И гиляндѣ морскихъ расцвѣтающихъ звѣздъ,
 И въ блистающей пологѣ онъ сплѣлъ ей кристаллы,

И оть Моря къ дворцу свѣтлый вытащъ ей мостъ.
 И пригналь, чтобъ скакать, жеребца ей морского,
 И двѣнадцать пригналь ей морскихъ кобылицъ.
 Но не молвила Пани Морская ни слова,
 Въ черевички обулась, потушилась иницъ.
 И блѣдишьеть, и чахнетъ въ томленьи безсонномъ,
 И какъ Пани Морская — такъ Солнце вдали,
 Раньше было оно на лазури червоннымъ,
 Поблѣдило, грустить, всѣ цвѣты отцвѣли.
 И Царевичъ пошелъ въ тридесятное царство,
 Онь тревожный смѣло предаринялъ мытарства,
 Чтобы только узнать, отчего
 Было раньше все живо, а стало мертвое.

Вотъ Царевичъ Горошечъ идетъ, и тоскуетъ,
 Въ тридесятомъ онъ царствѣ, гдѣ Солнце очутилось,
 Прямо къ дому, — тамъ солнцева Мать,
 Посмотрѣла сперва на Горошка сердито,
 „Спрячься“, шепчетъ, „вотъ здѣсь, въ золотое корыто,
 Солнце будетъ, такъ я постараюсь узнать.“
 Вотъ и Солнце пришло по путямъ небосклоннымъ.
 „Чтѣ ты, дитятко? Прежде ты было червоннымъ,
 А теперь все блѣдишьешь, блѣднѣй, чѣмъ Луна,
 Когда въ четверти первой она.“
 И отвѣтило Солнце: „Когда-то въ туманѣ
 Я встрѣчало Мorskую красивую Пани,
 Посмотрю — покраснѣю сейчасъ,
 Потому что красива блѣднянка Морская,
 И красива одежда на ней голубая,
 И красивъ изумрудъ ея глазъ.
 Ужъ не вижу я Пани“. Тутъ Солнце вздохнуло,
 Закатилось, и въ спальнѣ предкрайной заснуло.
 А Царевичъ Горошечъ домой,
 И разсыпался громомъ, и выпустилъ Пани, —
 И подъ утро, червонное, въ аломъ туманѣ,
 Солнце встало надъ бездной мorskой!

МАРИЯ МОРЕВНА.

Марія Моревна, Марія Моревна,
 Прекрасная ты королевна!
 Дочь Моря ли ты? Ты богиня ли Лада?
 Марія Моревна, услада!

Глаза твои светлы, глаза твои чудны,
 Одежды твои изумрудны.
 Зовутъ Ненаглядной тебя Красотою,
 Съ косою твоей золотою.

Бесмертный Кошеч на тебя покусился,
 Похитилъ, съ царевною скрылся.
 Но Вѣтеръ и Градъ съ дождебрызжущимъ громомъ
 Упали надъ дьявольскимъ домомъ.

Марія Моревнѣ Кошеч ли желаненъ?
 Онъ змѣйно-уродливо-страненъ.
 И Воронъ, и Соколь, съ Орломъ, всѣ на Змѣя,
 Царевну спасли отъ Кошечя.

Чу, Буря хохочеть, чу, Громъ какъ грохочеть,
 Весь міръ безъ тебя быть не хочетъ.

Ужь очень мы были бы темно-плачевны
Безъ нашей Маріи Моревны.

Марія Моревна, Марія Моревна,
Прекрасная ты королевна!
Ты міръ золотиша свѣтоносностью взгляда,
Марія Моревна, услада!

БОГЪ ПОГОДА.

Богъ Погода, юный, малый,
 Въ васильковомъ онъ вѣнкъ,
 У него румянецъ алый,
 Перстень синій на рукѣ.

Перстень синій, съ бирюзою,
 Крылья тонки мотылька,
 Нѣженъ цвѣтъ, передъ грозою,
 Васильковаго вѣнка.

Голубой и серебристый
 Развѣвается покровъ,
 Весь онъ легкій, весь сквозистый,
 Богъ цвѣтовъ и мотыльковъ.

Богъ пріятнаго покоя,
 Шелестѣнья свѣтлыхъ травъ,
 Сладкихъ отдыховъ отъ зноя,
 Прохладительныхъ забавъ.

Есть иные, что серьезны,
 Хмурятъ очи, жгутъ огнемъ,
 Боги люты, боги грозны,
 Тѣ, что любятъ кровь и громъ.

Богъ Погода жертвъ не хочетъ,
 Въ храмахъ душно, ичится въ лѣсъ,
 Вонъ, съ касаткой онъ хоочеть,
 Съ быстрой ласточкой исчезъ.

Богу юному, Погодѣ,
 Все и дѣло что летать,
 Промелькнуть на небосводѣ,
 И земнымъ съ земными стать.

БЕРЕГИНИЯ.

Есть красивыя стариныя слова,
Ихъ душа черезъ столѣтія жива.
У Славянъ въ почтеныи были берегини,
Это водныя прибрежныя богини.

Цвѣть морей и цвѣть затоновъ иѣжно-синь,
Взоръ глубокъ у синеглазыхъ берегинь.
Голосъ ихъ — какъ зовъ-напѣвъ водныя прибрежной,
Завлекательный, ласкательный, и иѣжный.

Лебедь Бѣлая, вѣдуныя старыхъ дней,
Берегинею была среди людей.
Витязь быль, Потокъ Могучій, ею скованъ,
Бѣлой Лебедью прибрежной зачарованъ.

Онъ въ гробницѣ очутился — и съ конемъ,
Змѣй пришелъ, палилъ и жегъ его огнемъ.
Змѣй не сжегъ его, онъ жилъ бы и донынѣ,
Да не такъ хотѣлось Бѣлой Берегинѣ.

Лебедь Бѣлая любила быть одна
И глядѣть, какъ голубѣеть глубина.
Любъ ей быль и день и два Потокъ Красивый,
„Будетъ“, молвила съ улыбкой горделивой.

И взмахнувъ крыламъ бѣлыми надъ нимъ,
 Обернула камнемъ витязя иѣмымъ.
 Спить Потокъ, застыль видѣньемъ бѣлоснѣжнымъ,
 Надъ затономъ, надъ мерцаньемъ водъ прибрежнымъ.

Въ невеликомъ отдаленъ отъ него
 Лебедь Бѣлая, и все кругомъ мертвъ.
 Но не мертвенно-мертвъ, а въ смерти живо:—
 Вѣще спить она, и въ снѣ маѣкъ-красива.

БОГЪ ПОСВИСТЬ.

Посвистъ, Посвистъ, съ кѣмъ несешься,
 Споришь, сердишься, шумишь?
 Надъ осокою трясешься,
 Надъ изсохшей, чахлой вьешься,
 Шорохъ льешь въ лѣсную тиши.

Сукъ задѣпиши, сукъ застонеть,
 Можжевельникъ шелестить.
Хлыстъ изеримый листья гонить.
 Сумракъ сосенъ свистъ хоронить.
 Свистъ безсмертень. Чу, свистить.

Въ осень, въ заму, съ снѣгомъ сивымъ,
 Съ снѣгомъ чистымъ вступить въ споръ.
 Лѣтомъ, змѣй, грозится нивамъ:
 Колось, колось, будь спѣсивымъ,—
 Серпъ придетъ, и смять узоръ.

Расшаталася застрѣха,
 Шепчетъ вѣтеръ, бѣть, свистить.
 Тамъ, въ оврагѣ, стонеть эхо,
 Ближе, дальше, звуки смѣха,
 Посвистъ, Посвистъ шелестить.

ВОДЯНОЙ.

Если ночью надъ рѣкою
 Ты проходишь подъ Луной,
 Если, темный, надъ рѣкою
 Ты захваченъ мглой ночной,
 Не совсѣтуйся съ тоскою,
 Силенъ страшный Водяной.

Онъ душистыя растенья
 Возростилъ на берегахъ,
 Онъ вложилъ въ свои растенья
 Власть внушать предъ жизнью страхъ,
 Цѣпко сѣять опьяненіе
 Въ затуманенныхъ мечтахъ.

Самъ сидитъ весь голый въ тинѣ,
 Въ шапкѣ, свитой изъ стеблей,
 Въ скользкомъ илѣ, въ вязкой тинѣ,
 Манить странностью своей,
 Но замкни свой слухъ кручинѣ,
 Тайный онъ совсѣтчикъ ей.

Съ изумленіемъ ты замѣтишь,
 Что скользятъ твои шаги,
 Если это ты замѣтишь,

Самъ себѣ ты помоги,
Въ топяхъ помоши не встрѣтишь,
Здѣсь цвѣты и тѣ враги.

Прочь скорѣй отъ Водяного,
Онъ удавить здѣсь въ таши,
Не смотри на Водяного,
И цвѣтами не дыши,
Если съ нимъ промолвишь слово,
Быстро вступишь въ камыши.

И захваченный рѣкою,
И испорченъ мглой ночной,
Той болотистой рѣкою,
Подъ ущербною Луной,
Ты поймешь съ иной тоскою,
Какъ захватисть Водяной.

БОЛОТНИКЪ.

Страхъ дѣтей и старыхъ инекъ,
Вѣдьмамъ кажущій языкъ,
Духъ смѣшливый, болотняникъ,
А иначе водовикъ.

Если онъ кого встрѣчаетъ,
Онъ какъ кочка предстаетъ,
Схватить за ногу, качаетъ,
Чуть замедлишь, конченъ счетъ.

Онъ лягушку не утопить,
Любить кваканье трясинъ,
Но подъ землю поторопить
Тѣхъ, чье имя — Божій сынъ.

Такъ тихонько, такъ безъ злобы
Заберегъ и засосетъ:—
Всѣ — изъ матерней утробы,
Каждый въ Землю-мать пойдетъ.

Что же медлить? Поскорѣе:—
Меньше путь — короче грѣхъ.
Встала кочка, зеленѣя,
Чу, подъ кочкой сжатый смѣхъ.

Чу, подъ кочкой чьи-то стоны,
Стерся въ топи чей-то ликъ.
Болотникъ, весь зеленый,
Угѣшаетъ: Есть двойникъ!

ДОМОВОИ.

Неуловимыиъ видѣньемъ, неотриаемыиъ взоромъ,
 Онь танця на плоскости стѣнъ,
 Ночью въ хозяйствихъ строеніяхъ бродить дозоромъ,
 Тайностю вѣеть, и волю свѣааетъ,
 Умы забираетъ
 Въ домовитый свой пленъ,
 Сердцу внушаеть, что дома уютно,
 Что вотъ эти часы такъ пріятно стучать,
 Что виѣ дома быть дурно, и прямо безшутно,
 Что отраденъ очагъ, хоть и связанъ съ нимъ чадъ.
 Расцвѣааетъ на старыхъ обояхъ узоры,
 Еле слышно на нихъ пошептавъ.
 За окномъ—тамъ болота, тамъ темныя горы,
 Не ходи. И колдуютъ безстрастные взоры,
 Такъ прозрачно глядять, какъ на птицу удавъ.
 Задержалъ уходящаго. Томно такъ стало.
 Чѣо отсюда идти? Всюду то же, одно.
 Да и съ вѣшалки шапка куда-то упала.
 И въ сѣнахъ такъ темно. И враждебностью смотрить окно.
 Посиди на печи. Полежи. Или въ сердцѣ все порохъ?
 Спи. Усни. Дышеть жарко. Мерцаеть. И хочется спать.
 Въ мірѣ брошены мы. Кто-то спать.
 Что-то есть. Чу, шуршитъ.
 Наползающій шорохъ.

И невидимый кто-то къ кому-то, кто зримъ, подобрался,
налегъ на кровать.

Между стѣнъ развивается дымное зрѣлище духа.
Что-то давить,— какъ будто мертвецъ, на минуту живой,
Ухватился за горло живого, и шепчетъ такъ глухо
О тяготахъ земныхъ. Отойди, отойди, Домовой!

СОЛНЦЕ, ВѢТЕРЪ, И МОРОЗЪ.

Вотъ и мнѣ узнать пришлось
Солнце, Вѣтеръ, и Морозъ.

Шелъ дорогой я одинъ,
Вижу: Солнце, Божій сынъ.

Вижу: Вѣтеръ, Божій братъ,
И Морозъ, идущій въ Адъ.

На дорогѣ на одной
Трое все передо мной.

Въ польсъ кланяюсь я имъ,
Тремъ могучимъ міровымъ.

Всѣмъ имъ поровну поклонъ,
Вѣтру вдвое, любъ мнѣ онъ.

Солнце въ гиѣвѣ на меня:—
„Ну, узнаешь власть огня.

„Не захочешь и врагу.
„Я сожгу тебя, я жгу.“

Вѣтеръ молвилъ: — „Ничего.
„Солнце жжетъ, смиришь его.

„Въ свѣжемъ духѣ жизнь моя.
„Вѣю, вѣю, вѣю я“.

„Солнце чтѣ!“ сказалъ Морозъ,
Въ бѣлизнѣ своихъ волосъ.

„Солнце слабо, силенъ ледъ.
„Пострашней со мною счетъ“.

Вѣтеръ молвилъ: „Ничего.
„Жестокъ ледъ, смягчимъ его.

„Въ вешнемъ духѣ жизнь моя.
„Вѣю, вѣю, вѣю я“.

Вѣтеръ Солнце укротилъ,
Шамень — только освѣтилъ.

Озарилъ, не сжегъ меня
Токъ блестящаго огня.

Въ Вѣтрѣ кроткимъ сталъ Морозъ,
Маимъ быть ему пришлось.

Поворчалъ онъ, былъ онъ золь,
И какъ яблоня расцвѣлъ.

Вѣтеръ, Вѣтеръ, ты вѣдунъ,
Съ юнымъ старъ ты, съ старымъ юнъ.

Колдовская — власть твоя,
Въешь ты — и свѣтель я.

Вѣтеръ, Вѣтеръ, весь я твой,
Венчай я теперь съ тобой.

Распознать мнѣ довелось
Солнце, Вѣтеръ, и Морозъ.

СКАЗКА РѢКЪ.

Говорить намъ старина,
 Раньше, въ радостяхъ игры,
 Днѣпръ, Волга, и Двина
 Были братъ и двѣ сестры.

Бѣденъ былъ отецъ у нихъ,
 Чуть родивъ, скончалась мать,
 Домъ былъ пустъ, и домъ былъ тихъ,
 Вотъ, отправились гулять.

Побродила ихъ мечта,
 Походила далеко,
 Все хотять найти мѣста,
 Чтобы разлиться широко.

Какъ-то разъ среди болотъ
 Ночевать они легли,
 Братъ уснуль, во снѣ поетъ,
 Сестры встали, потекли.

Сестры были похитрѣй,
 И какъ длилась темнота,
 Взяли въ хитрости своей
 Всѣ отлогія мѣста.

Братъ проснулся поутру,
 Серебрится ранній свѣтъ,
 Кликуль старшую сестру,
 Кликуль младшую, ихъ нѣтъ.

Разсердился, дрогнулъ братъ,
 Шумный токъ — какъ бѣгъ врага,
 Струи пѣнныя кипятъ,
 Рвутъ крутые берега.

Въ буераки мечутъ гулъ
 Салой гиѣвностей своихъ,
 Вотъ и Море, онъ вздохнулъ,
 Онъ ровнѣй пошелъ, утвѣхъ.

Въ это время двѣ сестры
 Разбѣжались отъ него,
 Были вмѣстѣ до поры,
 Будетъ розно торжество.

Оттого-то у Днѣпра
 Рукавовъ, пороговъ рой,
 И быстра его игра
 Передъ Волгой и Двиной!

ВЕСЕЛАЯ ЗАТВОРНИЦА.

Чья въ буяхъ перебранка?
 Чей шопотъ? Зовъ листа?
 Веселая Веснянка
 Зимою заперта.

За тридевятымъ царствомъ.
 Ты ждешь ея лица?
 Пойди, твоимъ мытарствамъ
 Не будетъ и конца.

Издрогнешь по дорогѣ,
 Измерзнешь ты, и все жь
 Ты въ зимніе чертоги
 Къ Веснянкѣ не придешь.

Она играетъ въ прятки,
 Замкнута, сломанъ ключъ.
 И только разъ ей въ Святки
 Даютъ на праздникъ лучъ.

Дають ей чудо-санки,
 И въ замкѣ, на дворѣ,
 Позволено Веснянкѣ
 Согрѣть сиѣга въ игрѣ.

Но что же, въ самомъ дѣлѣ,
Потерпимъ мы часокъ.
Ты слышишь вой матели?
Въ немъ чей-то смѣхъ и скокъ.

Въ немъ чьи-то прибаутки.
Морозъ грозить: „Навѣкъ!“
Ну, нѣтъ, братъ, это шутки,
Придуть разливы рѣкъ.

Веснянка ожидаетъ.
Мы тоже. Знаемъ ледъ.
Смотри въ окно: Ужъ таетъ.
Веснянка къ намъ идетъ!

ЛѢСЪ.

1.

Пробуждается съ весною,
Переливою волною
Зеленѣеть на вѣтвяхъ.
Отзовется гулкимъ эхомъ,
Крикомъ, гиканьемъ, и смѣхомъ
Для потѣхи будить страхъ.

Кружить, манить, и заводить,
Въ разныхъ обликахъ проходить,
Съ каждымъ разное всегда.
Малой травкой — на опушкѣ,
Въ старомъ борѣ—до верхушки,
Вона, вонъ гдѣ борода.

Лапти вывернуль, и правый
Вмѣсто лѣваго, лукавый,
Усмѣхаясь, натянуль.
То же сдѣлалъ и съ другою,
Въ лапоть скрытою, ногою,
И пошелъ по лѣсу гуль.

То же сдѣлалъ и съ кафтаномъ,
И со смѣхомъ, словно пьянымъ,
Застегнулъ наоборотъ.

Въ разнополость нарядился,
Въ человѣчій ликъ вмѣстился,
Какъ мужикъ идеть, поетъ.

Лишь спроси его дорогу,
Ужь помолишишь ты Богу,
Ужь походиши по лѣсамъ.
Тотъ же путь сто разъ измѣришь,
Твердо въ Лѣшаго повѣришь,
Будешь вѣрить старикамъ.

2.

Гулко въ зеленомъ лѣсу откликается,
Въ чащахъ темнѣть, покуда смеркается,
Смотритъ въ сплетенныхъ кустахъ.
Прячется, кажется, смутнымъ видѣніемъ
Гдѣ-то тамъ, съ шопотомъ, съ хохотомъ, съ пѣніемъ,
Съ шорохомъ быстрымъ возникнетъ въ листахъ.
Лапчатой елью отъ взора укроется,
Встанетъ, и въ ростѣ внезапно удвоится,
Вспрыгнетъ, и съ трескомъ обломится сукъ.
Выросъ, съ вершиной, шурша, обнимается,
Сразу на многихъ деревьяхъ качается,
Тянетъ тысячию рукъ.
Вотъ отовсюду качаны и ропоты,
Тѣни, миганія, шорохи, шопоты,
Кто-то, кто долго былъ мертвымъ, воскресъ.
Что-то, что было въ беззвучномъ, въ неясности,
Стало грозящимъ въ своей многогласности,—
Лѣсь!

3.

Смотреть изъ тихихъ озеръ,
Манить въ безгласную глубь,
Вѣтви сплетасть въ узоръ.
— Лѣсь, приголубь!

Тянеть войти въ изумрудъ,
Съ пыльного манить пути,
Въ глушь, гдѣ деревья цвѣтуть.
— Лѣсь, защити!

Шепчеть несчетной листвой,
Моремъ зеленыхъ пустынь.
— Лѣсь, я такой же лѣсной,
Лѣсь, не покинь!

ЛѢСНЫЕ ЦАРЬКИ.

Кто, въ проворствѣ твердый, могъ
Собственной рукою,
Отойдя отъ всѣхъ дорогъ
Быстро взять, въ завѣтный срокъ,
Звѣздный папороть-цвѣтокъ,
Надъ глухой рѣкою,—
Передъ тѣмъ, въ глухи лѣсной,
Многое возназнѣть,
По-другому глубиной
Глянеть весь просторъ рѣчной,
Для него и звѣрь лѣсной
По-иному крикнетъ.

Тотъ, кто взять умѣлъ въ свой срокъ,
Звѣздный папороть-цвѣтокъ,
На лѣсной дорожкѣ,
На одной изъ тропокъ тѣхъ,
Гдѣ лѣсной змѣйится смыкъ,
Гдѣ цвѣтутъ цвѣты утѣхъ,
На лѣсной дорожкѣ,
Запримѣтить огоньки,
Что мелькаютъ вдоль рѣки,
Это свѣтятся царьки
Золотые рожки.

Прямо онъ туда пойдетъ,
Гдѣ царьки лѣсные,
Вотъ, въ подземный длинный ходъ
Царь царьковъ его ведеть,
Вотъ, вошли въ какой-то сводъ,
Стѣны расписныя.
Ярче утренней зари,
И вечерней краше,
Что захочешь, все бери,
Но другимъ не говори,
Гдѣ рѣзныя чаши,
Гдѣ таятся лягушки,
Гдѣ огни не наши.

Кто захочетъ, вѣря въ стихъ,
Самоцвѣтностей такихъ,
Пусть онъ зря не просить,
А сперва путей земныхъ
Пусть онъ скуку бросить.
И походить вдоль рѣки,
Тамъ гдѣ звѣздные цвѣтки,
Близь лѣсной дорожки,
Что значеньемъ глубоки,
И прядутъ къ нему царьки
Золотые рожки.

ДИВЫ ЖЕНЫ.

Дивы жены внушают намъ страхъ.
 Почему?
 Вспоминаемъ ли саванъ при видѣ ихъ бѣлыхъ рубахъ?
 Пробуждаетъ ли бѣлый тотъ цвѣтъ въ нашемъ сердцѣ безвѣстную
 тьму?
 Или людямъ встрѣчать неуютно
 Въ тѣнистыхъ лѣсахъ
 Не людей?
 Человѣкъ съ человѣкомъ, какъ съ птицею птица, мелькаютъ попутно,
 Все удобно, знакомо, хоть встрѣтъ я разбойника между вѣтвей,
 Знаю, какъ поступить:
 Я слабый — быть убитымъ, сильнѣе — убить,
 Или что-нибудь, какъ-нибудь, ну, ужъ я знаю, какъ быть.
 Туть принять намъ возможно рѣшенье.
 А вотъ какъ поступить, если встрѣтишь ты дивью жену?
 Чуть посмотришь на бѣлое это видѣнье,
 Вдругъ тебя, непредвидѣнно, клонить ко сну,
 И впадаешь въ забвенье.
 Ты заснулъ. Просыпаешься — лѣсь ужъ другой.
 На могилахъ невѣдомыхъ ветлы верхушками машутъ,
 Словно старой сѣдою изсохшей рукой,—
 Убѣги, моль, скорѣй, убѣги, убѣги. Но видѣнія бѣлые плашутъ.
 И лучиной зажженою свѣтять они,
 И приходить, уходить, и бродятъ огни.

Убѣжать невозможно.
Дивыи жены сковали, хотя и не клали цѣпей.
Сердце бьется тревожно.
Разорвется пожалуй. Бѣги, убѣги поскорѣй.
Убѣжать невозможно.
Превратишься въ березу, въ траву, въ можжевельникъ, въ сосну.
Если вѣ-время ты заговоръ противъ нихъ не вспомнишь,
Такъ въ лѣсу, межъ лѣсными, въ лѣсной западнѣ и застриенішь.
Не смотри, проходя межъ деревьевъ, на дивью жену!

ПОЛУДНИЦЫ.

Три полудницы-дѣвицы
 У лѣсной сошлись криницы,
 Часъ полдневный въ этотъ мигъ
 Прозвенѣль имъ въ вѣткахъ, въ шутку,
 И послѣднюю минутку
 Уронилъ въ лѣсной родникъ.

И одна изъ тѣхъ причудницъ,
 Свѣтлокудрыхъ дѣвъ-полудница
 Говорить межъ двухъ сестеръ:
 „Вотъ ужъ утро миновало,
 А проказили мы мало.
 Я съ утра крутила соръ,
 Прахъ свивала по дорогамъ,
 На утесѣ круторогомъ
 Отдохнула — и опять,
 Все крутила, все крутила,
 Утомилась къ полдню сила,—
 Послѣ полдня что начать?“

И отвѣтила другая:
 „Я съ утра ушла въ поля,
 Жили тамъ серпы, сверкая,
 Желтый колосъ шевеля,

Спѣлый колось подсѣкая.
Посмотрѣла я кругомъ,
На межѣ лежитъ ребенокъ,
Свить въ какой-то тѣсный комъ,
Сжать онъ въ саванъ изъ пеленокъ.
Я догадлива была,
Я пеленки сорвала,
Крикъ раздался, былъ онъ звонокъ,
Но душа была свѣтла,
Я ребенка унесла,
И по воздуху носила
Утомилась къ полдню сила,
А ребенокъ сталъ лѣснымъ,—
Чтѣ теперь мнѣ дѣлать съ нимъ?"

И послѣдняя сказала:
„Что жь, начните то же сначала, —
Ты крути дорожный прахъ,
Ты, ребенка взявъ отъ нивы,
Закрути его въ извины,
И качай въ глухихъ лѣсахъ“.
— Ну, а ты что? — „Я глядѣла,
Какъ въ водѣ заря блестѣла,
Вдругъ послышались шаги,
Я скорѣе въ глубь криницы:
Для полудницы-дѣвицы
Люди — скучные враги.
Я въ криницѣ колдовала,
Я рождала зыбь опала,
Я глядѣла вверхъ со дна,
И глядѣли чьи-то очи,
Путь межъ насть былъ все короче,
Чаровала глубина,
Чаровала, колдовала,
И душа позабывала

О намѣченномъ пути,
 Кто-то верхній позабылся,
 Здѣсь, въ глубинахъ очутился,
 Я давай цвѣты плести,
 Горло иѣжное сдавила,
 Утомилась къ полдню сила,
 Вверхъ дорогу не найти.
 Я же здѣсь“.

И три дѣвицы,
 У лѣсной глухой криницы,
 Смотрѣть, смотрѣть, зыбокъ взоръ.
 Ждутъ, и вотъ прошла минутка,
 Вновь звенитъ мгновеній шутка,
 Внѣ предѣльностей разсудка: —
 „Сестры! Дальше! На просторъ!“

ЛЬСУНКИ.

Кто играетъ на опушкѣ?
 Чей тамъ звонкій слышенъ сонъ?
 Тонкій, тонкій, какъ въ игрушкѣ,
 Говорить хрустальный звонъ.

Чьи тамъ маленькия струнки
 Преисполнены чудесъ?
 Это иѣжныя лѣсунки
 Веселять полдневный лѣсъ.

Вонъ, въ одеждѣ паутинной,
 Вмѣстѣ двѣ, и порознь три,
 Волосъ светлый, волосъ длинный,
 И въ вѣнцахъ они, смотри.

Вонъ, еще, семья другая,
 Порознь три, и вмѣстѣ двѣ,
 Пляшутъ, въ зелени мелькая,
 Нѣть слѣдовъ отъ нихъ въ травѣ.

Бриллантъ роняютъ въ дрѣму,
 Въ бѣлый ландышъ, въ василекъ,
 Освѣжаютъ ихъ истому,
 Расцвѣчаютъ лепестокъ.

Вольныхъ бабочекъ вѣнчаютъ
Въ беззаконной ихъ любви,
Стебли тонкие качаютъ,
Говорять всему: Живи.

И лѣсныя щебетуны
Имъ поютъ свой птичій стихъ,
Эти малыя колдуны
Сестры имъ въ забавахъ ихъ.

Въ гусляхъ сказочные струнки
Теребить зеленый жукъ,
Пляшутъ стройные лѣсунки,
Долго длится тонкій звукъ.

ВОДНАЯ ПАННА.

Что это, голубь воркуетъ?
 Ключь ли журчить неустанно?
 Нѣть, это плачетъ, тоскуетъ
 Водная панна.

Чтò на лугу тамъ бѣлбеть,
 Свѣтится луно и странно?
 Это туманы лелбеть
 Водная панна.

Чтò это въ мельницу бьется,
 Жерновъ крутить первозданно?
 Это хохочеть, смѣется
 Водная панна.

Плакала, больше не хочетъ
 Плакать такъ струнико-обманио,
 Въ мельничныхъ брызгахъ хохочеть
 Водная панна.

Кто-то ходиль на откосахъ,
 Съ немъ она вьется сліянио,
 Нѣжится въ мельничныхъ росахъ
 Водная панна.

Возлѣ крутого обрыва
Тайна царять невозбранно.
О, какъ блѣдна и красива
Водная панна!

ОГНЕННЫЙ ДУХЪ.

Кто вдали идетъ предъ нами?
 Черный весь, онъ свѣтить ало.
 Духъ съ двѣнадцатью глазами,
 Духъ, зовущійся Ховада.

Онъ еще зовется Віемъ,
 Онъ еще зовется Тучей,
 Онъ ползетъ по Небу зміемъ,
 Онъ роиаетъ слѣдъ горючій.

Растянувшись отъ Востока,
 Въ дымный Западъ онъ упрется,
 И широко, и далеко
 Онъ грозится, онъ смеется.

Искривленно онъ хохочеть,
 Кровли хижинъ зажигая.
 И грохочеть, и не хочетъ
 Сгинуть въ смерти сила злая.

Вотъ, прошло. Змѣя убита.
 Но надъ вами Небесами
 Вѣчно скрыть, и дышеть скрыто
 Духъ съ двѣнадцатью глазами.

РАЙСКИЯ ПТИЦЫ.

На Макарийскихъ островахъ,
Куда не смотрать наши страны,
Куда не входять Смерть и Страхъ,
И не доходять великаны,—

На Макарийскихъ островахъ
Живутъ безъ горя человѣки,
Тамъ въ изумрудныхъ берегахъ
Текутъ пурпуровые рѣки.

Тамъ камни цѣнныя цвѣтуть,
Тамъ все въ цвѣтены вѣчно-юномъ,
Тамъ птицы райскія живутъ,
Волшебный Сиринъ съ Гамаюномъ.

И если слышимъ мы во снѣ
Напѣвъ, который многолиренъ,
Въ тогъ часъ, въ блаженной той странѣ,
Поеть о счастьи свѣтлый Сиринъ.

И если звономъ нѣжныхъ струнъ
Ты убаюканъ, засыпая,
Такъ это птица Гамаюнъ
Поеть въ безвестномъ, голубая.

ПТИЦЫ ЧЕРНОБОГА.

Воронъ, Филинъ, и Сова,
Слуги Чернобога,
Ваша слава вѣкъ жива,
Съ вами вѣщія слова,
Тайная дорога.

Тотъ, кто Ворона видаль,
Знаеть силу мрака,
Воронъ къ Одину леталь,
Въ вѣчный онъ глядѣль кристаль,
Принялъ тайну знака.

Тотъ, кто съ Филиномъ побыль,
Знаеть тайну гроба,
Филинъ—вѣщий страхъ могиль,
Знаеть, сколько скрыла силь
Тайная утроба.

Кто бестѣдовалъ съ Совой,
Знаеть силу Ночи,
Знаеть, какъ въ рѣкѣ живой
Къ полосѣ береговой
Сдѣлать путь короче.

Воронъ, Филинъ, и Сова
Птицы Чернобога,
Но у темныхъ мысль жива,
Въ ихъ зрачкахъ горятъ слова,
О, горятъ ихъ много.

ВОРОНЪ.

Воронъ и дубъ,
Воронъ съ клювомъ желѣзнымъ,
Воронъ, пьюшій горячую кровь, и клююшій остывшій трупъ,
Воронъ, знающій рѣчъ человѣка,
И донынѣ, отъ вѣка,
Не забывшій, какъ судьбы развѣдать по ру намъ надзвѣзднымъ,
Воронъ, вѣщаи птица Славянъ,
Вѣстникъ Одина, зрящій, какъ въ мірѣ
Разстилается сумракъ ночной, каждый день простирается шире,—
Говориши ли ты карканьеемъ намъ о погибели солнечныхъ стражъ?
Воронъ, домъ твой есть дубъ,
Вѣковой,
Что въ раскатахъ громовъ,
Возрожденно-живой,
Зеленѣеть,
И хоть карканьеемъ ты возвѣщаешь, что въ сумерки свѣтлыхъ
Боговъ,
Между пепельно-дымяныхъ, зажженныхъ пожарами дней, облаковъ,
Волкъ явиться посмѣть
И оскалитъ на Свѣтлыхъ прожорливый зубъ,—
Воронъ, Воронъ, твой дубъ,
Говорить, что за сумракомъ новое Солнце восходитъ,
И подъ карканье рунъ вся дубрава живеть,
И ужъ новые зори напѣтъ Бальдеръ, напѣтъ Бальдеръ выводить,
Мы съ Воскресшимъ воскресли, и пляшемъ, сплетаясь въ хороводъ.

СОВА.

Сова, кто смотрѣлъ въ твое круглое желтое око,
 Тотъ знаетъ великую тайну чудесъ.
 Не царила ли ты въ Небесахъ? Въ ихъ провалахъ нѣмыхъ, тамъ,
 высоко,
 Въ бездонностяхъ синихъ доньки твой знакъ не исчезъ.
 Кто въ полночь читалъ подъ ущербной Луной
 Пожелтѣвшую лѣтопись дней,
 Тотъ меня понимаетъ безъ словъ, и сейчасъ онъ со мною,
 Надъ одной мы строкою,
 Въ пѣснѣ моей,
 Въ струнѣ мы одной, что во славу Вселенной брякаетъ.

О, мудрая птица, чей взоръ темноту проницаетъ,
 Въ ночѣ, гдѣ дневные не видать ни зги,
 Ты сидѣла на страшной избушкѣ Яги,
 Ты глядѣла въ глаза благородной Аенны,
 Ты была за плечами у всѣхъ колдуновъ,
 Ты крыломъ прорѣзаешь ночные долины,
 Навѣвая видѣнья вѣщательныхъ сновъ
 На вѣдовскіе стебли полночныхъ цветковъ,
 Отъ которыхъ принять дуновеніе, мракъ
 Нашимъ снамъ сообщаєтъ твой знакъ,—
 Я знаю, когда-нибудь въ безнахъ, далеко,
 Погаснетъ Свѣтило кружящихся дней,
 Но въ новыхъ почахъ первозданныхъ, въ смѣшаніи тьмы и огней,
 Предъ творчествомъ новымъ зажжется, сквозь Хаосъ, безмѣрное
 желтое око.

ПТИЦА СИРИНЬ.

Птица Сиринъ на Морѣ живеть,
На утесѣ цвѣтномъ,
На скалистомъ уступѣ, надъ вѣчной измѣнностью водѣ,
Начинающа съ шопота волю свою, и ее возносящихъ какъ
громъ.

Птица Сиринъ на Морѣ живеть,
Надъ глубокой водой,
Птица Сиринъ такъ сладко поеть,
Чуть завидѣть корабль, зачаруетъ мечтой золотой,
На плывущихъ наводить забвенье и сонь,
Распинаетъ корабль на подводныхъ камняхъ,
Утопаютъ пловцы въ расцвѣченыхъ волнахъ,
Услаждается музыкой весь небосклонъ,
Звуки смѣха со всѣхъ возрастаютъ сторонъ.
Безпощадна Любовь съ Красотой,
Кто-то властный о Жизни и Смерти поетъ,
Надъ пустыней сѣдой кто-то есть молодой,
Кто струну озарить — и порветъ.
Птица Сиринъ на Морѣ живеть,
Надъ глубокой водой.

ПТИЦА СТРАТИМЪ.

Есть много птицъ, красивыхъ, сильныхъ,
Проворныхъ, злыхъ, любвеобильныхъ,
Не умѣряющихъ свой пыль,
Цвѣтистыхъ въ яркомъ опереньи,
Прекрасныхъ въ бѣгѣ, въ лѣтѣ, въ пѣни,
Въ двойномъ размахѣ вольныхъ крыль.

Есть много птицъ, и плашетъ слава
Орла, и финикса, исалава,
Молва о нихъ — какъ свѣтлый дымъ,
И древенъ воронъ въ снахъ богатыхъ,
Но всѣхъ прекраснѣй межъ крылатыхъ
Всемирно-грезящій Стратимъ.

Онъ неземной, онъ вѣчно въ Морѣ,
Отъ края къ краю, на просторѣ,
Простеръ онъ въ мірѣ два крыла,
И чуть онъ въ полночь встрепенется,
Весь Океанъ воскользнетъ,
Познавъ, что вновь Заря свѣтла.

НА КАМНЪ СОЛНЦЕВОМЪ.

На Камнъ солнцевомъ сидить Заря-Дѣвица,
 Она — улыбчивая птица,
 Въ сияни розовомъ широко-длинныхъ крыль,
 На Камнъ солнцевомъ, онъ — амулетъ всѣхъ силъ.
 Свѣтло-раскидисты сіяющія крылья,
 Пушинки, перушки до Моря достають,
 Все Небо — токъ огня, всѣ облака поютъ
 Отъ ихъ цѣтнаго изобиля,
 Отъ нихъ румянится и нищенскій приютъ.
 Улыбчивымъ лицомъ будя людскія лица,
 Сіяніемъ розовымъ развеселивъ весь міръ,
 На Камнъ солнцевомъ побывъ, Заря-Дѣвица
 Уходить за моря — къ другимъ — и тотъ же паръ.

СВѢТОВИТЬ.

Миъ снится древняя Аркона,
 Славянскій храмъ,
 Пылаютъ дали небосклона,
 Есть часъ громамъ.

Я вижу призракъ Свѣтовита,
 Межъ облаковъ,
 Кругомъ него святая свита
 Родныхъ Боговъ.

Онъ на конѣ, и слишкомъ знаетъ
 Восторгъ погонь,
 О, вихри молній нагоняетъ
 Тотъ бѣлый конь.

Онъ бросилъ алую Аркону,
 Туманъ завѣсь,
 И льнетъ къ нетронутому лону,
 Къ степямъ Небесь.

Онъ позабылъ священность красныхъ
 Заклятыхъ стѣнъ,
 Для свѣжей радости неясныхъ
 Измѣнъ, измѣнъ.

И рогъ съ виномъ имъ брошенъ въ храмъ
И брошенъ лукъ,
И съ нимъ несется небесами
Громовыи звуки.

Славянскій міръ объятъ пожаромъ,
Душа горить.
Къ какимъ ты насть уводишь чарамъ,
Богъ Свѣтовитъ?

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
ЖАРЬ-ПТИЦА	
<i>Жаръ-Птица</i>	3
1. Ворожба.	
Заговоръ на посаженіе пчель въ улей.	7
Заговоръ на зеленую дуброву	9
Заговоръ противъ Змѣи.	10
Заговоръ ратника	11
Заговоръ отъ погасшихъ.	13
Заговоръ Хмѣля.	14
Заговоръ любовный	16
Заговоры семи Вѣтровъ	18
Заговоръ на тридцать три тоски.	20
Заговоръ Красной Дѣвицы	22
Заговоръ Матери.	24
Заговоръ охотника	27
Заговоръ на утиханіе крови.	29
Заговоръ на путь-дорогу.	30
Заговоръ отъ Черной немочи.	31
Заговоръ Громовъ	32
Заговоръ отъ Сглаза	33
Заговоръ противъ Смерти.	34
Заговоръ отъ металловъ и стрѣль.	36
2. Зыбы глубинныя.	
Между Огнемъ и Водой	41
Въ началѣ Временъ.	42
Глубинная Книга.	45

Стр.

Море всѣхъ морей	48
Видѣніе царя Волота	50
Три Неба	52
Чернобыль	54
Навожденіе	56
Тайна сына и матери	61
Горе	63
Добрыня и Смерть	65
Стихъ о Горѣ	67
Стихъ про Онику Воина	69
Отчего перевелись витязи на Руси	71
Загадка	73
Три Сестры	74
Нѣжныя Зори	76
Четыре источника	77
Рѣшеніе Мѣсяцевъ	78
Жернова	84
Колосъ	86
Ленъ	87
Зарина	88

3. Живая вода.

Волхъ	91
Свѣтогоръ и Муромецъ	93
Свѣтогоръ	95
Вольга	98
Потокъ	102
Соловей Будимировичъ	105
Садко	108
Чурило Пленковичъ	113
Микула Селяниновичъ	117
Исполинъ Паши	118
Двѣ рѣки	119
Хвала Ильѣ Муромцу	121
Отшествіе Муромца	124
Цѣлебная Криница	126
Капля крови	127
Передъ цветнымъ оконцемъ	129
Огненной рѣкою	130

	Стр.
Саламандра	132
Трава-костерь	133
Блѣдные люди	135
Ванда	137
Елена-Краса	139
Сѣверные	144
Живая вода	146

4. Тѣни боговъ свѣтлоглазыгъ.

Четверократность	151
Славянское Древо	152
Сварогъ	156
Руевитъ	157
Ярило	158
Богиня-Громовница	160
Радуга	161
Стрибоговы внуки	163
Стихъ о величествѣ Солнца	166
Свадьба Мѣсяца	168
Перунъ	170
Пробужденіе Перуна	171
Гусли-Самогуды	172
Триглавъ	174
Бѣлобогъ и Чернобогъ	175
Царь Огненный Щитъ	178
Облачныя Дѣвы	179
Велесь	180
Колосъ Велеса	182
Праздникъ Зеленої Недѣли	183
Праздникъ Лады	184
Праздникъ Весны	185
Морское Чудо	187
Морская Пани	188
Марія Моревна	190
Богъ Погода	192
Берегиня	194
Богъ Посвистъ	196
Водяной	197
Болотнянникъ	199

	Стр.
Домовой	201
Солнце, Вѣтеръ и Морозъ	203
Сказка Рѣкъ	206
Веселая затворница	208
Лѣсь	210
Лѣсные царьки	213
Дивыи жены	215
Полудницы	217
Лѣсунки	220
Водная панина	222
Огненный духъ	224
Райскія птицы	225
Птицы Чернобога	226
Воронъ	228
Сова	229
Птица Сиринъ	230
Птица Стратимъ	231
На Камнѣ солнцевомъ	232
Свѣтовитъ	233

Книги К. Д. БАЛЬМОНТА.

Подъ сѣвернымъ небомъ. Элегіи, стансы, сонеты.
Въ Безбрежности. Лирика.
Тишина. Лирическія поэмы.
Горящія Зданія. Лирика современной души.
Будемъ какъ Солнце. Книга символовъ.
Только Любовь. Семицвѣтникъ.
Литургія Красоты. Стихійные гимны.
Горныя Вершины. Художественная впечатлѣла.
Фейнны Сказки. Дѣтскія пѣсенки.
Злые Чары. Книга заклятій.
Жаръ-Птица. Свирѣль Славянца.

П Е Р Е В О Д Ы.

Шелли. Полное собрание сочиненій. Т. 1-я. Ц. 2 р.—Т. 2-я. Ц. 2 р.—Т. 3-я
Ц. 2 р.
Кальдеронъ. Сочиненія. Вып. 1-й (*Дѣлъ статьи о Кальдеронѣ, и его драма
Чистилище св. Патрика*). Ц. 90 к.—Вып. 2-й. Философская и герои-
ческая драмы. (1. Жизнь есть сонъ.—2. Поклоненіе Кресту.—3. Стой-
кий Принцъ.—4. Любовь послѣ смерти.—5. Четыре статьи о Кальде-
ронѣ, примѣчанія, и книголюбительскія приложенія). Ц. 2 р. 75 к.—
Вып. 3-й. Драмы ревности и мести.—(1. Врачъ своей чести.—2. За
тайное оскорблѣніе тайная месть.—3. Возлюбленная Гомеса Ариаса).
(Готовится).
Эдгаръ По. Собрание сочиненій. Т. 1-й. Поэмы, сказки. Ц. 1 р. 50 к.—
Т. 2-й. Рассказы, статьи. Ц. 1 р. 30 к.—Т. 3-й. Умозрѣнія. (Готовится).
Ибсенъ. Привидѣнія. Драма. Ц. 50 к.
Уайльдъ. Баллада Рэдингской тюрьмы. Ц. 50 к.
Гофманъ. Котъ Мурръ. Ц. 70 к. Фантастический романъ. Ц. 70 к.
Горнъ. Исторія скандинавской литературы. Ц. 2 р. 50 к.
Гаспарі. Исторія итальянской литературы. Т. 1-я Средніе вѣка. Ц. 1 р.
50 к.—Т. 2-я Эпоха Возрожденія. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ редакціей К. Д. БАЛЬМОНТА.

Гауптманъ. Сочиненія. Т. 1-я. Ц. 1 р. 50 к.—Т. 2-я. Ц. 1 р. 50 к.—Т. 3-я.
Зудерманъ. Сочиненія. Т. 1-я. Ц. 1 р. 50 к.—Т. 2-я. Ц. 1 р. 50 к.
Муттеръ. Исторія живописи. Т. 1-я. Ц. 2 р. 50 к.—Т. 2-я. Ц. 2 р. 50 к.—
Т. 3-я. Ц. 2 р.
Уайльдъ. Саломея. Ц. 1 р.

Въ товариществѣ „ЗНАНИЕ“ поступили въ продажу:

ШЕЛЛИ.

Полное собрание сочинений въ переводѣ

К. Д. ВАЛЬМОНТА.

Новое трехтомное переработанное издание.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1. Лирика, 186 стихотворений.	5. Аласторъ. Поэма.
2. Царица Мабъ. Поэма.	Гелиогравюра Дюжарденъ, изображающая Шелли.
3. Примѣчанія Шелли къ „Царицѣ Мабъ“.	Пояснительные примѣчанія К. Д. Вальмента.
4. Демонъ міра. Поэма.	

Цѣна 2 р.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитна). Поэма.	5. Юліанъ и Маддало. Бесѣда.
2. Царевичъ Атаназъ. Отрывокъ.	6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
3. Строки, написанные среди Евангельскихъ холмовъ.	7. Ченчи. Трагедія.
4. Розалинда и Елена. Современная эклога.	Пояснительные примѣчанія К. Д. Вальмента.

Цѣна 2 р.

ТОМЪ ТРЕТИЙ.

1. Маскарадъ анархіи. Поэма.	8. Карлъ Первый. Драматические отрывки.
2. Письмо къ Маріи Джисборнъ. Въ стихахъ.	9. Торжество жизни. Поэма.
3. Волшебница Атласа. Поэма.	10. Повѣстовательные отрывки.
4. Эпипсиходіонъ. Поэма.	11. Статьи.
5. Адонансъ. Элегія.	Пояснительные примѣчанія К. Д. Вальмента.
6. Эллада. Лирическая драма.	Баллада.
7. Отрывки неоконченной драмы.	Очеркъ жизни Шелли. Э. Даудена.

Цѣна 2 р.

Выписывающіе изъ склада товарищества „ЗНАНИЕ“ за пересыпку не платятъ. Просить обращаться исключительно по адресу: Контора т-ва „ЗНАНИЕ“, Спб., Невскій, 92.

Цена 2 рубля